ВНУТРИ СОСУДА
история о скрытых возможностях мозга и чудесах нейропластичности
как вернуться к жизни после инсульта и не допустить его повторения
ВНУТРИ ВЫ НАЙДЕТЕ QR-КОД С ИГРОЙ ДЛЯ РЕАБИЛИТАЦИИ ПОСЛЕ ИНСУЛЬТА
Po Smith
невролог, гематолог, к.м.н.

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга, в которой реальность сплетается со смелой фантазией, а сложная медицинская тема с историей обычных людей. Каждый день полон забот и событий, и мы забываем о том, что внутри организма живет и действует целая вселенная. Она существует по своим законам, но вдруг случается катастрофа. Инсульт! Ежегодно он поражает все больше молодых людей и является второй по распространенности причиной смерти. Как помочь близким людям пережить удар? Как восстановить работу мозга и вернуться к привычной жизни? Герои, столкнувшись с самым худшим, вместе с автором проходят все этапы болезни, то теряя надежду на лучшее, то вновь обретая ее.

- Po Smith
  - ○
  - ○ Главные действующие лица
    - ■ Роман
    - ■ Вера
    - ■ Клайв, Лола
    - ■ Миса, Дэни, Эд и самый маленький – Поппи
    - ■ Боб
    - ■ Механик
    - ■ Надсмотрщик
  - ○ Предисловие
  - ○ Глава 1
    - ■ 17 апреля 2016 г.
    - ■ 17 апреля 2016 г.
  - ○ Глава 2
    - ■ 20 декабря 2012 г.
    - ■ 13 марта 2013 г.
  - ○ Глава 3
    - ■ 13 марта 2013 г.
    - ■ 13 марта 2013 г.
  - ○ Глава 4
    - ■ 17 апреля 2016 г.
  - ○ Глава 5
    - ■ 17–28 апреля 2016 г.
  - ○ Глава 6
    - ■ 17–28 апреля 2016 г.
  - ○ Глава 7
    - ■ 29 апреля 2016 г.
    - ■

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86

Po Smith
Внутри сосуда
История о скрытых возможностях мозга и чудесах нейропластичности

* * *

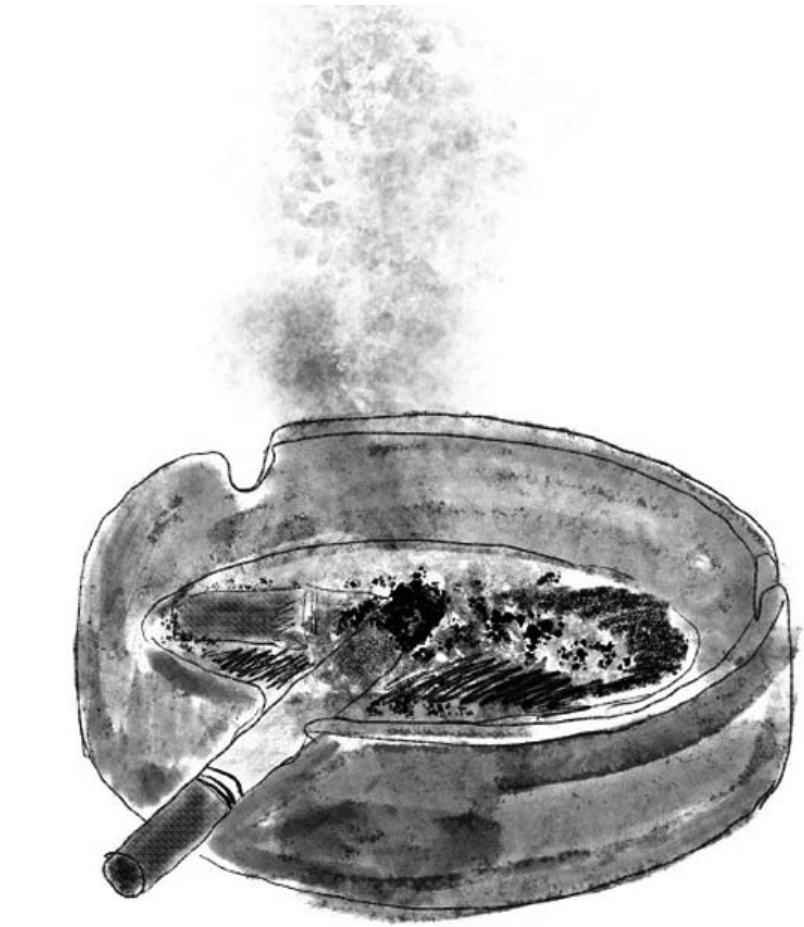
Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Po Smith, текст, 2021
© Po Smith, иллюстрации, 2021
© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

Главные действующие лица

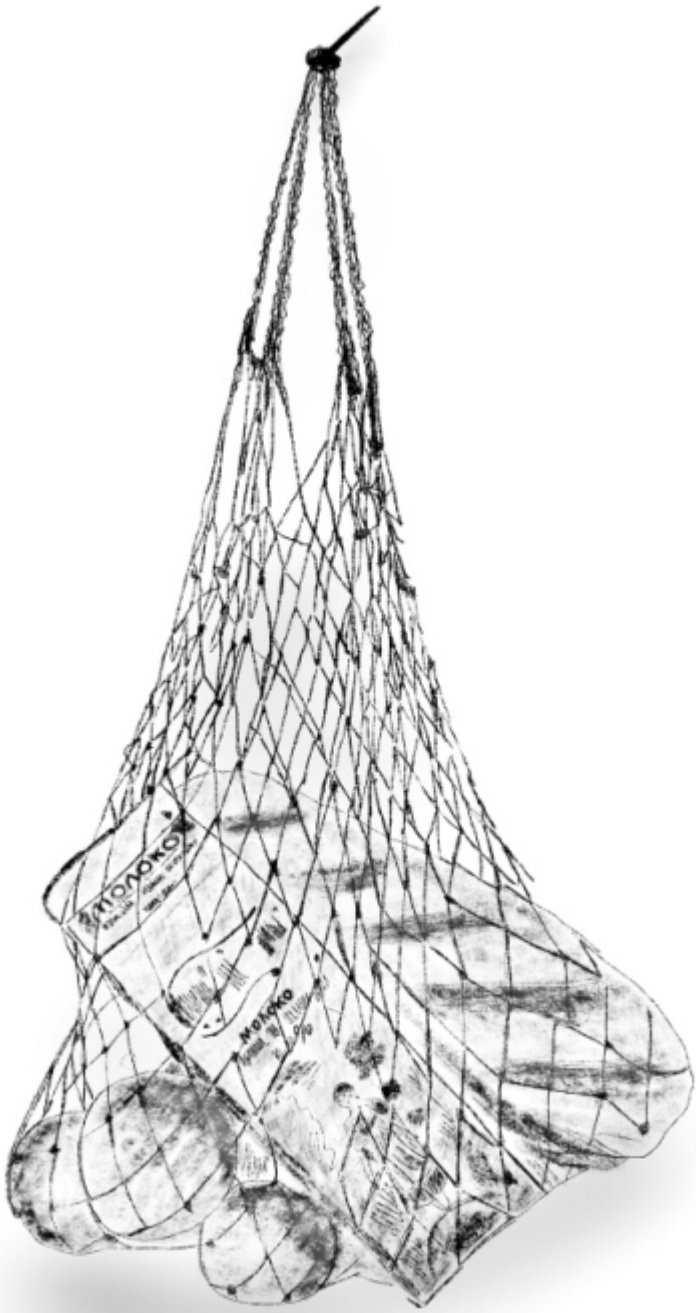
Роман

Я серьезный человек, у меня много планов и уже много сделанных дел. У меня есть жена и дочь… и по меркам среднего жителя нашей родины я весьма успешный, с регулярной зарплатой служащий полиции. Мне за пятьдесят, но я все еще здоров и в состоянии выпить бутылку водки и чувствовать себя неплохо. И я не готов ходить по лекарям и выписывать себе снадобья от мифических гипертонии и атеросклероза. Меня ничего не беспокоит. Не вижу – значит, этого нет.



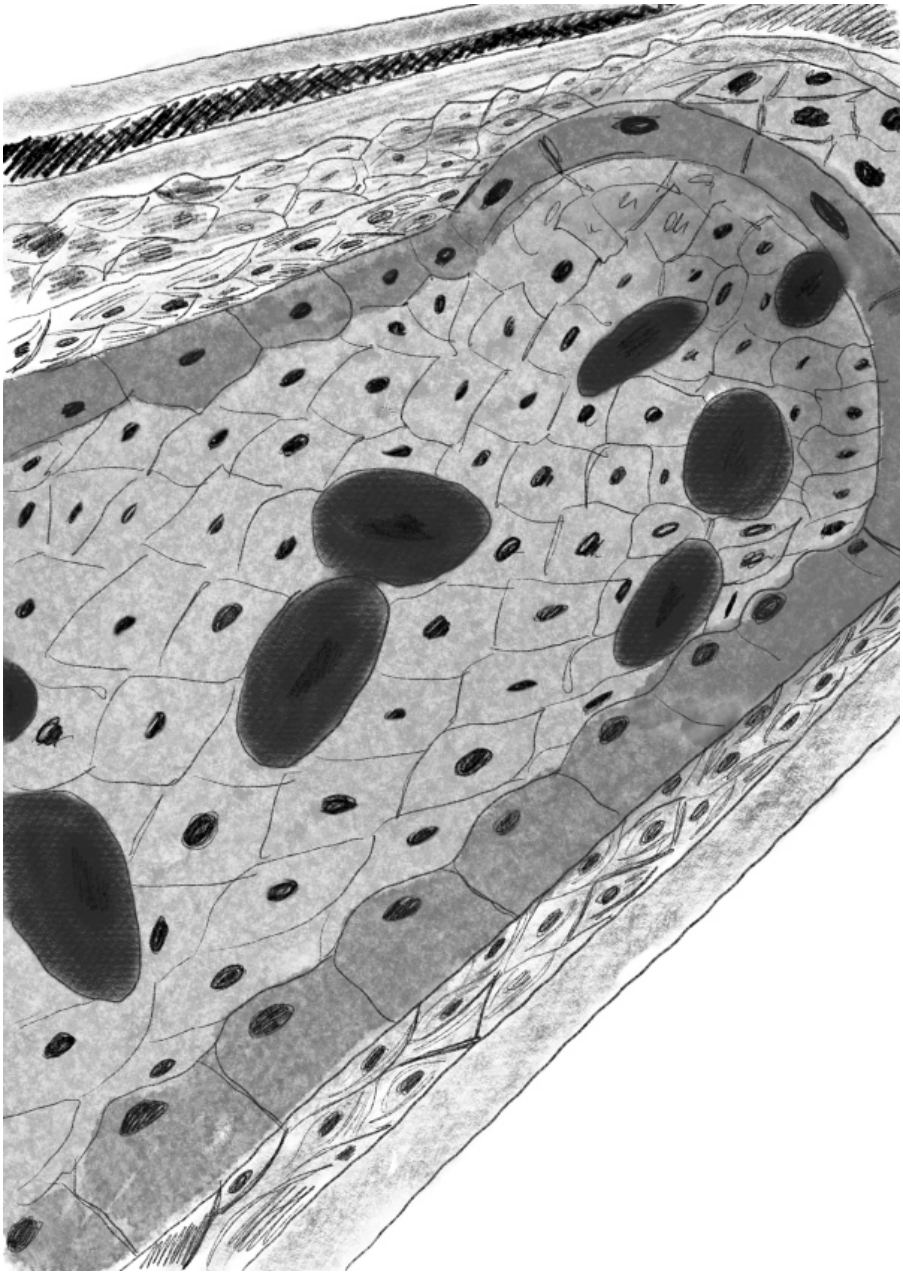
Вера

Я работаю в самом интенсивном по нужде и посещаемости месте – в поликлинике. К тому же на весьма влиятельной должности, по мнению местных пенсионеров, – в регистратуре. Каждый день похож на предыдущий, вереница лиц и одинаковых вопросов. Мне слегка за пятьдесят, я еще полна сил и планов.


ΓΑΛΑΚΤΟΣ
ΜΟΛΟΚΟ

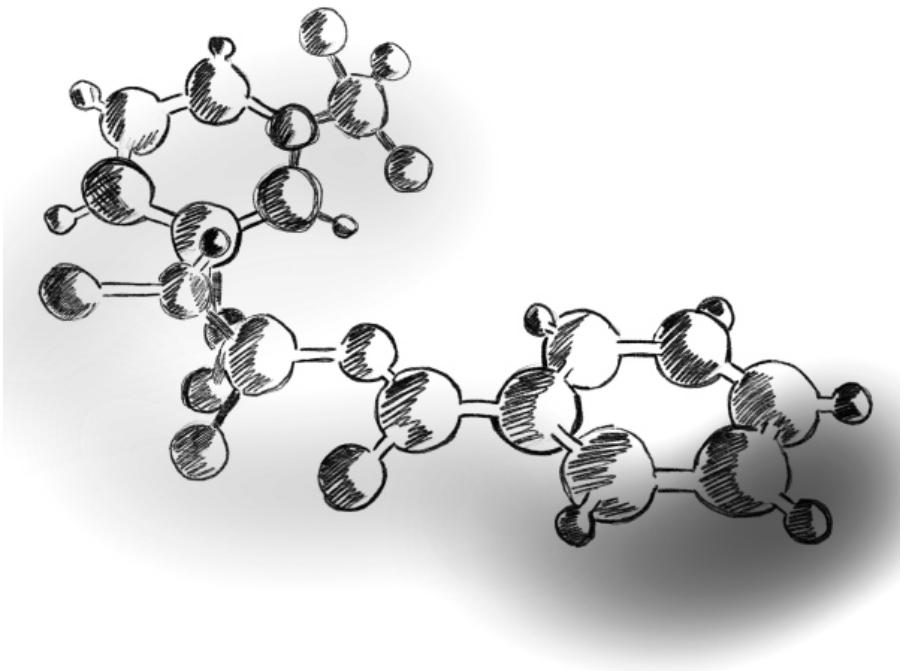
Клайв, Лола

Я стою на страже без сна и отдыха. Я постовой внутри сосуда, сторожевой пес на дороге жизни. Я тот, кто следит днем и ночью за потоком на своем отрезке пути. Я клетка эндотелия, клетка сосуда, выстилающая его просвет. Я все могу. Могу сузить просвет и поднять давление, могу – наоборот, могу позвать на помощь, могу умереть, и на мое место встанет такой же, как я. Мы все здесь внутри на страже одной-единственной цели – сохранить жизнь Хозяину.



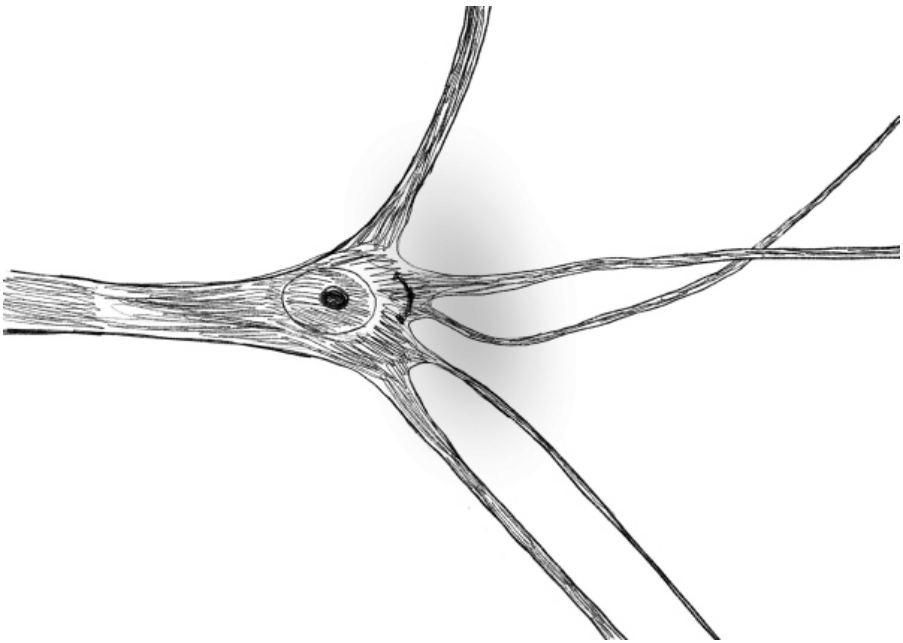
Миса, Дэни, Эд и самый маленький – Поппи

Жирные кислоты. Да, это благодаря нам вы строите свои новые дома, это благодаря нам Хозяин может создать новые ограды для клеток, новые переносчики сигналов, новые стены, новые дороги. Мы – это кирпичи в новых зданиях для нашего мира, мы те, на ком все держится. Мы важнейший строительный материал.



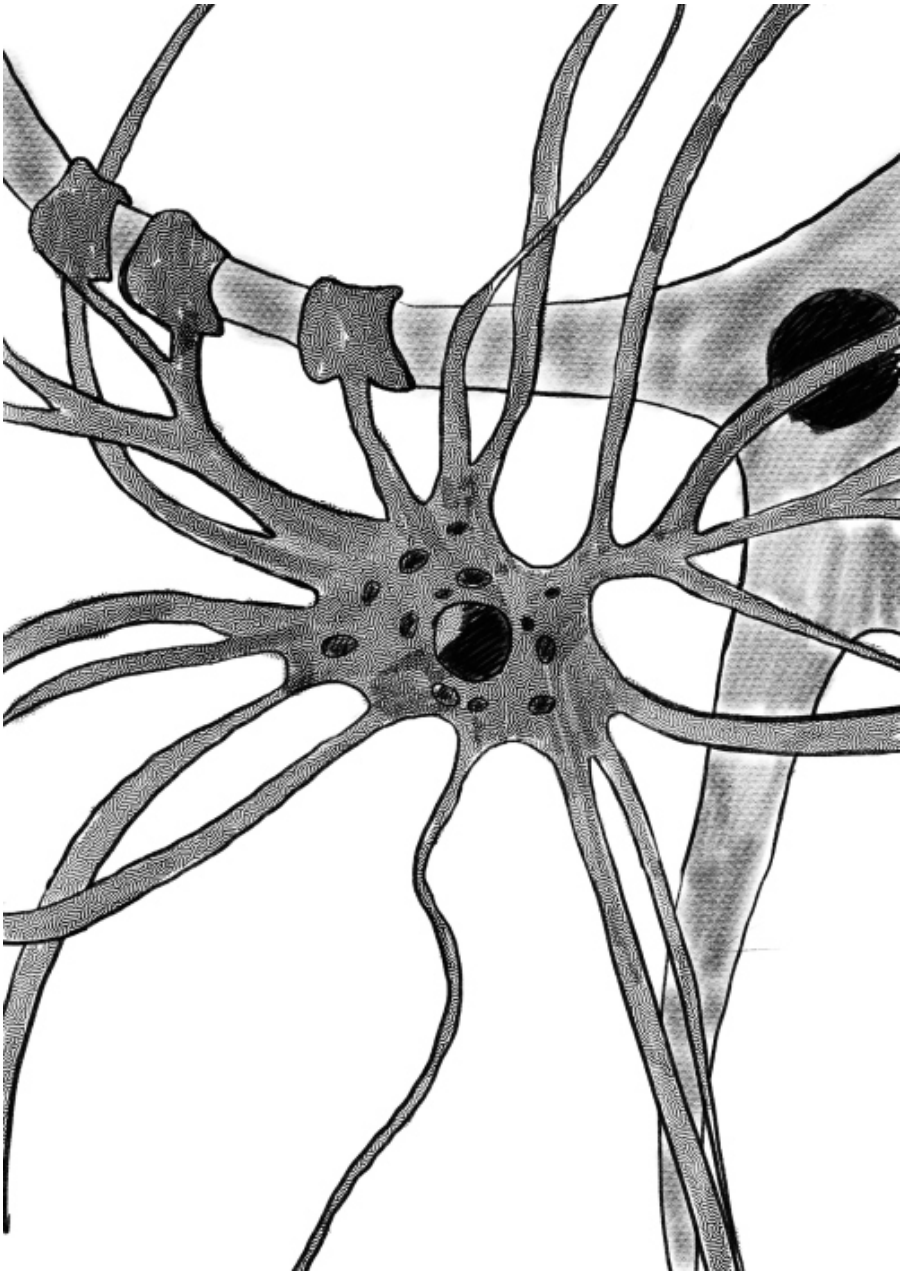
Боб

А вот и я, господа. Добро пожаловать. Я тот, кто дает вам шанс изменять мир вокруг вас, я тот, благодаря кому вы способны ходить, держать, передвигать во внешнем мире вещи и передвигать себя. Я нейрон. Гигантская клетка Беца (пирамидная клетка Беца) в коре головного мозга. Я есть движение.



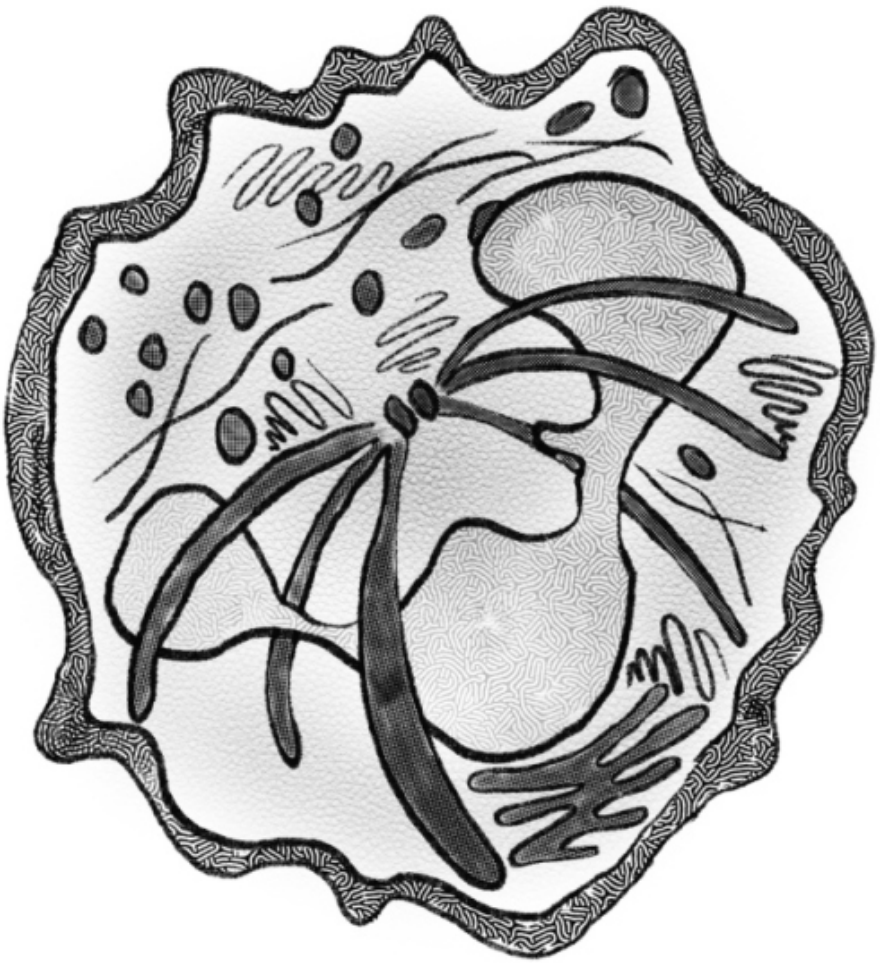
Механик

Я тот, кого никогда не замечают, я всегда прикрыт славой других, я прячусь в тени больших звезд, хотя ни одна звезда без меня не сможет жить… и все победы чужих оплачены моей кровью и моим трудом. Я тот, о ком никто никогда не вспомнит, кого не упомянут в рассказах, не похвалят за работу. Я тень. Я немой помощник в лучах славы моих господ, хоть и добыта эта слава и моими руками, моей болью и трудом. Я – глия.



Надсмотрщик

Я всемогущий, у меня абсолютная власть, здесь я решаю, кто будет жить, а кто отправится к праотцам. Я тот, кто убережет наш мир от врагов, кто стоит на страже наших границ, кто падет в войне смертью храбрых, но не даст чужаку захватить Вселенную. Я тот, кто смоет частицы усопших с наших полей, кто найдет и убьет шпиона, кто отыщет и жестоко расправится с неугодными. Я – клетка. Я – нейтрофил.



Предисловие

Эта книга – не попытка привлечь внимание к здоровому образу жизни. Мы все понимаем: надо следить за собой, надо хорошо (читай – правильно) есть и много спать, надо меньше переживать и т. д. Нет. Эта книга совсем не о том. Она о наводящем всепоглощающий ужас монстре, который поджидает каждого из нас за углом. Никто, абсолютно никто не застрахован от встречи с ним.

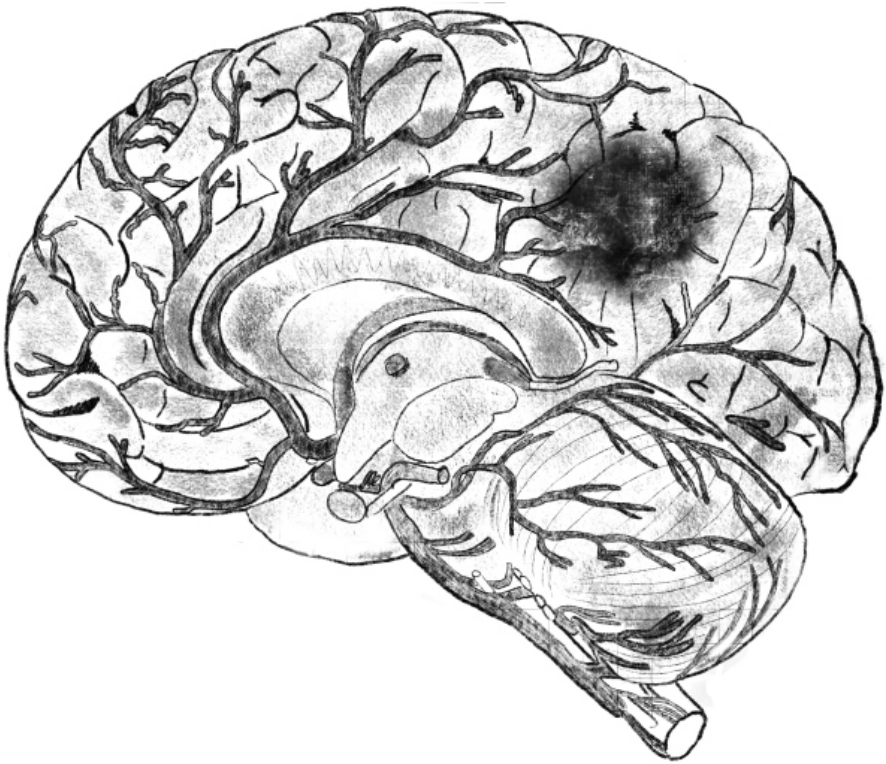
Твой пол, возраст, физическое состояние не имеют никакого значения. Неважно, сколько денег у тебя есть. Монстр не щадит никого. Он непременно разрушит все твои представления о себе. Со всей безжалостностью и мощью растопчет все, что тебе было дорого.

Твои мечты, твое желание накопить летом на поездку в Испанию, на новую машину, жилье, планы все-таки поменять в январе работу или ожидание судьбоносной встречи с партнерами на следующей неделе и что вот-вот начнутся серьезные дела – все это всего за несколько часов будет размозжено. Вся жизнь расколется на множество маленьких осколков, и они слетят с тебя, как шелуха с лука. И останешься перед монстром только ты. И твой страх. Все. И только от тебя зависит, кто победит.

Победа будет не без потерь: после встречи с монстром никто не остается прежним. Но она может быть. Ты можешь выстоять. И наградой тебе будет самое дорогое, что у нас есть, – жизнь.

Эта книга о тебе и мне. И о смерти, которая совсем рядом. Эта книга про инсульт. И если ты думаешь, что это не про тебя, что тебя это не касается, ты ошибаешься. Эта болезнь может затронуть каждого. Если не тебя, то твоих близких.

Мир болен. Но люди предпочитают не замечать этого – не хотят заглядывать за занавес. Преодолей страх, откинь портьеру и узнай о монстре.



Глава 1

17 апреля 2016 г.
Роман

Он открыл глаза, лежа на больничной койке в окружении еще шести таких же усталых, потертых жизнью среднего возраста мужчин. «Так, – подумал он, – что же все-таки вчера произошло?» Голова гудела и отказывалась выстраивать мысли в четкий ряд.

Постепенно он начал вспоминать вчерашний вечер, грандиозную попойку, которую устроили его сослуживцы. Как пьяным возвратился домой ближе к двум часам ночи, как под утро закружилась голова и он подумал, что настала такая степень опьянения, когда, закрывая глаза, чувствуешь, как земля начинает уходить из-под ног. Как потом его затошнило и он решил налить себе стакан воды. До кухни было всего пять-шесть шагов – обычная московская панелька, но он не смог дойти: правая сторона тела не слушалась. Роман вспомнил, как повалился на пол и как жена Вера с руганью пыталась поднять его, поворачивая из стороны в сторону. Через десять минут неудачных попыток он увидел, как гримаса отвращения на ее лице сменилась страхом и, наконец, непониманием. Она поднимала его правую руку, но та безвольно падала на пол. Вера позвала дочь. Двадцатичетырехлетняя Катя выглянула из-за приоткрытой двери и пробурчала:

– Ну что там еще? Опять напился? Мам, да оставь ты его в покое, к утру проспится и будет в норме.

– Катя, посмотри! – закричала Вера. – Его рука не работает! Звони в скорую!

Роман закрыл глаза, попытался успокоиться, сделал глубокий вдох… «Так. Что было дальше? – Мысли копошились в его голове. – Черт, черт, черт! Помню, голова раскалывалась и кружилась так, что все вокруг постоянно находилось в движении. Тошнило страшно. Малейшее движение причиняло невыносимую боль. Все тело болело и как будто наполнилось свинцом: не было сил пошевелиться. В какой-то момент мне показалось, что это все. Конец. Это было слишком больно и тяжело… Потом помню, приехала бригада… Фельдшер в грязном, мятом халате, с неприятным и страшно уставшим лицом начал спрашивать, сколько мне лет, чем болел, есть ли гипертония. Потом холодными и липкими руками стал трогать мои ноги и руки, спрашивать, где я чувствую, а где – нет».

Ему вспомнилось странное ощущение, что трогали его только с одной стороны – левой, а с правой почему-то нет. Затем его

просили сжать руки в кулак. Он не смог. Поднять сначала одну, затем вторую ногу. Левую он с трудом поднял, а правая осталась неподвижной. После дочь побежала к соседям, несмотря на то что уже было два или даже три часа пополуночи: фельдшер сказал, что нужна госпитализация. «Господи, до чего мерзкое, холодное слово, – подумал Роман. – Оказывается, если тебя надо нести и ты живешь выше первого этажа, придется искать соседей-мужчин, чтобы они помогли донести твое пока еще живое тело до скорой».

Он вспомнил, как неловко себя чувствовал, когда увидел насмешливое и заспанное лицо Лехи из сорок первой квартиры, удивленное и встревоженное лицо уже пожилого, но еще крепкого Василия Андреевича из пятьдесят шестой. Порой в экстренных ситуациях выручают люди, которых ранее ты не замечал. Хотя с Лехой лет пятнадцать назад он еще общался, но сейчас их пути совсем разошлись.

«А хорошо мы вчера отметили все-таки мое повышение, – резко сменил он тему у себя в голове. – Ну все, теперь я капитан Роман Викторович Мерцаев. О-о-о… Звучит волшебно. Теперь нормально заживем. Сможем помочь дочери взять ипотеку, родителей поддержим. Да и вообще планов много. Скоро лето, отремонтируем забор на даче. Да и квартиру не помешало бы обновить. Уж сколько лет прошло с ремонта? Семнадцать, наверное…» Роман продолжил размышлять обо всем, но только не о причине нахождения здесь. Этих мыслей он стал избегать.

Его кровать располагалась у окна в углу, откуда открывался вид на всю палату. Еще четыре кровати стояли слева вдоль стены, и еще три – прямо перед ним. Все кровати были заняты, кроме одной – у двери. Рано утром он краем уха услышал, что сосед ночью «отбыл». Верхняя часть стен была выкрашена белым, а нижняя – ужасным зеленым цветом. «Кому все-таки могло прийти в голову красить стены в такой тошнотворный, депрессивный, унылый цвет? Уже только глядя на эти стены и на кое-где отклеивающуюся штукатурку, можно заболеть».

Между кроватями стояли тумбочки с мониторами, мерно пикали какие-то датчики. «Довольно мрачный вид. Как, черт возьми, меня, такого здорового, крепкого, нормального мужика в самом расцвете сил – ведь всего ж пятьдесят четыре исполнилось месяц назад, – могло занести в такую дыру? Да, вчера было ужасно: тошнило, голова болела, слабость, невозможно было руками пошевелить, чувствовал себя как девяностолетний старик. Нет, если люди в девяносто лет себя так чувствуют, я так жить не хочу. Так долго вчера ехали. Вера плакала. Они с фельдшером о чем-то тихо говорили, я не расслышал. Все кочки чувствовал спиной и головой. Когда же в этой стране будут нормальные

дороги? М-да… Когда довезли наконец до больницы, фу-у, раздели, туда вставили трубку… Да, это я помню, больно было. Так, черт побери!» Роман попробовал приподнять одеяло правой рукой. Она совсем не слушалась. «Отлежал, что ли?» Попробовал поднять левой. Под одеялом виднелись трубки и висящий пакет. «Да, действительно вставили мочевой катетер. Ну ладно, это еще ничего, а вот рука… совсем не работает, не шевелится. Черт, ни пальцы, ни кисть, ни локоть, только слегка плечом могу подвигать». Романа бросило в холодный пот, сердце бешено застучало. «Нет… Этого не может быть». Он захотел согнуть ноги в коленях, но смог подтянуть только левую ногу, правая осталась лежать.

«Нет, нет и нет! Так быть не может. Это не для меня…» Роман судорожно стал ощупывать правую половину тела, трогать правую ногу, и мысль, которую он так старательно все это время гнал от себя, начала подбираться.

Он часто на службе сталкивался лицом к лицу с опасностью и действительно страшными ситуациями. Вспомнил, как они с товарищем приехали на место преступления и в полуразрушенной квартирке на первом этаже, служившей притоном для местной наркоманской публики, обнаружили мать, уже давно холодную от передоза, и в руках у нее окоченевшего ребенка трех-четырех месяцев. Малыш замерз из-за разбитого окна. И ведь наверняка надрывался, но никто из соседей так и не позвонил, никого не вызвал. Они тогда стояли и не знали, с чего начать, что делать, как с этим теперь жить. С другой стороны, на такой работенке каждый может хоть десять таких историй рассказать за столом под горяченькое.

Но все эти мысли быстро пронеслись в голове Романа и исчезли. Он стал гладить правую ногу, которая на ощупь казалась холодной, немного липкой, твердой и мягкой одновременно, но, главное, чужой, совсем-совсем чужой. Кусок желтого холодного мяса, чужого мяса. «Я совсем не чувствую ноги». В голове застучало. «Нет, нет… Такое может быть с кем угодно, но только не со мной. Я еще слишком молод, ничем особо не болею. Подумаешь, немного давление поднимается. А у кого нет? И рука… Рука не работает. Ни туда, ни сюда. Черт возьми, да как же так?! Почему я? Почему так несправедливо?.. Да нет, это все временно, все отойдет. Просто надо подождать… – Роман пытался себя успокоить. – А если нет?» – И в голове понеслось: «А как же работа? У меня же куча дел незакрытых, и теперь повышение. Нет, мне на работу пора. Нельзя же вот так мясом лежать. А Вера? Как же она будет одна? А дочь? Что же делать? Выходит, забор не починить к лету? Нога как чужая, мертвая, не моя… Неужели это

конец?»

В палату вошла группа врачей, человек семь-восемь. Первым шел мужчина средних лет. Видно было, что главный. За ним четверо помоложе: трое мужчин и женщина. В хвосте, рассматривая пациентов скучающим взглядом, плелись совсем молодые врачи. «Студенты, наверное, – подумал Роман. – Как неприятно, когда они глядят на тебя. Это ж еще совсем не врачи. Так… Интересующиеся любители. Среди них, однако, очень даже

симпатичненькая есть. Вон какие глазенки остренькие. А я тут лежу экспонатом… Нет, я на это не подписывался!»

– Роман Викторович Мерцаев, пятьдесят четыре года, поступил сегодня в четыре часа утра с жалобами на слабость в правой руке и ноге, отсутствие чувствительности в правой половине тела, – произнесла относительно молодая врач, смотря на главного и держа в руках историю болезни.

«Черт, да ни на что я не жаловался!» – пронеслось в голове у Романа.

– Из анамнеза известно, – продолжила врач, – что пациент, находясь в состоянии алкогольного опьянения, по возвращении домой почувствовал тошноту, позывы к рвоте, головокружение, упал, подняться не смог, бригадой скорой помощи доставлен в отделение реанимации с диагнозом «острое нарушение мозгового кровообращения в бассейне левой средней мозговой артерии».

Ее монотонная речь громом раздавалась у него в голове. Промелькнула мысль: «Так. Какое там у меня кровообращение нарушилось?» А между тем доктор неумолимо продолжала:

– В статусе правосторонний гемипарез, в руке – до плегии, в ноге – два балла. Правосторонняя гемигипестезия, координаторные пробы выполняет удовлетворительно левой рукой.

«Что там она несет? Какие пробы?.. На мне никто ничего не ставил», – возмутился про себя Роман.

Вся группа врачей окружила его и стала обсуждать лечение, физиотерапию, прогноз и какие-то еще не очень понятные слова и действия.

– Роман Викторович, – к нему обратился самый старший из докторов. – Вашим лечащим врачом будет Анна Сергеевна. Вот она. – И он указал на довольно приятной наружности женщину среднего возраста, которая только что докладывала про него. – После обхода она подойдет к вам, и вы сможете пообщаться и задать все интересующие вас вопросы.

«Очень интересно, – отметил про себя Роман, – значит, вот этот самый старший, уже грузный мужик – заведующий отделением реанимации… Везде аппараты, ужасно яркий и холодный свет от ламп и безумно воняет. С детства не люблю этот запах. Когда мне было семь лет, мать потащила меня к стоматологу: что-то там надо было удалить. В советские времена какая была анестезия? „Не орать! Не орать, говорю, а то хуже будет!“ Сквозь сопли и слезы я впитывал царящий в кабинете запах, рывками, с каждым захлебывающимся вдохом. Такой же запах и здесь: спирт, какие-то препараты – наверное, хлорка, зеленка, моча и еще куча других малоприятных запахов».

Группа врачей потеряла интерес к Роману и перешла к его соседу слева. Уже другой доктор стал докладывать о состоянии пациента. Они решали, стоит ли его переводить в палату или еще надо подержать. Решили подержать. И так они обошли всех больных. Студенты тем временем разбрелись по всему отделению и рассматривали инструменты и аппараты. Поток мыслей Романа прервала подошедшая врач:

– Роман Викторович, меня зовут Анна Сергеевна, и я буду, как вы уже поняли, вашим лечащим доктором. Расскажите, как вы себя сейчас чувствуете? Что-то вас беспокоит?

– Конечно, беспокоит. Черт возьми, я здоровый мужик, а лежу здесь, как кусок мяса! Объясните мне, что происходит, в конце концов? – Роман не хотел быть невежливым, но ее спокойствие и дежурная улыбка за секунду привели его в бешенство. Как так… он же здоровый, умный, вполне успешный мужчина среднего возраста, а перед ним стоит какая-то пигалица, гораздо моложе его, между прочим, и выясняет, беспокоит ли что-то его.

– Давайте не будем ругаться, – совершенно спокойно произнесла она, – у вас был инсульт – острое нарушение кровоснабжения головного мозга. Это когда одна из артерий, большая или маленькая, закрывается сгустком крови и участок мозга перестает получать кислород, и, если срочно не предпринять никаких действий, часть мозга погибает. Наши руки и ноги и вообще все части тела имеют проекцию в голове из нервных клеток. Где мозг умер – там работать не будет. Но важно понимать, – тут она сделала паузу, – и в этом наша общая задача – наш мозг настолько уникален и обладает такими возможностями для компенсации, что даже большая площадь гибели мозговых клеток не означает приговор. Давайте с вами договоримся: вас скоро переведут в палату, мы там с вами встретимся и более подробно обсудим лечение. Сейчас для вас основная задача – это отдых. И никакой паники. Да, в первое время довольно сложно примириться с мыслью, что рука и нога не работают. Но нам с вами необходимо думать о реабилитации, надо готовиться к обширной работе.

Роман не нашел что ответить, поэтому просто закрыл глаза и погрузился в свои мысли. Он отметил, что все это время неосознанно продолжал трогать неработающую ногу. «Как же так?.. Как не паниковать? Да тут даже самый хладнокровный, даже безразличный или просто железный человек не сможет спокойно лежать и ждать, что все восстановится. А если нет?.. Если не восстановится? Кому вообще я тогда буду нужен? Ни работы, ни денег, даже гвоздь в доме не смогу забить… Как же так? Вот так и лежать? Ждать, что тебя перевернет с одного бока

на другой жена или дочь? О боже! Нет, об этом даже на секунду задуматься тяжело, нет, невыносимо. И как дальше быть? Нога как чужая, совсем не моя, ничего не чувствую, такая прохладная». Из раздумий его вывел чей-то острый высокий голос:

– Так, поднимайся давай, будем перекладываться на каталку: в отделение поедешь.

Роман открыл глаза. На него глядела невысокого роста, затюканная жизнью, примерно пятидесятилетнего возраста тетка в сероватом от частых стирок халате и шлепках, надетых на носки.

«Что так грубо-то?» – подумал Роман, но решил не связываться и спокойно ответил:

– Да как же я поднимусь? У меня только одна рука и одна нога работают.

– А мне все равно. Я не нанималась вас тут таскать целый день за такую зарплату, – проскрипела женщина. – И вообще, давай поднимайся. Ишь какой здоровый, глядишь, и одной-то руки хватит. Давай-давай, помоги мне. – С этими словами она принялась пододвигать каталку к реанимационной койке.

Как ни старался, но поднять свое тело, оперируя только одной рукой и ногой, Роман не мог.

Почему никто не предупреждал, что, оказывается, это так трудно, когда у тебя лишь одна половина тела работает?

В конце концов стало понятно, что вдвоем они никак не справятся, поэтому на помощь пришли два здоровенных санитара, которые подхватили Романа и в одно мгновение переложили на каталку.

– Тебе повезло, – пробурчала злобная тетка, – в коридоре лежать не будешь: ночью четверо переехали на другой этаж.

– Куда переехали? – поинтересовался Роман.

– Этажом ниже: в морг.

* * *

В палате было невозможно душно. Апрель только начинал набирать обороты: кое-где лежал грязный снег, иногда солнце пробивалось на несколько часов сквозь пелену пасмурных дней, но в целом за окном было холодно и серо. Температура не поднималась выше пяти – семи градусов, поэтому отопление еще не отключили, и батареи в палате шпарили на полную мощность.

«Какое это, однако, мерзкое ощущение, когда тебя везут на каталке, – подумал Роман, – ощущение беспомощности: ты ничего не контролируешь, даже свое тело, ничего от тебя не зависит, и

ты вынужден плыть по течению и в полной мере отдаться во власть происходящего».

Все койки были заняты, кроме одной – у стены рядом с раковиной. С помощью медсестер Романа со второй попытки переложили на койку, прикрыли одеялом и оставили осматриваться.

Он и не заметил, как перед отъездом из реанимации у него вытащили катетер, и теперь он начинал хотеть в туалет. «Господи, ну и вонища! – подумал Роман. – Как же в этом помещении можно дышать?» В палате пахло мочой, нечищеными зубами, потными мужскими немытыми телами и… отчаянием. Роман огляделся: квадратная комната с пятью кроватями – по две у стен и одна в центре, одно большое окно посередине, перед ним стол с наваленными газетами, журналами и остатками печенья. На тумбочках стояли чашки, что-то из еды, кое-где лежали книги. В комнате было лишь трое пациентов. В центре лежал смотрящий в потолок старичок со слегка приоткрытым ртом, из которого исходило шумное, зловонное дыхание. На его тумбочке почти не было вещей. «Наверное, к нему никто не приходит». Напротив Романа располагался среднего возраста мужчина с характерными признаками регулярного употребления алкоголя на лице. Он тоже лежал на спине и, по-видимому, спал. Рядом с ним у окна растянулся молодой парень, лет тридцати, уставившийся отсутствующим взглядом в планшет.

– Здорово, мужики, – произнес Роман, стараясь быть вежливым.

– Здрасте, – буркнул в ответ парень, не отрываясь от планшета.

«Интересно, его-то какая нелегкая могла занести сюда? – стал размышлять Роман. – Ну и место… Воздух глаза режет. Почему ж так воняет? Почему нельзя проветривать там, мыться, что ли? Писать страшно хочется. А как же дойти до туалета? Я ж не то что идти, встать не могу. Нет. Просить утку позорно. Нет. Я мужик, капитан, взрослый человек, и справлять нужду в горшок? Да еще на людях? Ни за что». Чем больше Роман пытался отговорить себя от желания облегчиться, тем больше ему этого хотелось.

– Обедать! – разнеслось по всему отделению.

«О! Да уж, поесть, может, было бы и неплохо, но очень сильно хочется в туалет». – Роман уже и растирал руки, и нажимал на живот, и пытался отвлечься. Ему уже стало все равно, что вокруг были люди. В этот момент в палату вкатили стол на колесиках, заставленный тарелками и баками с едой.

– Обедать будем? – спросила санитарка.

– А что дают? – оторвался от планшета парень.

– Что есть, то и дают, – отрезала она.

«Ну почему нельзя как-то повежливее? Мы что, звери, что ли? Почему должно быть такое жесткое отношение? Чем мы заслужили такие ответы, в таком тоне? Мы ж не виноваты, что у нее как-то не сложилось в жизни, денег нет, наверное, дети выросли, уехали, квартира на окраине города, ездить тяжело, может, еще надо ухаживать за пожилыми родителями. Да, жизнь – тяжелая штука. Но по большей части мы сами выбираем, какой она будет, за исключением, конечно, непреодолимых обстоятельств. Что же на зеркало пенять, коли рожа крива? Если тебе классно было расслабляться в молодости, неохота было ни учиться, ни читать книги, ни образовываться, ни профессию получить, ну, так и злиться надо на себя, на свое неумение и лень, а не на всех вокруг. И не обвинять окружающих – от соседей до президента – в своих неудачах… – Течение мыслей Романа прервал явственный непреодолимый позыв. – Так, если я сейчас не облегчусь, меня разорвет».

– Простите, а можно мне утку? – выдавил из себя тихим голосом Роман. Ему даже показалось, что это вовсе и не его голос. «Господи, как унизительно», – подумал он.

– У меня нет времени бегать тут. Дойду до середины отделения и передам сестре. Это ее забота, – проворчала санитарка, наливая жидкую массу в тарелку. – Вот твой обед. Через пятнадцать минут заберу тарелки, чтоб не оставляли мне тут посуду до вечера.

– Эй, мужик, – послышалось с другого конца палаты. – Над твоей головой есть кнопка вызова медсестры, нажми – и будет тебе счастье, – сказал молодой парень и вновь принялся за еду.

– Спасибо за помощь, – проговорил Роман.

В другое время он даже не обратил бы внимания на такого человека, как этот парень. Но сейчас все менялось, жизнь постепенно поворачивалась к нему совсем другой стороной. Он нажал на кнопку. Подождал несколько минут. Никакой реакции. Он нажал еще раз. Из коридора послышались быстрые шаги.

– Да? Что нужно так, а? Вы новенький? Мерцаев? – пролепетала маленького роста, полненькая, но, видно, очень проворная и в прошлом довольно симпатичная медсестра.

«На вид ей лет тридцать семь – тридцать восемь», – прикинул в уме Роман, а вслух произнес:

– Мне бы в туалет, помочиться, а то сил больше нет терпеть.

– Дак утка ж под вашей кроватью, руку только протяните – и все, – прощебетала она.

«Вот опростоволосился. Господи, как же это все неприятно. Такие мелкие подробности, детали, а как существенно ухудшают

жизнь». Роман попробовал перевернуться на правый бок, чтобы достать утку, но это оказалось решительно невозможно, учитывая, что правая сторона у него была совершенно нерабочая. «Черт, черт, черт! Да когда же это кончится?!» Он снова нажал на кнопку вызова медсестры.

Через несколько минут она вновь влетела в палату.

– Так. Что еще? – невозмутимо спросила она.

– К сожалению, сам я не могу справиться, – процедил Роман и, как ему показалось, покраснел.

– Давайте я вам помогу. По-быстренькому. Не будем затягивать: у меня еще куча дел.

И с этими словами она достала из-под кровати утку, точнее, что-то вроде стакана с длинным горлышком. Роман и не знал, что существуют такие приспособления для справления мужской малой нужды. Затем медсестра уверенно откинула одеяло, расстегнула и спустила мягкие домашние штаны, в которых был Роман, и подставила горлышко прямо под причиндалы. И ничего.

– Ну, писайте же, писайте. Пс-с-с-с-с-с…

«Господи, ну за что же мне все это?! Какое унижение! Я же мужик здоровый, а даже помочиться сам не могу. Ох, нехорошо, совсем нехорошо мне. Так я жить не смогу. Нет. Это все пора заканчивать… – Мысли Романа прервались звуком льющейся мочи и непередаваемым облегчением. – Фуф, боже, как хорошо. Да, для счастья на самом деле немного надо. Это, конечно, не счастье, но жить легче».

– Ну вот. Так-то, небось, лучше? – с улыбкой произнесла медсестра, поставила на пол судно и убежала по своим делам.

Роман украдкой оглядел палату: не смотрит ли на него кто. Но все немногочисленные его соседи были заняты своими делами, и никого совершенно не интересовала его маленькая неловкость.

В палату вошла доктор, которую сегодня утром он видел на обходе в реанимации. В руках она держала стопку историй болезней и явно не была намерена долго оставаться с ним.

– Роман Викторович? Добрый день еще раз. Напомню: меня зовут Анна Сергеевна, мы с вами утром виделись в реанимационном отделении. Давайте с вами пообщаемся, это не займет много времени, – прощебетала врач с легкой улыбкой.

– Здравствуйте, я очень жду вас. Можете мне объяснить, что происходит и когда моя рука и нога вернутся в строй? Мне ж на службу пора, – пробурчал Роман.

До этого момента у него в голове был целый ряд вопросов и даже была заготовлена речь. И вот сейчас доктор перед ним, а Роман чувствует себя каким-то потерянным и беспомощным,

потому что совсем не помнит, что хотел спросить.

– Роман Викторович, – мягко начала она, – повторю: вы перенесли инсульт. Инсульт – это когда один из сосудов, питающих головной мозг, закрылся, там образовался тромб, из-за которого клетки головного мозга перестали получать питательные вещества и кислород.

– Погодите, но инсульт бывает у пожилых и с давлением! А я-то здоровый, полный сил мужик. Это же не про меня. Я ж не болею даже! Последний раз на больничном был лет десять назад, – почти прокричал Роман.

– Да, все правильно, – вежливо и совершенно спокойно ответила Анна Сергеевна. – Так бывает очень часто, когда люди и не подозревают, какие процессы происходят у них внутри организма. И зачастую инсульт – это как гром среди ясного неба. Ваши рука и нога не работают, потому что погибли клетки мозга, которые отвечают за их работу. Что будет дальше, зависит от нашей с вами совместной работы. Сейчас наша с вами задача – начать лечение и реабилитацию, чтобы соседние клетки, которые не погибли, взяли на себя функцию умерших товарищей. Но это не всегда удается в полной мере, иногда эффект бывает минимальным. Все зависит от индивидуальных особенностей организма. И конечно, от того, как старательно вы будете выполнять все упражнения. Итак, с сегодняшнего дня вы начнете получать лечение – придет доктор, который определит объем физиотерапии, – и приступите к упражнениям и механотерапии.

Она оглядела Романа еще раз и направилась к молодому человеку у окна.

– Ну что, Федя, как дела? – весело спросила она, пытаясь с силой разогнуть его руку, которая совершенно не поддавалась. – Пока явного эффекта нет, надо дальше работать.

Постояв еще минуту и написав что-то в истории болезни, она направилась к выходу.

«И это все? – подумал Роман. – Я столько вопросов хотел задать, а так ничего и не спросил и никаких ответов не получил. Что значит „клетки умерли и могут не восстановиться“? Так не бывает. Как можно, чтобы на пустом месте у совершенно здорового человека отнимались руки и ноги? Так же не бывает!» Холодная испарина покрыла лоб Романа. Все это время он отгонял от себя тяжелые мысли и избегал пугающего вопроса: «Как, черт возьми, я буду жить, если полтела не будет работать?!» Ледяной ужас начал окутывать его внутренности, Роману стало трудно и больно дышать. «Очень сложно взять себя в руки. Просто невозможно. Нет таких сил. Страшно. До самой последней косточки продирает леденящий ужас. А что, если вот так все и

останется? И ходить я больше не смогу. И водить машину. И что вообще я делать буду? Да кому я вообще буду нужен? Вера. Как там Вера?»

17 апреля 2016 г.
Вера

– Черт, где ж его носит? Уже полвторого ночи. Как всегда, на бровях приползет. Как же это все надоело. Невозможно. Каждый раз одно и то же. Катя, позвони ему! Где его носит?

Вера в бешенстве сидела на кухне и ждала мужа с отмечания его повышения. Злость и обида не давали ей уснуть. «С другой стороны, может, все изменится: денег будет больше, жить станет легче. Сможем помочь дочери с жильем и ремонт наконец сделаем», – думала она.

Катя с заспанными глазами вошла в кухню и промямлила:

– Мам, ну что такое? Все норм. Я звонила. Отец сказал, что они отмечают его повышение, друзья подбросят его. Ты вспомни, сколько лет он ждал этого. Сколько планов мы строили!

Вера посмотрела на дочь, поднялась со стула, налила себе в кружку остывшего чая и стала вспоминать. Да, они действительно любили собираться на кухне и вместе обсуждать, что все может измениться, что будет больше денег и они купят новую кухню, коричневую, деревянную, с круглыми ручками – она ее в журналах по интерьеру видела. Казалось, что нет особо проблем, что эта нищета не такая острая. Что они не три совершенно разных человека, связанных одной лишь генетикой, а у них есть что-то, что их объединяет, – общий план, мечта. Казалось, что серые будни не такие уж и безобразные. Да, сил осталось совсем немного: всю жизнь она проработала в регистратуре в поликлинике. Каждый день одно и то же. Каждый день бабульки, которым надо выписать очередные лекарства, выдать новые талончики. Каждый день карты, очереди, суматоха… Сейчас стало полегче. Реформа дает результаты. Очереди исчезли. Но и врачей стало меньше. Не хочешь помереть – плати, сейчас болеть – дорогое удовольствие.

Вера так и не смогла работать медсестрой, хоть и окончила Саратовское училище с отличием. Она не смогла преодолеть себя настолько, чтобы каждый день резать, колоть, перевязывать. Как оказалось, все это ее сильно травмировало. В детстве Вера так мечтала, что будет ходить по домам и помогать людям. На деле же выяснилось, что она не очень-то их и любит.

За столько лет работы в регистратуре Вера научилась определять по лицу, с какими проблемами пришел пациент в поликлинику. Это стало единственно доступным развлечением для нее – смотреть на человека и представлять, чем он живет, что

его ждет дома.

Есть категория мужчин, которые в основном идут к врачу в самый последний момент, когда уже все давно запущено, но они продолжают храбриться и уговаривать себя, что все в порядке.

Существует типаж слабоватых мужчин. Таких воспитывали очень бдительные матери. Они посещают поликлинику, даже когда все и так терпимо: им обязательно нужно подтверждение врача, что все под контролем и им ничего не угрожает.

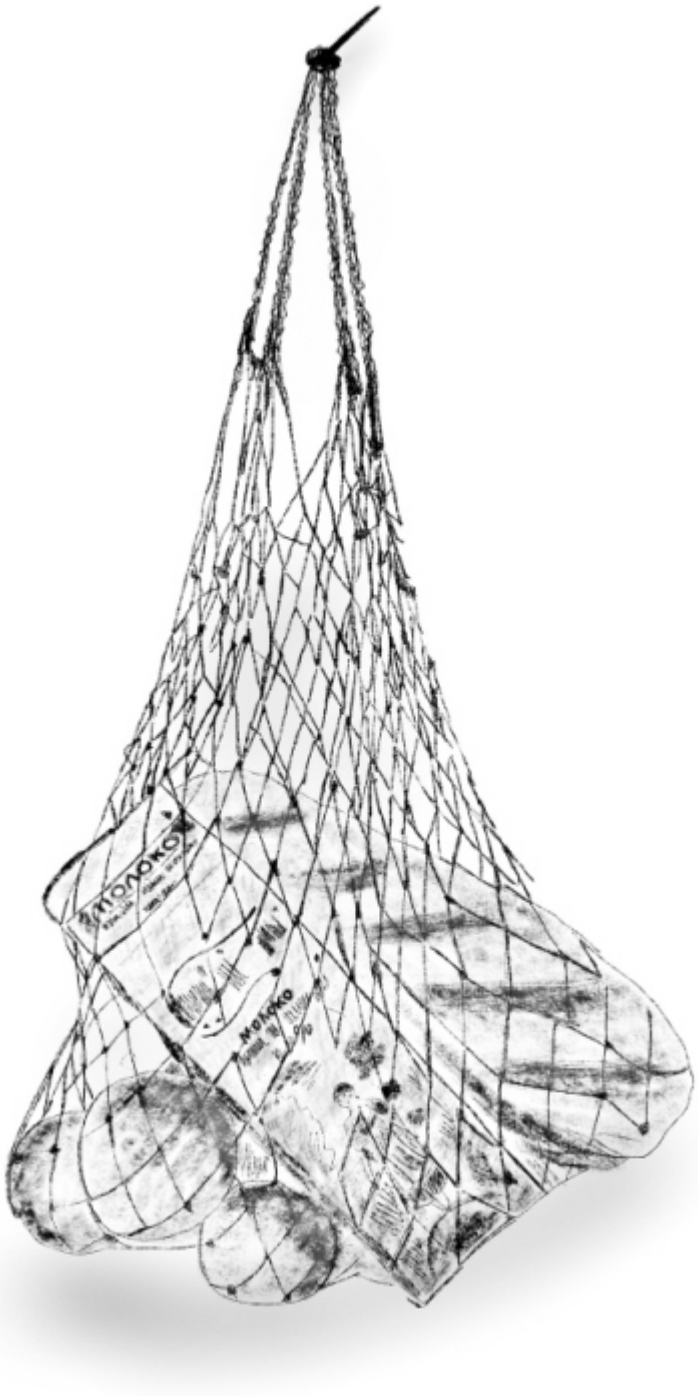
Есть «ломовые лошади» – дамы среднего возраста, которые тоже к врачу идут в самый последний момент и только потому, что дальше терпеть уже нет сил. Это женщины в духе «язык на плечо и вперед». Они вечно с сумками, каменным выражением лица, вечно готовые к борьбе. Этакое постсоветское наследие генералов битв в очередях за колбасой.

А есть женщины, которые живут лишь детьми и сидят на шее мужа, маскируя свои страхи воспитанием детей, хлопотами об их развитии и всяческой заботой. Дети вырастают, и мужья таких дам уходят к более молодым в поиске новых впечатлений, или задерживаются на работе, или проводят больше времени с друзьями, с которыми можно поговорить не только о школьных и институтских успехах детей. И тогда эти женщины идут в поликлинику за помощью, потому что все в теле вдруг начинает рассыпаться. Все болит. Они ходят по самым разным докторам и сдают много анализов, а ответа все нет. И рецепта нет.

Но самый тяжелый вариант – это те женщины, которые считают, что им все должны. Они отработали на государственной службе много лет и вот вышли на пенсию. Им ничего не нравится, они считают, что все вокруг отвратительно, что все должны внезапно исправить мир по их задумке. Эти женщины слегка вальяжно, с презрительной улыбкой вплывают в окошко регистратуры и сразу с недовольством и легкой угрозой в голосе требуют к себе внимания. Немедленно. При их обслуживании всегда случаются какие-то огрехи в работе. Не по вине Веры. Мир как будто пытается проучить таких дам, предоставляя им полный перечень впечатлений: забытые вещи, потерянные медицинские карты, случайно записанные на одно время пациенты, закрытые записи к врачам. Все это вынуждает этих женщин отчаянно отстаивать свои права и представать в полной красе перед окружающими. Таких пациенток Вера не любила больше всего, и с ними ей было сложнее всего общаться. Некоторые люди идут по жизни с девизом «Мне все должны». У такого типа людей всегда на лице налет неудовлетворенности этой жизнью. Они хотят большего. И, как со временем поняла Вера, это вовсе не зависело от достатка: даже если деньги были, все равно радости и улыбок

на лицах этих людей она не видела.

И конечно, бабули. Интернет и телевидение пестрят шутками о них. И надо сказать, они правда составляют львиную долю посетителей. Вера из окошка регистратуры не только постоянно слышала их, но и видела, как по две-три такие бабули собираются и обсуждают новых участковых, массажиста из отделения физиотерапии, кто какие кому назначал капельницы профилактические или новые таблетки, как все нынче подорожало невозможно. «Вот в советское время… То было да! И лекарства достать можно было, и болели меньше. Да, а Нинка-то из тридцать второй опять забеременела…» И так три четверти дня у окна регистратуры. «Хорошая какая работка за двенадцать тысяч рублей в месяц! Непыльная!»



Звонок в дверь вырвал ее из своих мыслей. «Ну, наконец. Явился в половине второго ночи…» Вера сделала последний глоток чая и пошла открывать. По дороге она тщательно пыталась

успокоить себя, чтобы не начать кричать и реветь от бешенства: она не сомневалась, что он придет домой на бровях, а ведь они столько раз договаривались, что он не будет напиваться.

Вера повернула ключ в замке, открыла дверь и увидела «тело». На нее отсутствующими глазами, с трудом стоя на ногах, смотрел Роман. Он попытался улыбнуться – и на нее пахнуло волной перегара. Вера захотела закрыть перед ним дверь, но он с силой оттолкнул ее и ввалился в коридор. Роман с грузным выдохом приземлился на тумбу, стянул с себя сапоги и старое пальто. «Ну почему все так изменилось? Мы ведь были такими родными людьми! Куда все исчезло?» Вера обессиленно подняла пальто мужа с пола, а затем стала оттаскивать его в комнату, которая была одновременно кабинетом, их спальней и гостиной. Они доплелись до разложенного дивана, и Роман тут же рухнул на него. Вера стянула с мужа штаны и села в кресло напротив. Вскоре послышался мерный храп Романа, и Вера решила, что пора и ей ложиться: завтра на работу. Она пошла в ванную, умылась, вернулась в постель и мгновенно заснула.

Разбудил ее страшный грохот, донесшийся из коридора. Она посмотрела на часы. Только два сорок пять. Поспала от силы всего полчаса. Вера нехотя поднялась с постели, вставила ноги в тапки и поплелась смотреть, что произошло. Выйдя в коридор и включив свет, она увидела мужа, отчаянно пытающегося подняться с пола. Видно было, что для него это невыполнимая задача. Она подошла к нему, взяла его под мышками и попыталась перевернуть на живот, чтобы потом он мог встать с колен.

– Рома, ну сколько можно?! Посмотри на себя. Это отвратительно. Напился как свинья! – простонала она. – Давай поднимайся. Руками держись. Ну что такое?! Возьми себя в руки, давай, шевелись. Рома! Ну! – Видя его неуклюжесть и неспособность ни встать, ни перевернуться, она предприняла еще одну попытку помочь ему и в конце концов выпустила его из рук. Тело мужа безвольно повалилось на пол. Роман явно уже был не так пьян, и взгляд его стал осмысленным, в нем читались страх и недоумение.

– Вера, я не могу подняться, у меня сильно кружится голова… Меня тошнит… Принеси таз! Скорее!

Вера побежала в ванную, достала таз позади стиральной машинки и вернулась как раз вовремя, чтобы успеть подставить его под струю вчерашнего праздничного ужина. Роман захлебывался рвотой, чихал, из его глаз брызнули слезы.

– Вера, мне нехорошо! – простонал он. – Принеси воды, пожалуйста!

Вера напоила мужа, а затем стала поочередно поднимать его руки и увидела, что правая рука сразу падает на пол. Она позвала дочь:

– Катя, вставай, отцу плохо!

Заспанная Катя выглянула из комнаты и пробурчала:

– Ну что там еще? Опять напился? Мам, да оставь ты его в покое, к утру проспится и будет в норме.

– Катя, посмотри! – закричала Вера. – Его рука не работает! Звони в скорую!

Снисходительность во взгляде дочери тут же сменилась страхом. Она побежала к себе и вызвала скорую. Вернувшись, Катя подошла к отцу и попыталась поднять его, на ее глаза выступили слезы.

– Папа, папа! Что случилось? Поговори со мной! – всхлипывая, произносила она. – Что с тобой? Не молчи!

Но Роман только закатывал глаза. Вера носилась вокруг с мокрыми тряпками, вытирая лужу, которая образовалась под ее мужем. «Господи, – думала она, – только не инсульт». Из фельдшерского курса в училище Вера смутно припоминала, что руки вот так могут перестать работать из-за инсульта. «Да нет же, – пыталась она себя успокоить. – Откуда у него инсульт? Так не бывает, чтобы на ровном месте, вот так ни с того ни с сего. Понятно, есть люди, у которых гипертония, болеют часто. Но Рома-то ничем не болел. Я даже не помню, когда он в последний раз больничный брал. Лет десять, наверное, назад. Люди же вот так вдруг не заболевают! У соседа инсульт был, он помер. Но ему же семьдесят было или больше. А чтобы в пятьдесят четыре у здоровых людей… Так не бывает! Только не инсульт». Она всхлипывала и протирала мокрой тряпкой лицо и шею мужа, убирала остатки рвоты. «Так, сейчас врач приедет. А тут все в рвоте, пахнет плохо, вещи разбросаны. Неловко».

– Катя, убери вещи с пола: сейчас врач приедет, – тихо попросила она.

– Мам, ну какая разница? Отцу плохо, а ты про бардак! – поморщилась Катя.

– Все равно убери. И принеси чистую майку, давай переоденем его.

Оказалось, снять запачканную майку и надеть другую не так просто. Во-первых, надо было приподнять здоровенного мужика: Роман был ростом больше ста девяноста сантиметров и плотного телосложения. А во-вторых, руки с трудом попадали в предназначенные для них отверстия. Спустя десять минут борьбы они смогли натянуть майку. И тут позвонили в домофон.

– Мама, наверное, скорая приехала. – Катя поднялась, чтобы

открыть дверь и встретить врачей.

Через несколько минут они услышали, как открываются двери лифта, и на пороге появились люди в синей одежде. Вера почувствовала запах больницы и процедурного кабинета: «Почему врачи скорой помощи так по-особенному пахнут? Какими-то лекарствами вперемешку с хлоркой и страхом». В коридор вошли молодой мужчина, лет двадцати пяти – тридцати, и женщина постарше, лет пятидесяти. У обоих на лице читалась усталость с легким налетом безразличия и спокойствия. Мужчина произнес:

– Так, где тут у вас пациент? Что случилось? Вижу. Все понятно. Говорить может? Как зовут? Сколько лет?

Вера вжалась в стену и стала сбивчиво отвечать:

– Это мой муж, пятьдесят четыре года. Сегодня вернулся после гуляния на работе немного пьяный. Но вообще-то он мало пьет, он приличный человек. Может, раз в месяц… по праздникам. Ночью он пошел на кухню, наверное… и не дошел. Меня разбудил грохот в коридоре. Потом его вырвало. Еще он говорил, что сильно болит голова. Мы пробовали его поднять, но он обратно валится на пол. Скажите, это же не инсульт? Он же совсем молодой. Так не бывает!

– Так, гражданка, давайте без предположений и диагнозов. Как зовут тебя, эй? – Фельдшер потряс Романа за плечо. – Как тебя зовут, помнишь? Какой сегодня день?

Муж с трудом приоткрыл глаза, скривился:

– Меня зовут Роман Викторович Мерцаев, шестьдесят второго года рождения, сегодня вторник, семнадцатое апреля, год две тысячи шестнадцатый. Голова страшно болит и кружится. Не могу, тошнит.

– Так, давайте по порядку. Что произошло? Что вы пили на празднике? – задавал вопросы фельдшер и параллельно ощупывал руки и ноги Романа.

Он поднял его правую ногу, и, как только ее отпустил, та с шумом упала на пол. Как будто больше не принадлежала мужу Веры. То же самое с правой рукой. Затем фельдшер провел зубочисткой по коже обоих предплечий. На них остался красный след, и видно было, что с правой стороны Роман совсем ничего не чувствовал. Далее фельдшер достал тонометр и кивнул медсестре, чтобы она набрала в шприцы лекарства и подготовила систему с физраствором.

Вера с ужасом следила за происходящим и на автомате отвечала на вопросы про привычки мужа, его хронические заболевания, образ жизни, были ли в роду инсульты, есть ли гипертония и вообще как часто они измеряли давление. А они никогда его не измеряли. Оказалось, у ее мужа сейчас было сто

девяносто на сто двадцать миллиметров ртутного столба – очень высокое давление. Спросили, пил ли Роман аспирин… А они и не знали, что его надо принимать в таких случаях. А вдруг она, Вера, не следила за давлением мужа и из-за этого у него случился инсульт? Мысли в ее голове проносились со страшной скоростью: «Как так? Что делать? Разве так бывает?»

Тем временем фельдшер завершил осмотр, и Вера услышала, как медсестра по их домашнему телефону договаривалась о госпитализации в больницу. «Боже, какое страшное слово – „госпитализация“. А вдруг все не закончится хорошо? Вдруг он умрет?» На нее нахлынула волна ужаса, сожаления, боли, страха, обиды, одиночества.

– Так, гражданка, вас как зовут? – вырвал ее из размышлений голос фельдшера.

– Вера, – тихо ответила она.

– Мы вашего мужа не донесем. Вам надо найти соседей покрепче. И давайте собираться. Возьмите пару комплектов сменного белья, гигиенические принадлежности, зубную щетку там, пасту, тапки, стакан, ложку. И пора ехать. Шестьдесят вторая больница дала добро, едем туда.

Вера не успевала опомниться, отдышаться: так все быстро развивалось. Она крикнула дочери, чтобы та сходила к соседям, а сама стала собирать пакет с вещами в больницу. «Как же так? Что с ним? А вдруг он не поправится?» – думала она, с трудом сдерживая слезы. Через какое-то время Катя вернулась с двумя соседями – Лехой из сорок первой квартиры и Василием Андреевичем из пятьдесят шестой.

– Можно я с вами поеду? – спросила Вера медсестру.

– Да, одно место есть для родственников. Заодно расскажете подробности в приемном отделении, – буркнула та, заканчивая ставить систему в вену Романа. – Готово. Перекладываем больного.

Леха и Василий Андреевич подняли мужа Веры и перенесли его на носилки, лежащие рядом.

– Ну все, поехали, – скомандовала медсестра.

И тут Вера обнаружила, что она все еще в халате и тапочках.

– Подождите, я пулей переоденусь и поеду с вами! – крикнула она, устремившись в спальню.

Она натянула первые попавшиеся джинсы, кофту, взяла паспорт мужа и свой, пару тысяч из заначки и побежала догонять бригаду скорой, которая к этому моменту уже была на лестничной клетке. Грузового лифта в доме не было, втиснуться с носилками в пассажирский лифт не представлялось возможным, поэтому они медленно, ступенька за ступенькой, стали спускаться

на первый этаж по лестнице. «Хорошо, что мы живем на третьем этаже, – подумала Вера. – Господи, как все удивительно повернулось. Люди, с которыми мы особо и не общались, иногда не здоровались, а порой и вовсе не замечали друг друга, оказались сейчас так важны. Не зря же говорят, что никогда не знаешь, как повернется жизнь и кто окажется рядом». Когда они достигли первого этажа, Вера выбежала вперед, чтобы придержать двери. Романа вынесли из подъезда и втащили в автомобиль скорой помощи. Стараясь проглотить ком в горле, мешавший ей дышать и думать, следом в машину забралась и Вера. Она поправила руку мужа, свисавшую безвольно с носилок, и через минуту они двинулись.

«Почему так медленно? Как будто уже сто лет едем. У него так трясется голова…»

– Рома, как ты себя чувствуешь? – с надеждой спросила она.

– Очень болит голова, но тошнит меньше, – проскрипел Роман. – Очень хочется спать, очень больно смотреть.

– Родной, я с тобой. Потерпи чуть-чуть, в больнице тебе помогут. – Вера наклонилась над головой Романа, чтобы поцеловать его в лоб, но в этот момент машина подскочила на кочке, и она больно ударилась головой о выступающий баллон с кислородом.

По относительно пустому городу они за двадцать минут доехали до больницы. Машина остановилась у специального въезда в приемное отделение. Водитель с медсестрой открыли заднюю дверь скорой и вывезли на каталке лежащего с закрытыми глазами Романа. Вера вышла следом. Они зашли в приемное отделение. У кабинета фельдшер о чем-то переговорил со встретившим их коллегой, и каталку с Романом завезли внутрь. Вера осталась одна в пустом коридоре.

Его стены были выкрашены в желтый цвет, по обеим сторонам были кабинеты. Она присела на железный тройной стул. Справа от нее стояло несколько пустых каталок, похожих на ту, на которой привезли ее мужа. Было холодно и тихо. Вера не знала, что сейчас делают с Ромой и что их вообще ждет дальше.

Внезапно открылась дверь, и незнакомый ей доктор попросил паспорт и полис мужа. «Совсем забыла про полис! Слава богу, у Ромы он всегда в паспорте лежит». Вера отдала документы, вернулась на место и заплакала. Ей так безудержно стало жалко мужа. Она вспомнила эти полные ужаса и неподдельного страдания глаза, читающееся в них непонимание того, как это могло произойти с ним. Страшно было смотреть… Ей стало жалко их обоих. Их мечты, планы, которые они старательно вынашивали годами, – все это в одно мгновение рассыпалось…

Из кабинета вышла бригада скорой помощи, которая привезла их сюда. Они попрощались, пожелали ей удачи и быстро удалились, толкая перед собой пустую каталку. «Почему они пожелали удачи? Все так плохо? Неужели он умрет? Но ведь не было никаких предпосылок. Не бывает же, чтобы вот так, на пустом месте…»

Глава 2

20 декабря 2012 г.
Бляшка

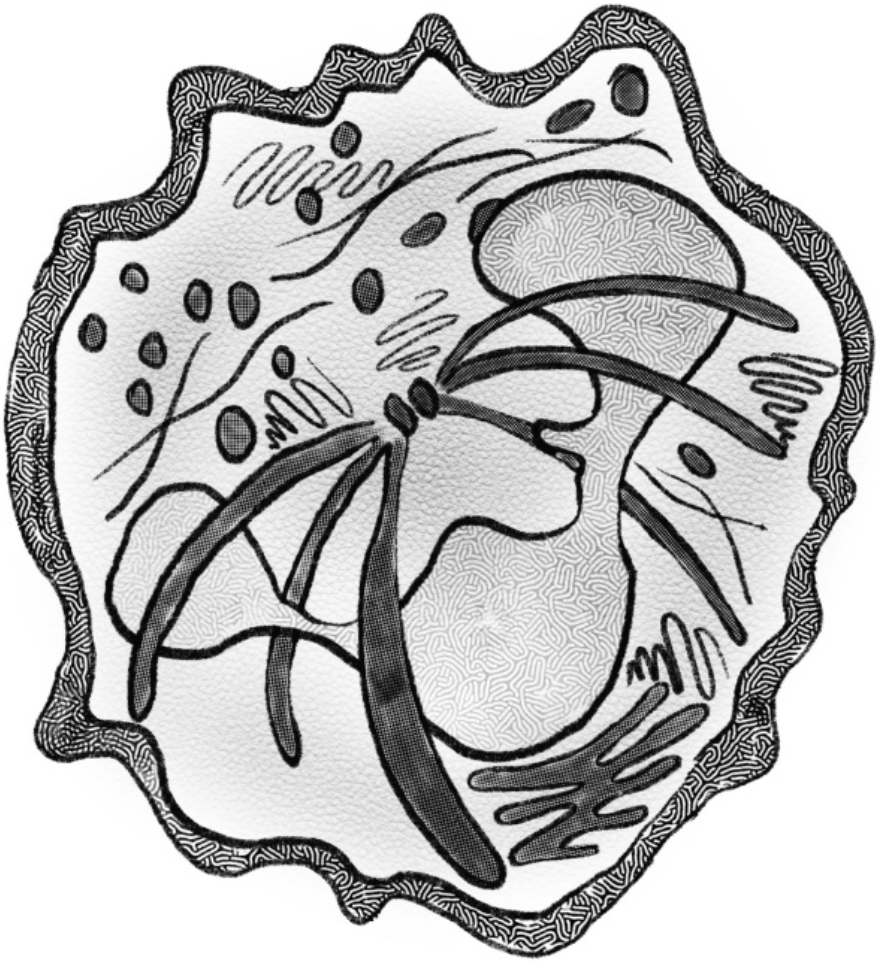
Туннель. От него вправо и влево отходят другие, кое-где совсем узкие, а где-то почти такие же по ширине. Но видно, что этот главный среди них. По нему непрерывно движется мало– и крупногабаритный транспорт. И только в одну сторону. Самые главные и уважаемые участники движения – Красные: им уступают дорогу. Они гордо несут над своим округлым телом прозрачные свертки. Их больше всего, и они торопятся.

Каждый день здесь активное движение. Собственно, особого разделения на день и ночь нет. Дорога заполнена всегда. Единственное, днем часто требуется ускорить работу заводов, фабрик и мастерских, и скорость потока поэтому увеличивается: надо с удвоенной силой подвозить все комплектующие. Тогда на дорогу из гаражей выезжает дополнительный транспорт: повозки, наполненные белковыми и жировыми запасами, и машины, везущие дополнительные элементы для ускорения химических и физических процессов на фабриках. Красных становится в десять раз больше.

Иногда в туннеле случаются аварии, но они быстро устраняются: столкнувшийся транспорт сразу поднимает над собой флажки, рядом с ними мгновенно появляется бригада обслуживающего персонала и тут же растаскивает их, возобновляя поток и скорость движения[1]. Все знают, что нельзя останавливаться. Что все погибнут, если остановятся… Только движение вперед и работа каждого способны поддерживать существующий баланс. Хозяин жив, пока все идут вперед. Вселенная жива, пока они движутся вперед.

В этом стройном механизме у каждого своя важная задача, каждый знает свое предназначение и свою работу. За состоянием туннеля непрестанно следят Смотрящие[2]. Они вызывают ремонтные службы в случае поломок, появления ям и пробоин, бригаду технической поддержки, если образуется затор, измеряют качество покрытия, сообщают о нештатных ситуациях и справляются с чужеродными агентами, если те, что происходит чрезвычайно редко, попадают на дорогу. Их низенькие, в один этаж, прямоугольные дома-кабинеты составляют стенки туннеля. Плотно прилегая друг к другу, они окружают дорогу, поэтому, с какой бы стороны ни возникла проблема, о ней тут же узнают Смотрящие. В каждом доме по одному окну, по одной печке, маленький склад с инструментами и, собственно, сам Смотрящий

– все, что необходимо для выполнения одной главной функции – следить за движением и обеспечивать бесперебойную доставку грузов к местам назначения.



В особо серьезных случаях Смотрящие вызывают Надсмотрщиков[3]. Их все боятся, потому что им нельзя ничего объяснить. Если ты стал их целью, считай, ты уже мертв. Они не разбираются, действительно ты чужой или нет, а съедают без суда и следствия. Самая страшная смерть. Поэтому все носят чипы[4]. Они вшиваются внутрь при рождении, чтобы всегда можно было отличить своего от чужого. Говорят, раньше чипы не ломались, но условия жизни изменились, и сейчас это случается сплошь и рядом. Члены общины не всегда сразу получают новые. Тогда за ними приходят Надсмотрщики и убивают их прямо на глазах у сородичей[5].

Однажды много лет тому назад один из членов общины решил, что сам способен управлять своей жизнью, без законов и контроля Совета Старейшин. Он набрал последователей, и они стали размножаться со страшной скоростью. Проложили к себе дороги, отбирали провизию, грабили повозки с белками и жирами, уводили Красных[6].

Со временем они построили вокруг себя стену. Да такую, что к ним не могли пробраться ни Армия, ни даже Надсмотрщики.

Закончилось все плохо: эта Вселенная погибла. Нельзя жить и работать в отрыве от Совета Старейшин и Хозяина[7]. Так устроен этот мир. Иначе только смерть. Об этом еще в школе рассказывают.

* * *

Шел восемнадцать тысяч двухсот пятидесятый день от рождения, когда случилась эта история.

То утро было самым обычным, поток шел своим чередом. Но очень важным для Клайва. Сегодня он должен был стать частью единого целого, стать Смотрящим. Клайв был так воодушевлен, так горд: наконец-то этот момент наступит. Он с рождения знал, для чего он пришел в этот мир и какая на нем лежит ответственность. Поэтому с самого детства изучал, как надо действовать, проигрывал самые разные ситуации, чтобы быть готовым ко всему и выполнить свое предназначение.

Жил он на конце самой широкой улицы, перед перекрестком. Поскольку этот перекресток был одним из последних на пути к Совету Старейшин, новичкам необходимо было пройти дополнительный курс по работе с веществами. Главное, что надо было уяснить из него, – ни при каких условиях нельзя допускать попадания веществ на стены домов и их повреждения.

И вот Клайв торжественно занял пост и, не отрывая взгляда, стал следить за своим участком дороги. Он знал, что нельзя ни на секунду отвернуться, что промедление в любой ситуации – смерть.

Время шло. Мимо него уже проехали тысячи повозок, чем только не нагруженных: белками, жирами, витаминами, сахаром, железом, кальцием, цинком… А Клайв все продолжал смотреть за движением. По туннелю свободно курсировали кристаллы жира, неслись по своим делам сотрудники различных служб. Тут и там были видны находившиеся всегда начеку работники Аппарата борьбы с чужеродными агентами, или, как они себя называли, Внутренняя полиция[8]. Внезапно слева от него вдалеке, на

другой стороне дороги, мелькнуло что-то яркое, и как будто несколько повозок затормозили, но через мгновение движение восстановилось и поток уже несся с прежней скоростью. «Может, показалось», – подумал Клайв. Он стал вглядываться в движущуюся массу. «Вроде ничего, – начал успокаивать он себя. – На такую ситуацию нет инструкции, я все зубрил от и до. Не буду усложнять». Клайв сделал глубокий вдох и продолжил следить за дорогой.

Самое жизнеугрожающее состояние – это образование бляшек в сосудах, кровоснабжающих головной мозг.

Клайв все стоял и смотрел, когда внезапно сверкание повторилось, но уже ближе. Снова как будто несколько повозок затормозили. «Так, на этот раз мне точно не показалось, я точно это видел. Черт, надо же: первый день, и такая ситуация. Вот не повезло». – С этими мыслями Клайв решил подвинуться поближе к окну, чтобы лучше разглядеть, что происходит на дороге: покидать пост было нельзя. Но ничего необычного он там не увидел: ничто не нарушало движения, и поток шел с той же скоростью, что и до этого.

Вдруг прямо перед его носом огромная повозка с длинными кристаллами холестерина зацепила Красного, пытавшегося проскочить рядом. Он попал под ободы. Повозка с треском накренилась и повалилась набок, как в замедленной съемке. Кристаллы холестерина со звоном разлетелись вокруг нее. Клайв никогда не видел их вблизи, а тут перед ним рассыпалась целая куча.

Он так был впечатлен их красотой, блеском, что на мгновение застыл[9]. Этого промедления оказалось достаточно, чтобы образовался затор. Часть разбросанных кристаллов холестерина попала в незаделанную трещину между домами. Они стали быстро и очень плотно туда набиваться, зовя остальных: как только кристаллы холестерина обретали свободу, они тут же начинали прятаться во все возможные углы.

Кристаллы холестерина, попадая в стенку сосуда, начинают формировать атеросклеротическую бляшку.

* * *

– Дэни, мама всегда говорила держаться подальше от Собирателей. Если они поймают тебя, то ты окажешься в другом мире, а оттуда никто никогда не возвращался!

– Да ладно, Миса, не трусь, пошли посмотрим поближе, – весело прокричал Дэни. Он был небольшого роста, но фигуристый, уже стал переливаться радужными красками, почти как взрослый. – Неужели тебе неинтересно, как устроен мир? Как тут все работает?

– Мне все очень интересно, но я не хочу, чтобы меня схватили, – пробормотал его брат. – Ты помнишь, что стало с дядей Эдом? Его забрали прямо на глазах мамы и папы, а все потому, что он тоже, как и ты, хотел все посмотреть и узнать.

– Да ладно. Вон смотри, движется перед нами! – С этими словами Дэни продвинулся вперед.

– Боже, нет! Стой!

Миса двинулся вслед за Дэни, пытаясь схватить его, но в этот момент его с силой закрутило. Он увидел, что и Дэни несет этот вихрь. Через мгновение они оказались в закрытом пространстве, и свет то появлялся, то исчезал. Их что-то сминало, потом отпускало. Словно жернова. Сколько прошло времени, Миса не мог сказать. Он только почувствовал, что тряска прекратилась и они куда-то падают. Он закричал:

– Дэни, ты здесь? Ты живой?

– Да, братуха, я здесь, падаю. Похоже, мы попали туда же, куда и дядя Эд. Надо держаться вместе.

Через некоторое время они с плеском упали в какую-то жидкость[10]. Миса не знал, что это, лишь ощущал, что она гораздо плотнее, чем вода[11]. Вместе с Дэни он плавал на поверхности. Приблизившись друг к другу, братья обнялись.

– Дэни, слава богу, мы пока живы. Что делать будем?

– Погоди, Миса, я ничего не вижу, тут кромешная темнота. О, я чувствую шевеление! «Вода»? Или что-то двигается?!

– Я тоже чувствую. И еще жжется! Дэни, это «вода» жжется!

– Да. Нужно выбираться! Я вижу просвет внизу. Ныряем!

Не успел он договорить, как их и без их желания с силой засосало в этот узкий просвет и закружило в потоке[12]. Спустя какое-то время поток замедлился, а потом и вовсе остановился. Все замерло. Дэни оказался зажат между двумя липкими стенами. Он позвал брата:

– Миса! Миса, ты здесь?

Но никто не ответил. Вокруг стояли кромешная тьма и тишина. «М-да, вот я и доигрался со своим стремлением узнать, кто мы и зачем живем. Глупо получилось: мы еще так молоды, а теперь умрем. Где же Миса? Он, наверное, сильно испугался, бедняга».

– Дэни! – недалеко от него раздался тихий голос его брата. – Я здесь. Мне очень тесно, я совсем зажат.

– Где ты? Я ничего не вижу. Говори что-нибудь, попробую найти тебя по голосу.

– Вот и я! – радостно воскликнул Дэни, обнимая брата. – Ну тут и вонища, – попытался приободриться он.

Они начали двигать стенки, пытаясь увеличить пространство вокруг себя, и постепенно поняли, что целостность их тел слегка пострадала, пока они крутились в липкой жиже. Внезапно все пришло в движение. Их стало вминать в мягкие и теплые стены и с силой проталкивать в какую-то сторону: в такой темноте очень сложно было понять, куда именно. Через минуту они оказались в более просторном помещении, снова похожем на туннель. Его стены шевелились. Стал пробиваться слабый свет, и Дэни увидел, что они совсем не гладкие, а, наоборот, все в выступах и каждый такой выступ – это маленькая дверь[13]. Двери открывались и закрывались, оттуда и туда постоянно сновали маленькие и большие шары. Один такой шар с легкостью подхватил его и Мису и понесся к дверям. «Вот это поездочка», – подумал Дэни, а вслух сказал брату:

– Ну, по крайней мере, мы еще живы. Может, нас ждет что-то интересное!

Не успел он договорить, как шар ловко сбросил их в кузов проезжающей мимо повозки[14]. Здесь уже было очень много народу. Разных возрастов, размеров, форм.

– Эй, ребята, где мы? Что происходит? Как мы сюда попали? – набросился с вопросами Дэни.

– Это последний путь, – проскрипел явно самый старший из присутствовавших здесь. – Мы едем, чтобы стать смазочным

материалом, или инструментом, или кирпичом в стене. Называй как хочешь, все одно. Нас пустят в расход на одной из фабрик[15].

– Как же так? Мы еще слишком молоды! Откуда вы знаете? – не унимался Дэни.

– Поживешь с мое, тоже узнаешь, кхе-кхе, – проворчал самый старый. – Хотя нет, не поживешь! Потому что так устроен мир: мы – строительный материал.

– Но я совсем не готов умирать. Во имя чего?

– Не чего, а кого! Во имя Хозяина.

– Но я его никогда не видел. А что, если нет никакого Хозяина? Что, если это всего лишь легенды, чтобы мы безропотно шли на смерть? Чтобы нами было легче управлять?! – Дэни почти кричал. – Я не хочу становиться чьим-то инструментом! Я против! Меня вообще кто-нибудь спросил?

– Успокойся, братишка. Может, все не так плохо. – Миса обнял Дэни и близко наклонился к нему. – Давай сбежим отсюда? – прошептал он.

– Это невозможно, – спокойно произнес самый старый. – Никто никогда не сбегал с дороги.

– Хорошо, значит, мы будем первые.

Миса встряхнул брата, и тот воодушевленно закричал:

– Да, мы будем первые! Если никто до нас не сбегал, это еще не значит, что это невозможно!

Самый старый вздохнул и себе под нос пробормотал:

– Молодежь…

Дэни кинулся к краю и наполовину вылез из повозки. Его тело сверкнуло, слегка ослепив двигающихся сзади. Но на поток это никак не повлияло. Это свечение и заметил во второй раз Клайв.

Дэни вернулся на место и сказал брату, что надо что-то придумать и действовать быстро, поскольку неизвестно, как долго они еще будут ехать. Миса что-то прошептал ему. После чего Дэни схватил Мису и подбросил его высоко над повозкой. Миса вылетел и ударился о Красного. Тот попал под ободы повозки, в которой они ехали. Она с треском накренилась и с грохотом повалилась набок.

– Быстрее, быстрее, бегите! Вон туда!

Дэни, воодушевленный удачей, помчался к узкой расщелине между домами, по дороге подхватив Мису. Остальные тоже стали выбегать из повозки и следовать за ними. Через несколько мгновений все оказались у расщелины. Совместными усилиями они раздвинули ее и один за другим пробрались вглубь[16].

* * *

– Эй, братан! Ты чего, заснул, что ли? – Сосед справа, тоже Смотрящий, вернул Клайва в реальность. – Давай шевелись! Смотри, какая заваруха!

– Да-да, сейчас все сделаю.

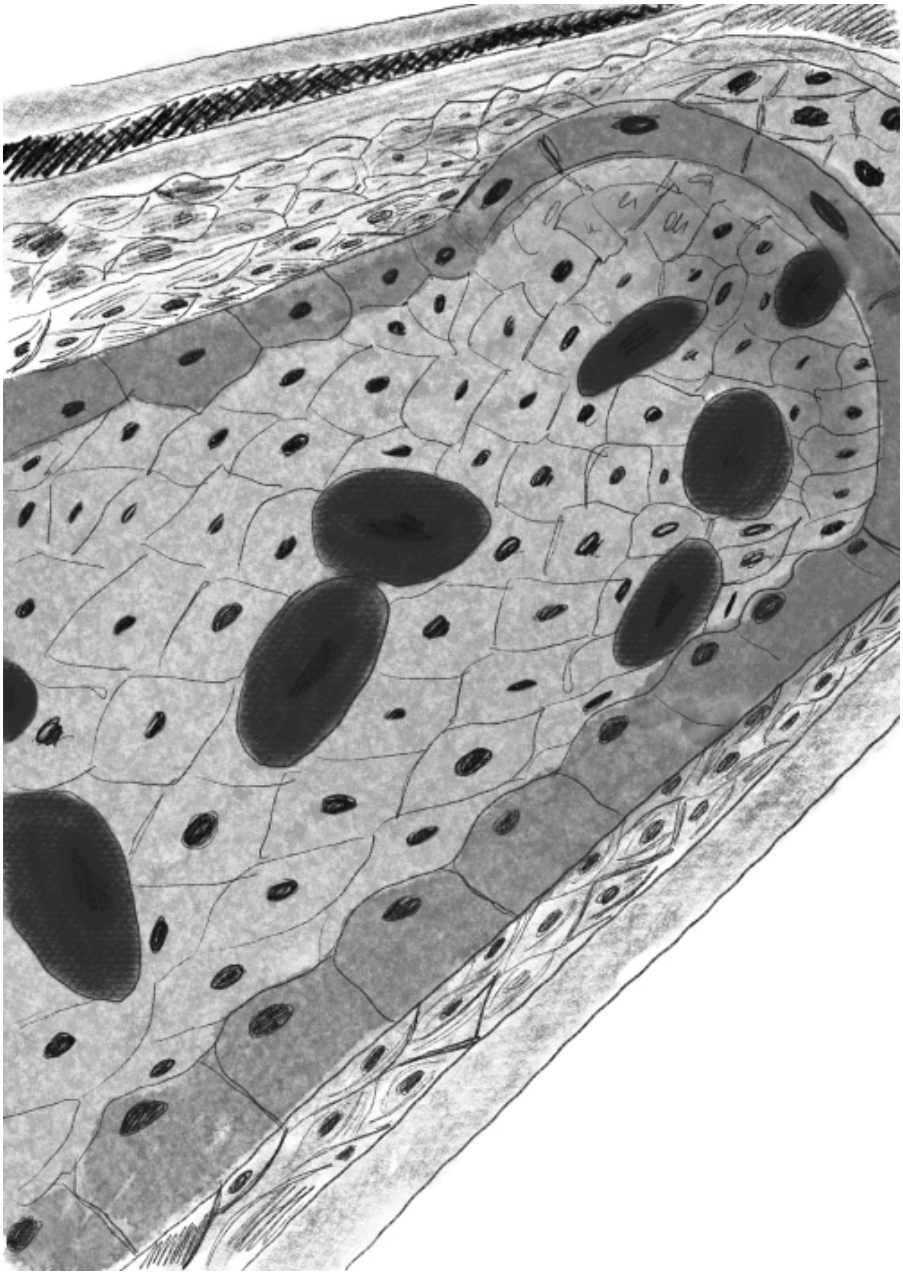
Клайв быстро достал все необходимые инструменты и подал сигнал об аварии[17]. Через несколько мгновений появились ремонтники, дорожные службы, чистильщики. Они за минуту подняли повалившихся, починили сломавшихся, собрали потерянное. Движение было восстановлено.

Тем временем сбежавшие кристаллы холестерина переговаривались между собой и обменивались мнениями о произошедшем. Никто не собирался возвращаться обратно на дорогу. Чтобы в конечном счете стать инструментом? Чьим-то смазочным материалом? О нет! Раз сама судьба подкидывает им такой шанс, они его ни за что не упустят. Самый жирный из них быстро окопался среди стенных блоков и призвал остальных держаться вместе. Кристаллы холестерина начали постепенно продвигаться еще глубже, пытаясь прорваться к основе, на которой стояли дома[18].

Когда они протиснулись ближе к основанию, самый жирный собрал всех вокруг себя и стал делиться информацией. Он слышал, что Совет Старейшин присылал особые машины в таких случаях, но что происходило дальше, никто не знал.

– В любом случае живыми мы не сдадимся! – подытожил он.

Клайв с ужасом смотрел на трещину между домами. Она была совсем незначительной, но и ее хватило, чтобы скорость потока в этом месте изменилась: то и дело возникали легкие столкновения[19], которые влияли на плавность движения несущихся машин, и те не всегда правильно вписывались в повороты и ответвления на дороге.



«Господи, что же я наделал… – думал он, судорожно прикидывая, как все исправить. – Надо вызвать Надсмотрщиков». От одной этой мысли у него все похолодело внутри. Он никогда в своей довольно короткой пока жизни не видел их. Только слышал от родителя. Но и тот говорил о них шепотом, словно боялся, что может навлечь на себя их приход. А это означало смерть. Все знают, что смерть во имя Хозяина – это благородно, но прощаться

с жизнью все равно никто не хочет. Клайв собрался с мыслями и нажал на рычаг на приборной панели. Рычаг привел в действие консоль. Спустя несколько секунд потрескиваний и шипения из-под его руки вылетела ракета и понеслась в направлении потока, оставляя позади себя ярко-синий шлейф. Это был сигнал о помощи, который выпускали, когда надо было призвать Надсмотрщиков. Они постоянно дежурили и на дороге, и за домами.

«Нельзя же было оставить эту трещину. Нет. Она же со временем разрастется, и другие кристаллы будут стремиться в нее. Да. Я все сделал правильно», – переведя дух, успокаивал себя Клайв, как вдруг из-за поворота появился Надсмотрщик и с грохотом понесся в его сторону. Это был здоровенного размера шар с восемью ногами по всему телу. Он мог передвигаться во всех направлениях, выпуская одну или две ноги дальше других и подтягивая к ним тело: и вбок, и вверх, и вниз. При этом поток машин не сбивал его, а ловко объезжал. Тело Надсмотрщика было черным. Там, где оболочка была наиболее тонкой, были видны красные и оранжевые внутренности и сосуды с жидкостями, перетекающими из одного в другой.

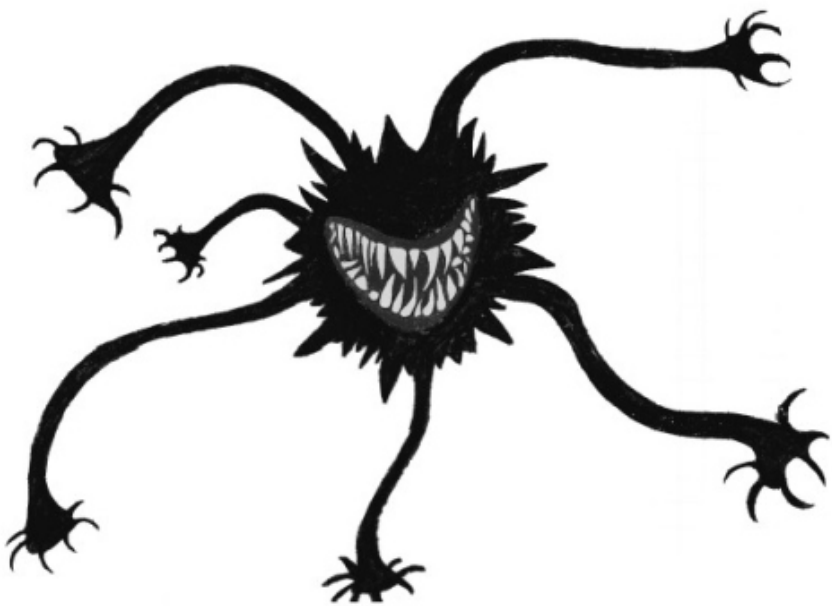
Со страшным ревом Надсмотрщик установил по щупальцу справа и слева от трещины и подтащил к ним тело. Затем он заключил трещину в кольцо из его ног, поочередно прикрепив остальные щупальца, и стал ударяться о стены домов[20]. Но кристаллы холестерина успели пролезть слишком глубоко, и он не мог их так просто достать. Тогда Надсмотрщик расставил щупальца чуть шире, выпрямился и изо всех сил еще раз ударился о стены домов. Безуспешно. Кристаллы холестерина остались на месте и лишь плотнее прижались друг к другу, веря, что можно избежать гибели.

Клайв завороженно и вместе с тем с ужасом и радостью, что это пришли не по его душу, наблюдал за происходящим.

Надсмотрщик перегруппировал ноги и в этот раз попытался раздвинуть стены. Снова безуспешно. Спустя несколько мгновений из одного из щупалец вылетел маленький черный шарик. Он поделился на два шарика, а те, в свою очередь, снова на два и т. д. Множась, они понеслись по дорогам разносить весть о проблеме. Несколько секунд – и на участке Клайва образовалась уже целая толпа Надсмотрщиков.

Внутри макрофагов живут ферменты, способные расщепить чужеродный белок.

Они окружили трещину. Владелец самых длинных щупалец просунул их в щель и попробовал дотянуться до кристаллов холестерина. Не вышло: он смог приблизиться только наполовину. Затем Надсмотрщики попеременно пытались раздвинуть стены так, чтобы можно было пролезть между ними. Безрезультатно. Тогда самый большой Надсмотрщик выдавил из своего бока пузырь с ядовитой жидкостью[21], открыл его и стал ждать. Через некоторое время жидкость начала пениться и с шипением выливаться из пузыря. Надсмотрщик еще немного подержал его, а затем бросил в расщелину. Жидкость быстро просочилась между стенами домов. Все замерли. Послышался скрежет, будто дома пришли в движение. В действительности же они оставались на месте, а вот их стены начали трансформироваться: истончаться, как бы съеживаться, – из-за чего просвет между ними стал значительно больше[22].



Надсмотрщики выстроились в ряд и один за другим стали протискиваться в образовавшийся проем.

* * *

– Дэни, что с нами будет? – пропищал Миса. – Неужели все напрасно? Мы ведь почти спаслись!

– Не реви, – строго ответил брат. – Сейчас что-нибудь придумаем. Эй, что делать будем? – крикнул он самому старому.

– Надо окопаться и быстро построить стены, чтобы эти жирные с щупальцами не схватили нас. Ни у кого же нет сомнений, что они сюда рвутся по нашу душу?

Все кристаллы холестерина стали смотреть по сторонам, пытаясь найти хоть какой-то строительный материал, хоть что-то, что могло бы помочь отгородиться от стаи Надсмотрщиков.

– Нам нужна помощь! – Дэни понесся к самому старому. – Нам самим не удастся быстро построить. Нужны другие! Нужны местные! Те, кто живет здесь! Давайте позовем на помощь! – кричал он ему.

– С чего ты взял, что здесь кто-то станет помогать нам? – сердито отмахнулся самый старый.

– Надо попробовать! Надо найти самого маленького, кто сможет протиснуться дальше всех, к основанию. Он сможет увидеть, что за домами, и, возможно, кого-то удастся позвать на помощь!

С этими словами Дэни бросился в гущу кристаллов холестерина в поисках самого маленького.

– Вот! Я нашел!

Он выхватил кроху из толпы, поднял над собой и стал с ним продвигаться вглубь. Остальные расходились, давая ему дорогу.

– Тебя как зовут?

– Меня зовут Поппи, – пропищал маленький.

– Привет, Поппи. Сегодня ты будешь самым главным у нас. От тебя зависит, выживем мы или нет. Лезь туда как можно дальше, постарайся проникнуть за дома и позови на помощь. Нам нужен строительный материал: балки, веревки – все, что получится найти![23]

– Хорошо, я постараюсь, – пропищал Поппи и полез вглубь.

Ему без особого труда удалось пробраться к основанию[24]. Он заглянул за дома – и его взору открылся целый мир. Справа, слева и перед ним было огромное количество разных домов. Одни были похожи на те, что он уже видел: прямоугольные, с одним окошком, одноэтажные. Но их было немного, только вокруг дорог. Другие дома были многоэтажными, со множеством окон, синими и зелеными. Были и фиолетовые дома, совсем плоские. И дома с острой крышей и башенками, а также с шипами на крыше. Все они были сверху и снизу связаны между собой проводами,

трубками, какими-то балками, по которым двигались совершенно разные жители. Все вокруг жило как единый механизм, подчиненный каким-то своим внутренним законам[25].

«Ого, да тут целая Вселенная! – подумал Поппи. – Надо будет всем рассказать, как тут красиво. Все такое разноцветное! Но имеет красноватый оттенок. Как будто солнце красное»[26]. Мимо него пронеслось круглое тело, бормоча что-то себе под нос. «Надо не забыть поставить туда кофермент…» – услышал обрывок его фразы Поппи[27].

Коферменты – это соединения, в которые входят витамины.

– Постойте! – крикнул он как можно громче. – Простите, но не могли бы вы остановиться? Мне нужна помощь!

Тело остановилось, внимательно посмотрело на Поппи и вдруг забегало вокруг него, вереща:

– Кто ты такой? Тебя здесь не должно быть! Что ты тут делаешь? Как сюда попал? – Вопросы сыпались из него один за другим.

– Меня зовут Поппи. Мне очень нужна ваша помощь. Мне и моим друзьям!

– Вас что, много? Где вы находитесь?

Иммунная система человека постоянно мониторит состояние внутренней среды, отслеживая появление неопознанных объектов или тех, кто находится не на своем месте.

– Вон там, за моей спиной. Вы не могли бы прислать кого-то, кто сможет помочь нам построить стену вокруг, чтобы нас не съели?

– Боже мой, какой кошмар! Как же так? Вас тут не должно быть: вы же материал! Что же делать?.. – Тело бегало вокруг Поппи, то потряхивая его, то заглядывая за него в попытках высмотреть, много ли за ним таких же, как он. – Нет, это

невозможно. Хозяин убьет нас всех. Как же так?

Тело еще немного покрутилось, а затем резко скрылось за углом дома, как раз того, который показался Поппи самым красивым: большой, многоэтажный, с овальными окнами и маленькими башенками на крыше. Поппи постоял несколько минут, думая, что существо вернется, и уже собрался было идти назад к своим, как вдруг что-то похлопало его по спине. Обернувшись, он увидел нового знакомого в компании двух беловато-голубых здоровяков. Они тащили на себе большие мотки веревок и длинные, толстые листы материала, неизвестного Поппи[28].

– Ну что, показывай, где вы тут примостились, – сказал один из них. – Надо быстро отгородить вас от остальных, пока Хозяин не узнал. Ты понимаешь, насколько это опасно? Опасно для всех нас, что вы не на своем месте?! У каждого должно быть свое место. Так все работает.

Все вместе они направились к тому месту, откуда приполз Поппи. Раздвинув пошире стены домов, они протиснулись в щель и добрались до сородичей Поппи.

– Матерь божья, сколько же вас здесь! – воскликнул беловато-голубой великан. – Нас двоих недостаточно, чтобы вас всех огородить!

Он сказал напарнику, чтобы тот шел за другими, и, пребывая в сомнениях, стал снимать с себя веревки и листы. Расположив материалы перед собой, беловато-голубой великан принялся плести канаты. После он один конец каждого из них крепил к одной стене, протаскивал канат через толпу и намертво прибивал другой его конец к противоположной стене, сооружая таким образом каркас для будущего гетто[29]. Работа кипела. Вскоре подошли его коллеги. Потом еще. За ними подтянулись фиолетового цвета рабочие. Они тащили с собой блоки, чтобы выстроить стену вокруг кристаллов холестерина. Гетто возводилось с бешеной скоростью. Рабочие трудились не покладая рук, без остановки и перерывов.

Внезапно раздался страшный треск.

– Это Надсмотрщики! – закричал один из них. – Мы не успели! Отходим, ребята! Иначе мы тоже попадем к ним в пасть.

Они побросали материалы и инструменты и ринулись в сторону основания, подальше от кристаллов холестерина и Надсмотрщиков.

* * *

Клайв придвинулся к окну, чтобы ничего не пропустить. Его пост находился слегка под углом к поворачивающей дороге, поэтому было достаточно хорошо видно, что происходило в щели.

Тем временем Надсмотрщики создали из себя живую двигающуюся стену и постепенно приближались к сбившимся в кучу кристаллам холестерина. Когда они наконец приблизились настолько, что можно было их схватить, Клайв увидел, как один из Надсмотрщиков разинул пасть, вцепился в крайний кристалл и проглотил его. Остальные кристаллы в ужасе принялись разбегаться в надежде спастись: они пытались скрыться или хотя бы не попасться живой стене на пути. Но Надсмотрщики не давали им ускользнуть: они очень быстро наступали и заглатывали сразу по несколько кристаллов. Те, кто захватил свою порцию, уступали место еще пустым.

Клайв со смешанным чувством восхищения и ужаса смотрел, как отлаженно и безжалостно работают Надсмотрщики. Он видел, как до этого полностью черные тела Надсмотрщиков, заполняясь, становились полупрозрачными, словно их сильно-сильно растянули. Внутри был шар. Он выглядел так, будто состоял из сотен мелких пузырей. «Как пена», – подумал Клайв и стал еще пристальнее вглядываться в «представление».

Через какое-то время Надсмотрщики всех поглотили.

Поняв, что с таким грузом внутри двигаться невозможно, они стали думать, что делать дальше. Отпустить кристаллы холестерина было нельзя. К тому же, попав внутрь Надсмотрщиков, они перестали существовать как самостоятельные единицы. Они разложились, и сознание покинуло их. Было принято решение остаться в этой расщелине, пожертвовать своими телами и жизнями ради всеобщей цели, ради Хозяина. Несмотря на то что никто Хозяина в глаза не видел, каждый знал, что является частью чего-то большего и имеет свое предназначение.

Все Надсмотрщики сбились в кучу как можно плотнее. Но их здоровенные, набитые до предела животы все равно продолжали торчать из расщелины, слегка изменяя скорость потока. Тогда главный из них скомандовал принести строительный материал, чтобы попробовать заделать расщелину сверху, заживо похоронив в ней всех Надсмотрщиков. Никто не высказал ни тени сомнения, что надо поступить как-то иначе… Хозяину нужна жертва. Если ее не будут приносить ежедневно, ежеминутно, Вселенная погибнет.

13 марта 2013 г.
Тромбоз
Транзиторная ишемическая атака [30]

Надсмотрщики постепенно потеряли свой прежний вид: щупалец совсем не было видно, только шары с тонкими полупрозрачными стенками[31], плотно прилегающие друг к другу и заполнившие собой всю расщелину. Она стала значительно больше со временем. Это уже была не щель, в которую закатилась пара-тройка шариков, а здоровенная пробоина размером с два, а то и три дома. Торчащие из нее тела надо было закрепить и постараться прикрыть, чтобы сгладить путь: движение в туннеле не должно останавливаться ни на мгновение. Но чем больше кипела работа, тем больше становилось понятно, что все гладко не будет.

Вокруг Надсмотрщиков и между ними, с трудом протискиваясь, сновали туда-сюда сотни рабочих. Они пытались плотными лианами[32] оплести и укрепить брешь. Торчащие тела прикрывали сначала тонкими листами, похожими на огромные полотна. Когда же стало ясно, что этого недостаточно, принесли еще покрывало[33]. Стали все прибивать в несколько слоев, смазывать раствором, чтобы все застыло. В результате вместо идеально гладкой поверхности, как в остальной части туннеля, над расщелиной образовалась покрышка. Она ненамного выдавалась внутрь дороги, но даже такой искусственный бугор нет-нет да и мешал на пути. Время от времени проезжавшие спотыкались на этом бугорке, замедлялись, но, как правило, быстро справлялись с потерей скорости и вновь вливались в поток[34].

Временное острое расстройство церебрального кровообращения, сопровождающееся появлением неврологической симптоматики, – предвестник масштабного инсульта.

Клайв смотрел на дорогу, осознавая, насколько теперь

сложнее стала обстановка на вверенном ему участке пути. Он на нем главный. Он отвечает за то, чтобы движение было непрерывным и скорость никогда не снижалась[35]. Придет время, и он покинет пост, на его место явится другой, а на место того – третий. И так будет всегда, пока жива Вселенная.

* * *

Клайв огляделся вокруг: «Как все-таки это странно: вот так сидеть здесь всю жизнь…» Его коллеги так же, как и он, сидели за пультами управления и наблюдали. Вроде были все вместе, но в то же время никто никогда не покидал пост. Клайв не знал, что было за пределами дороги, даже что было дальше нескольких домов, поскольку туннель слегка уходил вверх, что делало невозможным большой обзор. Он ни разу не видел, чтобы кто-то пропускал или недобросовестно выполнял свою работу. Все были преданы делу и трудились во имя высшей цели – служить Хозяину, ради которой были готовы принести себя в жертву.

Со временем дома-кабинеты разрушались: сморщивались, уменьшались в размерах. Тогда за ними и их Смотрящими приходили Уборщики, и после их уже никто никогда не видел. А на месте каждого старого домика постепенно вырастал новый. Сначала появлялся светлый бугорок. Он очень быстро рос, его стены становились все более плотными и темными, и вскоре он достигал размеров соседей. Когда это случалось, в середине стены, направленной в просвет туннеля, возникало маленькое окошко. Оно тоже быстро увеличивалось и по итогу занимало почти всю стену. Спустя еще какое-то время в окне появлялся Смотрящий, а перед ним – аппарат управления с разноцветными рычажками, кнопками, тумблерами и другими всевозможными приспособлениями для мгновенного реагирования на любую нештатную ситуацию. Так постепенно заменялись все составные части дороги[36].

Крайне важно не допускать системного повреждения эндотелия.

Сейчас недалеко от Клайва, через один домик сверху и чуть спереди, как раз рос новый домик-кабинет. Он нет-нет да и посматривал, как тот зарождался. Все остальные разы Клайв не отвлекался и следил только за дорогой. Но сейчас… Сейчас все по-другому.

Он уже однажды совершил ошибку – не предотвратил столкновения, из-за чего пришлось прибегать к помощи Надсмотрщиков. В результате инцидента дорога стала неровной – образовался бугор. И теперь время от времени о него спотыкается проносящийся мимо транспорт. «А если столкновения будут чаще или бугор увеличится в размерах и еще больше сузит просвет… – бросило тогда Клайва в холодный пот. – Не дай бог! Так и до пробки недалеко. А пробка может привести к гибели Вселенной. К гибели Хозяина!» Клайв чувствовал, что его дни сочтены. Он не сомневался: за ним придут. Всех недобросовестных или неугодных Хозяину работников забирали и отправляли туда, откуда они больше не возвращались. А такого неудачника и ничтожного работника, как он, еще поискать надо. В один день он все испортил. Осознание своей никчемности и бессмысленности дальнейшего существования надолго накрыло его.

В здоровом организме ежедневно образуется множество опухолевых клеток, которые быстро обнаруживаются и уничтожаются.

Так Клайв и жил, пока в один из дней не решил перестать все время следить за дорогой. «А зачем? – подумал тогда он. – Если я все равно бесполезен и по моему недосмотру уже такая беда приключилась, лучше я наслажусь последними мгновениями своей жизни, пока за мной не пришли». И с того момента он стал обращать внимание на происходящее не только на дороге, но и по сторонам от нее.

Раньше на месте нового домика жил здоровенный Смотрящий – угрюмый и неразговорчивый Соло. Первое время Клайв подавал ему сигналы, пытался вступить с ним в контакт. Но ответной реакции никогда не следовало, и в конце концов он перестал пробовать связаться с ним.

И вот несколько дней назад Клайв заметил, что домик Соло начал съеживаться и сам он стал сильно меньше. А через несколько часов за ним пришли. Рабочие окружили дом Соло. За их телами не было видно, что именно происходит, но Клайв

понял, что они разделили на части дом вместе с «содержимым» и просто съели все это[37]. На следующий день на этом месте уже рос новый дом, ярко-розовый, светлый, совершенный. «О, как он прекрасен», – думал Клайв.

Время шло. Дом стал таким же по размерам, как и остальные, и наконец у него появился хозяин – нежная и прекрасная Смотрящая, светленькая, с тонкими чертами лица.

Она сразу заметила Клайва и, подмигнув ему бойко, начала нажимать на рычаги и кнопки на консоли, вызывая то ремонтников, то просто рабочих. В ее руках все спорилось, движение на участке было бесперебойным. Клайв смотрел на нее и не мог отвести взгляда: она была так естественна, мила и так открыто проявляла свои чувства, отвечая улыбкой на его неподдельный интерес.

На следующий день он решился заговорить с ней.

Поскольку между ними был целый дом, а сойти с места не представлялось возможным, он долго размышлял, как же это осуществить. Наконец Клайв придумал. Сделав глубокий вдох, он повернулся к консоли. На ней мигали огоньки, все время бежала строка о состоянии стенок дома и дороги, было множество кнопок – все то, к чему он так привык и что видел всю жизнь. Но сейчас, зная, что он собирается использовать их совсем не по назначению, он испытывал страх. «Где же та черта? Как ее преодолеть? Можно ли нарушить порядок, сформированный задолго до твоего рождения? А вдруг расплатой за это будет твое существование? А вдруг Хозяин узнает?» – пронеслось у него в голове, и он нажал на кнопку вызова ремонтника дороги.

Через мгновение перед ним появился работник, похожий на слегка приплюснутый шар с шестью или семью (Клайв точно не знал, да ему было и неинтересно) крохотными ногами-руками. Сначала Клайв отправил ему сообщение о том, что тот ничего не должен чинить, по системе обмена сообщениями, представлявшей собой ход в стене прямо над консолью и сбоку от окна. Таких ходов, напоминавших полую трубу, было несколько. Они окружали консоль и окно и служили передаточным звеном для отправки сообщений на дорогу[38]. Просмотрев послание, рабочий недоуменно взглянул на Клайва, а затем с помощью одного из датчиков и анализаторов состояния пути, находящихся на стене дома снаружи, передал ему ответ. «Какого черта?» – спрашивала бегущая строка на консоли. Клайв быстро набрал следующее сообщение. В нем он просил провести ход к новому дому, который был над ним. Рабочий хотел было написать «Зачем?» – но передумал. В ответ лишь съежился, как будто пожал плечами, и начал строить ход. Клайв с придыханием наблюдал, как растет

труба, как ее вклеивают в стену сначала его дома, затем молчаливого соседа сверху – он даже имени его не знал. Затем работник добрался до молодого домика, и у Клайва появилась возможность передать сообщение.

«Привет! Меня зовут Клайв. А тебя?» – написал Клайв, весь дрожа от страха и нетерпения. Он понимал, что то, что он делает, строго запрещено.

«Привет, я Лола. Я уж думала, ты никогда не решишься написать. Как твои дела? Давно ты тут работаешь?»

Ее ответ был таким простым и таким долгожданным, что Клайв не смог сдержаться и весь засиял от радости.

«Я тут уже давно, и не уверен, что у меня осталось много времени. Видишь внизу бугор? Это я натворил: пропустил блеск и не вызвал вовремя ремонтников и Чистильщиков».

«Расскажи подробнее», – незамедлительно попросила Лола.

«Там повалилась повозка с кристаллами холестерина, которые ехали на станцию переработки. Они рассыпались и попали в щель между домами. Уж не знаю как, но им удалось очень глубоко проникнуть, почти до основания, и позвать на помощь тех, кто живет за домами».

«Ничего себе! А что было дальше? Там огромная покрышка сверху».

«Да. За кристаллами холестерина, когда они уже порядком окопались в щели, пришли Надсмотрщики. Они упорно атаковали стенки в попытках достать до кристаллов, но все было бесполезно: те слишком глубоко проникли. Возможно, если бы я вызвал Надсмотрщиков сразу, то они бы их быстро поймали. В итоге самый большой из них выпустил ядовитую жидкость, которая сделала проем шире, чтобы они смогли протиснуться внутрь. Надсмотрщики добрались до кристаллов и всех их поглотили. Но они не могли их переварить и с раздутыми до предела животами остались в щели между домами. Чтобы дорога не расшаталась и хоть как-то восстановить гладкость пути, рабочие утрамбовали как могли тела Надсмотрщиков, протянули соединительнотканные тяжи, накрыли все несколькими слоями покрывал и смазали сверху растворами. Но на этом месте все равно бугорок, и о него спотыкаются транспортные средства. К тому же ты знаешь, что обеспечить идеальное скольжение в состоянии только наши с тобой дома, а в этом месте получилось кладбище Надсмотрщиков, накрытое сверху полотнами, имитирующими стены наших домов»[39].

«И что теперь будет?» – с нескрываемым страхом спросила Лола.

«Я пока не знаю, но долго мы так не протянем. Об эту

неровность спотыкаются, мы вызываем подмогу и Растворителей. Но будет ли это срабатывать каждый раз? Говорят, Растворители способны разъесть абсолютно любой транспорт и полностью восстановить просвет при любой аварии. Однако ты же понимаешь, что всегда существует „но“».

«А что, если мы будем следить с удвоенной силой? Я могу смотреть и за своим участком, и за этим бугорком».

«Конечно, мы будем следить, Лола! – Клайв замешкался, но потом продолжил: – А вдруг это судьба? То, что та повозка с кристаллами перевернулась. Вдруг это наш шанс что-то изменить в жизни, пойти против системы? И ты, и я всего лишь часть огромного механизма. Все мы работаем на Хозяина. А для чего? Он-то вообще знает о нашем существовании? О том, что каждый из нас – это его маленькая часть, которая неусыпно день и ночь работает на его благо, чтобы он ЖИЛ, чтобы наша Вселенная оставалась такой же?! Он заботится о нас? Я не знаю, Лола. Когда я увидел тебя, такую свежую, такую чистую, то понял, что Он не заслуживает тебя. Я не хочу, чтобы ты приносила себя в жертву. Я хочу, чтобы ты жила, Лола!»

«Клайв, о чем ты говоришь? Так нельзя! Не вздумай никому такое говорить и мне больше не говори! Меня с детства учили, что самое главное – это моя работа. Я появилась на свет для того, чтобы делать свою маленькую, но очень важную работу. Я часть этой системы. Она и есть я! Как ты можешь говорить о бессмысленности нашей работы, если она и есть сама жизнь? Ты и я – мы маленькая часть огромного целого, и, если кто-то из нас перестанет выполнять свою работу, все рассыплется. Хозяин погибнет. Вселенная тоже. Разве ты всем нам хочешь смерти? Вспомни предков, сколько жизней было положено за время существования мира. Это, по-твоему, все было зря? Я не понимаю тебя. Зачем рассуждать о смысле жизни, если уже одно только ощущение себя частью Вселенной и есть смысл? Неважно, насколько мала твоя работа. Без нее не будет целого. А значит, она нужна. Так что не морочь мне голову, а принимайся за работу». – С этими словами она закрыла передатчик сообщений и, демонстративно насупившись, стала следить за дорогой.

Клайв тоже уставился на дорогу.

Мимо пролетали машины. Кто-то был нагружен, кто-то – налегке. Все шло своим чередом. Клайв задумался. Как же так получилось, что он вот здесь и сейчас сидит и ничего не делает ради спасения своего мира? А может, мир вовсе и не нуждался в спасении? Он посмотрел в сторону бугорка. Тот предательски возвышался над поверхностью дороги, и никуда от этого невозможно было деться. Клайв мог бы и не смотреть на него, но

бугорок все равно был там, и он знал об этом и винил себя в его возникновении.

Дни шли один за другим. Лола больше не выходила на связь, и Клайв перестал отправлять ей сообщения. Однажды он заметил, как что-то сверкнуло на противоположной стороне дороги. «Прям как в тот раз», – не успел он это подумать, как увидел рассыпающиеся по туннелю кристаллы холестерина.

– О черт, опять! – вскрикнул он и нажал на кнопку вызова Надсмотрщиков.

Тем временем кристаллы покатились по дорожному полотну в сторону бугорка. То ли они знали, что там их сородичи, то ли просто решили, что это может быть их укрытием. Они уже все достигли его, а ни один Надсмотрщик так и не показался.

Кристаллы стали просачиваться под покрышку и продираться внутрь расщелины, набитой телами. К тому моменту, как последний из них исчез под покрышкой, появились Надсмотрщики. Они столпились вокруг бугорка, приподняли покрышку и устремились внутрь. Периодически листы соединительной ткани, составлявшие покрывало, сползали в сторону дороги и было видно, как прибывшие Надсмотрщики поглощают кристаллы. Спустя какое-то время все было кончено. Однако и эти Надсмотрщики не смогли покинуть расщелину.

Если не предпринимать усилий, атеросклеротическая бляшка растет и распространяется.

Подоспевшие рабочие стали утрамбовывать новые тела. Клайв видел, как бугорок начал расти и как его высота постепенно становилась угрожающей, но ничего не делал. Он сидел на посту и думал о том, можно ли все произошедшее вменить ему в вину… Или все-таки это судьба и от него ничего не зависело? Плавное, созерцательное течение его мыслей прервал страшный, оглушающий грохот, разнесшийся по дороге, наверное, на много ветвей вперед и назад. Один из самых больших и неповоротливых многокомпонентных грузовиков все-таки наехал на сильно выступавший участок покрышки. Клайв предполагал, что такое может случиться, и вот это произошло прямо на его глазах. В эту же секунду ему пришло сообщение от Лолы:

«Клайв, скорее! Не дожидайся пробки, вызывай

Растворителей!»

«Лола, я знал, я знал, что этим все и закончится. Ты не понимаешь. Он не любит нас, мы не нужны Ему! Он даже не заботится о нас! Я знаю, что в первый раз повозка не перевернулась бы, будь она заполнена как надо. Но туда положили в пять раз больше холестерина, чем она могла выдержать. Хозяину наплевать, что с нами будет и в каких условиях мы работаем. И сейчас, Лола, сейчас это опять произошло: тот грузовик с кристаллами холестерина тоже был перегружен. Я видел: они были сложены даже на крыше! Это кристаллы блестели и в первый, и во второй раз. Вот почему я обратил внимание! Зачем, Лола, спасать того, кто никак не заинтересован в своем спасении? Ведь если бы Хозяин заботился о нас, то этого бы не случилось. А ему плевать. Лола, ты очень важна для меня. Я не хочу, чтобы ты пребывала в таком же неведении, как и я все это время. Никто мне не объяснял, что я должен делать, когда увижу такую несправедливость, и сейчас я понимаю, что мы все можем погибнуть и эти мгновения для меня, возможно, самая важная часть моего существования. Лола, я призываю тебя ничего не делать. Давай останемся просто наблюдателями?»

Клайв смотрел на дорогу, а там все происходило будто в замедленной съемке. Самая большая часть грузовика очень медленно подлетела на бугорке, ударилась о верхнюю часть дороги и переломилась пополам. Из кузова в разные стороны посыпались ящики, тюки и какие-то коробки, задевая все на своем пути и сбивая соседних участников движения. Клайв видел, как один за другим они переворачивались, трескались, раскалывались, ударялись о соседей, о стены домов, как несущиеся за ними машины наезжали на них, а в тех, в свою очередь, врезались те, кто был позади этих машин… Они все плотнее и плотнее набивались, превращаясь в бесформенную массу, и постепенно заполонили весь просвет дороги[40]. Движение оказалось полностью перекрыто.

Клайву было страшно наблюдать за тем, как все рушится, в том числе то, что он до этого так старательно оберегал, что так старательно сохраняли его предшественники. Все сейчас ломалось, крушилось, разбивалось и превращалось в пыль. Он огляделся и увидел, что и соседний с ним дом стал сморщиваться, погибать. «Но он же совсем недавно вырос!» Клайв повернулся в другую сторону – и там тоже стены начали изменяться…

Тонус сосуда мгновенно меняется при возникновении тромбоза.

Конечно, ведь когда движение на дороге останавливается, умирает все вокруг, включая и Смотрящих. Вдруг его осенило, как будто ледяная стрела прожгла все внутри. Он поднял глаза: дом Лолы тоже стал изменяться. Клайв понял, что, если промедлить еще хоть мгновение, все будет кончено и назад ничего не вернуть. Он судорожно забил по клавишам, набирая экстренный код. Все, о чем он думал, – это как спасти друга, как не допустить еще одной несправедливости. Он принялся вызывать все возможные бригады: и Чистильщиков, и рабочих, и Надсмотрщиков… Лишь бы только просвет дороги был восстановлен и движение снова наладилось. Чтобы она не погибла. Чтобы она смогла прожить отпущенный ей отрезок времени. Он не хочет быть причиной ее преждевременного конца. Кто угодно, но только не он.

Клайв кричал, бился в истерике, стучал по всем клавишам, жал на все рычаги и в конце концов запустил раствор, который, судя по инструкции по применению, должен был уменьшить их дома и увеличить просвет дороги. И правда. Его потолок стал опускаться. Другие дома тоже сплющивались. Обочины дороги как будто раздвигались… и просвет туннеля расширился. Создавалось ощущение, что стены домов становились тоньше, что из них как будто уходил смазочный материал. Между домами постепенно начали образовываться здоровенные щели, в которые тут же хлынули осколки, рассыпавшиеся части, обломки транспорта – все, что могло двигаться и было маленького размера. Одновременно с этим прибыли дорожные службы[41]. Они мгновенно взялись за дело: стали отскребать, поднимать перевернутые машины, собирать разбросанное. Между тем сзади все напирали и напирали, и в это бесформенное месиво постоянно набивались новые участники движения, все усложняя и усложняя очистку дороги. Внезапно Клайв услышал оглушительный рев, как будто все существующие трубачи набрали в легкие побольше воздуха и выдохнули. Он был настолько сильным, что показался ему болезненным. В его окно резко постучали:

– Эй, шевелись! Не спи, давай сюда растворитель! Скорее, скорее! – прокричал Здоровяк[42], прикативший на штуке, издававшей этот громкий звук.

Клайв заметался. «Ну конечно, вот же он, на самом видном месте, прямо под рукой». Справа от консоли висел огромный бак[43], всегда полный, потому что по технике безопасности, если этот бак был хоть немного опустошен, его необходимо было сразу же наполнить до возникновения экстренной ситуации. Клайв отвернул до упора петли, на которых висел бак, и он с легким щелчком выскользнул из желоба в распростертые объятия Здоровяка, который стоял прямо под ним и давно и с нетерпением ждал. Как только бак попал ему в руки, он помчался в самую гущу пробки, по пути открутив крышку и сильнейшим напором струи[44] поливая все вокруг себя[45].

И тут Клайв заметил, что все постепенно стало покрываться белыми нитями-щупальцами[46]. Они, как корни деревьев, проникали сквозь поломанные машины, связывали между собой рассыпанные припасы. Белых нитей-щупалец становилось все больше, и они существенно усложняли работу бригад по расчистке завалов. Клайв не понимал, почему половина усилий направлена на восстановление кровотока, а другая половина, похоже, наоборот, – на закрепление пробки, на ее уплотнение[47].

Он смотрел, как Здоровяки поливают растворителем белые щупальца. Когда жидкость[48] попадала на них, они с шипением и паром начинали растворяться и рассыпаться на мелкие кусочки, а потом и вовсе исчезали. Баллонов становилось все больше и больше, повсюду раздавалось шипение, белые нити исчезали, и явно было видно, что в этой битве победит бригада дорожных рабочих. Подъехали Чистильщики – небольшие механические машины с лопастями перед собой. Они загребали части, валяющиеся на дороге, и быстро уносили их прочь. Еще через мгновение появились Надсмотрщики. Они захватывали огромными пастями целые куски транспорта, проглатывали их и тоже исчезали. Несколько минут такой слаженной работы – и в этом хаосе образовался небольшой проход. Транспортный поток, хоть и в одну-две машины, возобновился, потек тоненькой струйкой.

Клайв огляделся: какие-то дома по соседству немного сморщились, какие-то покосились, но в целом все стояли на месте. Он посмотрел наверх. Как там? Фуф, все в порядке. Все на месте. Он выдохнул: «Ну все… Значит, это мы пережили».

Противосвертывающая система крови – это совокупность органов и тканей, обеспечивающих жидкое состояние крови в сосудах.

Глава 3

13 марта 2013 г.
Роман

«Как же достало рано вставать…» Роман в третий раз переставил будильник и тут же задремал. Через пять минут мерзкий звонок снова выдрал его из сна. «Вот дерьмо! Эти блаженные минуты пронеслись за секунду». Роман посмотрел на часы в телефоне – шесть пятьдесят пять. Да, пора вставать. Если он выйдет позже семи тридцати – ни за что не успеет вовремя на работу. Тогда Быков опять нагоняй устроит.

Роман откинул одеяло, сонно потянулся и сел на край кровати. Сзади мерно посапывала жена. «Везет же: ей вставать только через час». Он сунул ноги в тапочки и поплелся в ванную. Десять минут на душ и прочие утренние процедуры. Еще пятнадцать – на завтрак из хлопьев и растворимого кофе. Все как всегда: холодное утро, холодный завтрак. Все быстро, без сомнений, мыслей и остановок. Просто среда.

В семь тридцать он захлопнул за собой дверь и запрыгнул в лифт, мысленно проклиная того, кто наделал в нем лужу. Стоя на одной ноге, он доехал до первого этажа, после вышел из подъезда, закурил и направился к остановке. Асфальт местами уже проглядывал из-под грязно-белого снега, идти было легко. По обочинам дороги кое-где виднелся непереваренный собачий корм – вечный мартовский спутник московских улиц. Изредка показывалось из-за облаков жесткое и холодное весеннее солнце, так хорошо и честно освещавшее всю грязь и уныние спального района столицы рано утром. Роман торопился на маршрутку: никакого желания тащиться пешком тридцать минут до метро «Марьино» у него не было. «Это будет второе опоздание на этой неделе, а это уже залет…» До остановки оставалось метров триста. Завидев в начале улицы свою маршрутку, он припустил. Поравнявшись с ней, он собирался было залезть внутрь, но вдруг почувствовал резкий удар в плечо.

– Погоди, дед, я опаздываю!

Пацан лет двадцати пяти, в подвернутых портках, с зачесанными волосами бойко заскочил в маршрутное такси и захлопнул дверь прямо перед его носом. Роман опешил от такой наглости и не успел ни ответить, ни хотя бы схватить дверь – авто уехало, оставив его в клубе угарного газа.

«Вот это денек начался…» Он постоял несколько минут на остановке в надежде, что скоро подъедет следующая маршрутка. «Нет, надо идти, иначе точно опять огребу. Какой я ему дед?! Мне

только пятьдесят один!» Пытаясь подавить в себе злобу и бешенство, он закурил еще одну сигарету, приподнял воротник синей пуховой куртки и поспешил к метро. Справа скрашивал его путь канал имени Москвы, слева вереницей стояли многоэтажные панельные дома. Иногда попадались несчастные, выгуливавшие собак.

«Что ж так холодно?! Середина марта уже… в детстве в это время везде ручьи бежали, а сейчас одна грязь и мороз. Ни весны нормальной, ни лета… и в жизни ничего не складывается. По службе давно не повышали. Какой-то малец с пятилетним стажем меня обошел. Дочь ни в грош не ставит. Денег зарабатываю мало. А сейчас же успех измеряют их количеством. Будто другие ценности подешевели. Теперь какая-то другая философия в моде».

Впереди замаячил вход в метро. Роман прибавил шагу: он выбивался из графика. Дойдя до метро, он влился в мерно покачивающуюся толпу и стал постепенно продвигаться к турникетам. Ему наступали на ноги, слишком сильно толкали в бок, а от кого-то несло перегаром так, что не хотелось делать следующий вдох, чтобы вновь не чувствовать этот запах. Кто-то подозрительно надвинул кепку на глаза. Роман профессиональным взглядом окинул пацана лет двадцати – да, он явно уже на работе: руки в карманах, на вид ничем не

примечателен, но трется около других пассажиров и толкается. «Нет, только не сейчас. Опоздать нельзя, ни в какие передряги сейчас втягиваться нельзя». Он демонстративно уставился на подозрительного парня в кепке. Тот стушевался и исчез в толпе.

Спустившись по эскалатору и сев в вагон метро, Роман открыл в телефоне новостную ленту и стал скучающим взглядом просматривать ее. Он не заметил, как тело обмякло и он провалился в сон. Ощущение выскальзывающего из руки телефона вернуло его назад. Роман увидел, как двери вагона захлопнулись на его станции. «Все-таки без опоздания сегодня не обойдется. Черт! На секунду же глаза закрыл». Он вышел на следующей станции и пересел в обратную сторону. Снова уткнулся в телефон. На экране всплыло объявление от известного портала по поиску людей: девушка лет двадцати с миловидным лицом, ушла такого-то числа и не вернулась домой. Роман перелистнул его, перешел к курсу доллара. Когда поезд остановился, он выскочил из вагона и устремился к эскалатору, лавируя в толпе вроде и спешащих, но неуклюжих и все равно недостаточно быстро двигающихся людей. На эскалаторе, как всегда, слева невозможно было пройти. Роман начал переживать: на часах было девять ноль-ноль, а еще надо успеть дойти до отделения, это минут пятнадцать очень быстрым шагом. «Сегодня опять опоздаю», – крутилось у него в голове. Он ехал и злился, что эскалатор так медленно движется, что он снова не смог встать раньше и вновь опаздывает. «Ну что стоит не переставлять будильник? Неужели сложно?» И так каждое утро.

Роман выскочил из метро и, оказавшись на нужной улице, направился в сторону отделения. Как он ни старался, а к началу утренней планерки не успел. В девять пятнадцать он только повернул ключ в двери своего кабинета – комнатушки три на три, в которой были стол, его стул и два для посетителей, тумбочка да шкаф во всю стену, где хранились документы и личные дела. Вся мебель была обшарпанной, осталась с советских времен. Напротив двери располагалось окно, тоже во всю стену. Серые жалюзи были подняты, и солнце наполняло комнату. В его лучах была видна витающая пыль. Он работал в этом кабинете последние двадцать лет. Каждый день какие-то дела, задания… Череда будней прекрасно отвлекала от мыслей о том, что его жизнь проходит совершенно заурядно. Как будто будет еще время и он наверстает упущенное.

После такого неприятного утра приступать к работе не хотелось. А ее было навалом: много писанины, ответы на обращения, незакрытые дела, общение с прокуратурой, прием посетителей, должен прийти адвокат по делу о краже из квартиры

на его участке, планерка… «Черт, да, планерка». Роман повесил куртку в шкаф и поторопился в кабинет начальства.

Вокруг стола для переговоров сидели его коллеги во главе с самодовольным Петром Алексеевичем Быковым, получившим приятную дозу унижения подчиненных: дежурный уже отчитался по происшествиям за ночь, остальные – по состоянию текущих дел. Между собой они звали его Петя Лексеич или просто Петя. Он только недавно стал начальником РУВД. Всего пять лет в профессии, а уже такая должность. Никто до конца не был уверен, что Петя на ней долго продержится, однако пока приходилось выслушивать его и подчиняться.

– Роман Викторович, опаздываете! Второй раз на этой неделе! Непорядок, – обратился к нему Петр Алексеевич.

«Как так получилось, что он обскакал меня? Этот щенок, жизни не знающий, в работе ничего не понимающий, неопытный. Но главное, самодовольный, упертый и совершенно не слушающий советов более опытных сотрудников!» – Случившееся никак не могло уложиться в голове Романа. Ему было обидно, и последние три месяца его поедала злость на руководство в целом правоохранительной системы. В ней давно все настолько застарело, что, какие перестановки в кадрах ни делай, все равно «машина» все перемелет. «Но таких же экземпляров ставить нельзя! Он же совсем глупый. И главное, злой. Злые, необразованные люди, облеченные властью, – это самые страшные управленцы», – думал Роман.

– Разрешите обратиться? Петр Алексеевич, по дороге заснул. Виноват, больше не повторится. – Роман встал по стойке смирно.

– Ну как же, Роман Викторович? Второй раз уже на этой неделе. Может, вам отпуск нужен? Или вы вообще не справляетесь? Тяжело стало работать? – Петр Алексеевич посмотрел на него с ухмылкой и слегка прищурив один глаз.

– Нет, спасибо, товарищ капитан. Исправлюсь. Прошу прощения.

У Романа все внутри клокотало: «Да почему я должен отчитываться перед этим сопляком?! Да пошел он! Вижу, как он смакует ощущение власти и превосходства. Только он наверняка не за свои заслуги на этом посту, а за подлизывание задниц вышестоящего начальства». Роман отодвинул стул и плюхнулся на него.

– Роман Викторович, ну а что у вас? Планируете заняться наконец делом о фельдшере? Уже неделя прошла, мне звонили. Вы что-нибудь накопали?

«Кто мог позвонить Пете по поводу заявления о взятке в две тысячи рублей на фельдшера скорой?» – удивился Роман.

Его принесла еще на прошлой неделе тетка примерно пятидесяти пяти лет. Она тогда влетела в кабинет, чуть не вынеся дверь. Полная, шумно дышащая, на толстых ногах, с огромным бюстом, некрасивым и недовольным лицом. Она с порога стала кричать, что в этой стране все жулики, что вместо помощи ее чуть не убили, что к ней в карман залезли врачи скорой, к ней – бедняжке, пока она лежала с гипертоническим кризом.

Роман обстоятельно опросил потерпевшую. Из разговора стало понятно, что она отказалась ехать в больницу, в которую ее собралась везти бригада, и предложила две тысячи рублей, чтобы ее отвезли в другую. Фельдшер ее предупредил, что нет никакой гарантии, что она попадет туда, куда хочет, и что их могут развернуть. Это, собственно, и произошло.

В приемном отделении стационара врачи не нашли критической патологии, оправдывающей госпитализацию, и пациентка была отправлена домой на амбулаторное лечение.

Роман встречался и с этим фельдшером – сорокалетним мужиком, замученным тяжелейшей работой, которую никакому врагу не пожелаешь. С одной стороны, он видит смерть, боль, страх. С другой – сотрудники министерства просят новые отчеты, бланки, надо каждый свой шажок отразить в целой кипе бумаг. И за все это полагается нищенская зарплата. Все разговоры с голубого экрана про повышение зарплат и всяческие преференции – наглое вранье.

И вот этот мужик сидел перед ним, сгорбившись и смотря в пол. На нем были темно-серая куртка с оттянутыми карманами, старые джинсы и драные ботинки. Дома его ждали жена и двое детей. «Да, этот фельдшер взял деньги. Но его дети тоже хотят есть и быть одетыми к школе. – Роман смотрел на него и сочувствовал. – Если будет суд, то этого несчастного мужика могут закрыть года на два-три и лишить права заниматься медицинской деятельностью. Потерпевшая, эта озлобленная тетка, совершенно определенно просто хочет кого-то наказать. И не потому, что у нее обостренное чувство справедливости, а просто ей в жизни больше нечем заняться».

Роман собирался как-то замять это дело: потерять кое-что, заменить кое-какие бумаги и все потихоньку спустить на самотек. Теперь же выясняется, что кто-то позвонил Пете, и поступить так не удастся.

– Так что, Роман Викторович, вы так и будете в своих мыслях витать? Может, о пенсии мечтаете? – сказал Быков с плохо скрываемой насмешкой.

– Петр Алексеевич, работа ведется. Я просто не уверен в успехе этого дела. Ему пока невозможно дать ход: ни свидетелей,

ни съемки передачи денег – пока ничего.

– Так, Роман Викторович, не изображайте из себя юную принцессу. Документов нет? Нарисуйте. На следующей неделе дело должно быть передано в прокуратуру. Больше об этом говорить не будем.

– Так точно, Петр Алексеевич, не будем, – буркнул Роман.

* * *

Он вернулся к себе в кабинет, где его ждала кипа неразобранных бумаг. Подошел к шкафу, достал чашку, насыпал кофе из пакетика и поставил кипятиться электрический чайник, который стоял на маленькой тумбочке в углу кабинета. Внезапно ему стало нехорошо: затошнило, немного закружилась голова. «Может, я съел чего на завтрак? Да нет, то же, что и всегда». У него перехватило дыхание. Головокружение усилилось. Внутри все сдавило, и накрывало все больше и больше. Он не мог вдохнуть. Повалился на стоявший позади него стул с бумагами. Они с грохотом слетели на пол, а за ними и сам Роман. Пот выступил на всем теле. «Ну, все. Это, наверное, конец… Господи, я брошу курить, буду бегать по утрам, не буду больше пить, только дай мне еще один шанс». Неведомая сила сжимала все его тело. Невыносимо сильно заболела голова, руки онемели. Роман сделал судорожный вдох. Стены вокруг затряслись, закружились, и в глазах начало быстро темнеть. Он даже не успел испугаться, как погрузился в черноту…

– Рома! Рома, ты что? Эй, друг, очнись!

Голос звучал как будто из-под толщи воды. Роман приоткрыл глаза. Сделал вдох. Потом еще один. Давление во всем теле начало пропадать. Он попытался повернуть голову, но не смог. Из-за слабости. Чувствовал себя так, будто пробежал много километров без воды и отдыха, будто организм в один момент постарел на двадцать лет. Он попробовал опереться на правую руку, чтобы приподняться, но у него не получилось: она совсем не слушалась его. Он принялся растирать ее левой рукой. И тут с ужасом понял, что не чувствует прикосновений. Как будто справа лежит кусок мягкой, холодной, липкой плоти, ему не принадлежащей. Он стал ощупывать грудь, ноги. «Слава богу, их я чувствую». Окончательно он пришел в себя после удара по щеке.

– Ромка, ты чего? Не надо так пугать.

Леха из соседнего отдела сидел перед ним на коленях и уже собирался двинуть ему по другой щеке.

– Все, все! Я в норме. Леха, дай воды.

– Вот, держи. Рома, ты адски напугал меня. Я услышал шум, вбежал, а ты лежишь, и глаза закатились. Вон штаны мокрые: обмочился. Да у тебя сердечный приступ, может, или инсульт? Давай я скорую вызову?

– Не вздумай, Леха, не вздумай. Если меня сейчас увезут, ты же знаешь, Петя сразу попрет меня. А что я без работы делать буду? Нет, я потом сам в поликлинику схожу, у меня жена там работает.

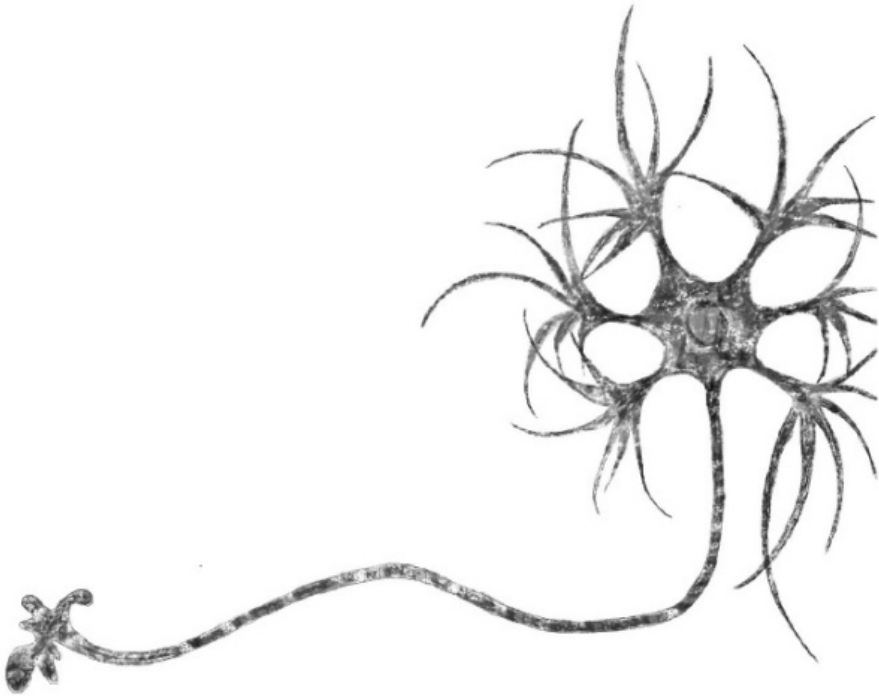
– Рома, так нельзя. Ты же встать не можешь.

Роман действительно смог только присесть и с помощью коллеги облокотиться на стену. Но постепенно в руке стало ощущаться покалывание. У него получилось подвигать плечом. Через минуту он смог согнуть руку в локте, через две – пошевелить пальцами: сначала большим, потом и остальными. Еще через минуту – уже согнуть кисть.

– Ну вот, Леха, работает! Все нормально, прорвемся.

Он выдохнул: «Ну все… Значит, это мы пережили».

Если вы упали в обморок, нужно обязательно вызвать врача и выяснить причину.



13 марта 2013 г.
Вера

Вера открыла глаза, проснувшись от резкого писка будильника на телефоне. Повернула голову – муж уже ушел. Протянула руку к мобильному, чтобы выключить будильник, но не нашла его на обычном месте. Поняв, что он завалился за спинку кровати, она с неохотой поднялась, встала на четвереньки, достала негодника и заставила его замолчать. Затем, сунув ноги в домашние шлепки, Вера бодро пошла в ванную. Закончив с утренними процедурами и перекусив бутербродом с сыром, она выскочила на улицу и побежала в сторону остановки. В такое холодное, хоть и солнечное утро ей совсем не хотелось идти пешком до поликлиники. Через несколько минут из-за угла показался нужный автобус.

Ее рабочий день, как всегда, начался с открывания базы данных с пациентами и чашечки горячего, хоть и растворимого кофе. После реформы в системе здравоохранения изменилась работа почти всех ее звеньев: от сотрудников регистратуры до главных врачей. Теперь все компьютеризировано, все заносится в электронные карты. Изменения не коснулись только одного – людей. Пациенты по-прежнему считают, что работники регистратуры сидят без дела, а те, в свою очередь, – что первые могут и подождать.

В девять она приступила к работе, и ее поглотила каждодневная суета: пациенты, карты, мелкие проблемы, очереди, недовольные лица – не отойти передохнуть. Незаметно прошло два часа. В одиннадцать зазвонил мобильный. «Рома. Странно. Он же никогда в рабочее время не звонит…» Она подняла трубку.

– Вера, я сегодня утром на работе в обморок упал.

– Как упал? Что случилось? – Она выскочила из-за стола, поставила табличку «Перерыв пять минут» и крикнула девочкам, что отойдет на минутку. – Что конкретно произошло?

– Похоже, рука какое-то время не работала, и тошнило. Сам не знаю, что это было. Я сейчас по делам поеду. Не знаю, зачем позвонил тебе. Не хотел пугать, просто поделился. Не беспокойся, ничего серьезного.

– Как это ничего серьезного? Ты с ума сошел? Такой звоночек нельзя оставлять без внимания. Надо в больницу, МРТ головы сделать. А вдруг это предвестник инсульта или сам инсульт? – На ее глаза навернулись слезы.

Тело – вселенная, все части которой направлены на сохранение жизни. Организм очень долго сражается и очень долго задействует всевозможные резервы. Все, что есть, бросается в топку, чтобы по максимуму функционировать без потерь. Если что-то в организме отказывает, значит, внутри уже давно идет борьба, которую кто-то проигрывает. Оставлять без внимания даже такой непродолжительный эпизод, как обморок, категорически нельзя, потому что в конечном счете это может оказаться смертельным.

– Рома! Ты слышишь меня? Тебе надо в больницу! Если это были даже микросимптомы, они могут говорить о войне, идущей внутри тебя. И кто-то ее проигрывает. Если ты сейчас не поможешь себе, то проиграешь! – Вера почти кричала.

– Родная, я в полном порядке. Еду по делам. Все, мне пора, я кладу трубку, дома поговорим.

* * *

Вера стояла в растерянности, пока ее не вырвал из этого состояния голос коллеги:

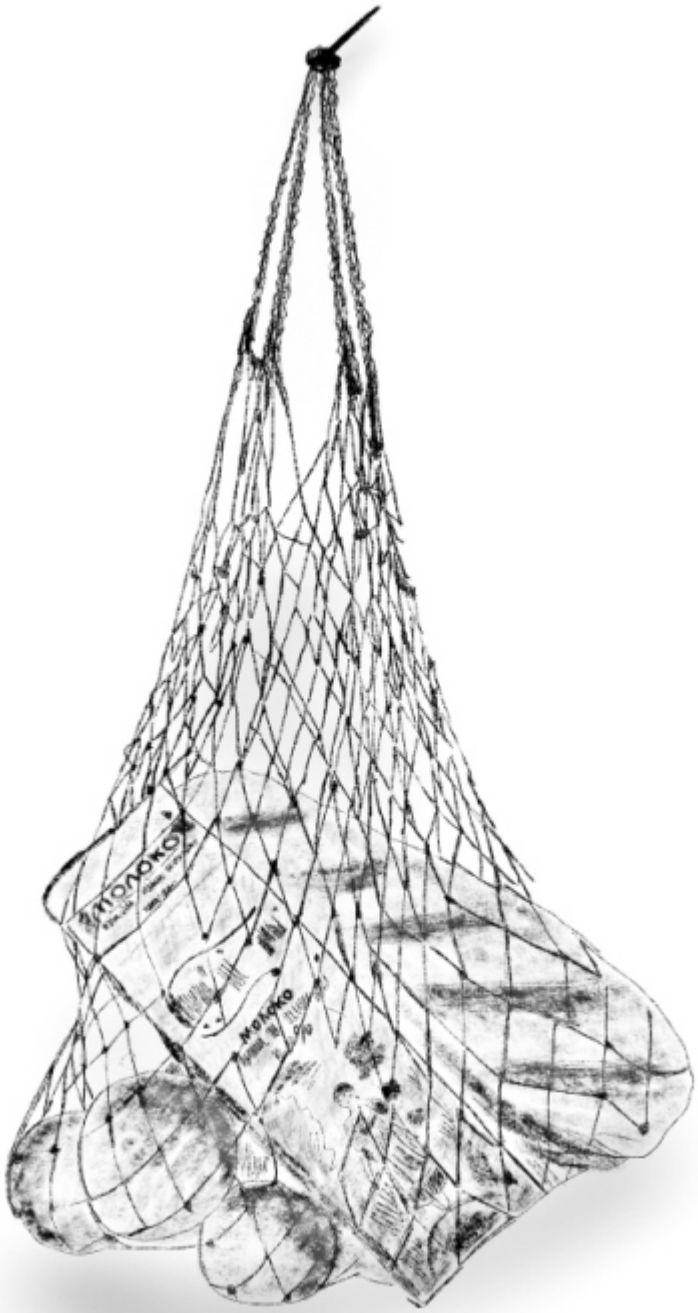
– Вера Васильевна! Вас вызывает начальник отдела кадров по поводу ваших опозданий.

Вера повернулась и вскинула брови:

– Меня?

– Да.

– Хорошо, – ответила Вера, а про себя подумала: «Если меня еще и отчитывать будут за такую зарплату…»



Она направилась по длинному коридору, выкрашенному в грязно-розовый цвет, к неприметной лестнице, ведущей в пристройку где-то середины прошлого века. Поднявшись по

темной лестнице, она повернула направо в застекленный переход. Все отдавало советским духом: длинные коридоры, высокие потолки, огромные горшки с комнатными растениями, достающими почти до потолка. Перейдя в другое крыло, она спустилась на тот этаж, где сидели отдел кадров и бухгалтерия, или, иначе, «серпентарий» – так их между собой называли остальные члены коллектива.

Вера подошла к двери с табличкой:

и постучалась.

– Войдите!

– Добрый день, Маргарита Юрьевна! Вызывали?

– Добрый день, Вера Васильевна. Да, хотела с вами переговорить. Что же это вы нарушаете рабочий распорядок, коллектив подводите? На этой неделе два опоздания было уже.

– Я сегодня на работе вовремя была, – сквозь зубы, но вежливо сказала Вера.

– Да, я знаю, но речь идет не о сегодняшнем дне.

– Позавчера мне нужно было заехать за документами утром, я была на работе в девять десять.

– Вера Васильевна, меня это не волнует. У нас у всех есть куча неотложных дел. Это не оправдание. На работе вы должны быть в строго определенное время. Вы знаете, в других учреждениях вас давно бы попросили с работы за такую халатность, – говорила Маргарита Юрьевна с каменным лицом и не смотря ей в глаза. – Давайте будем считать это моим последним предупреждением, иначе я объявлю вам выговор с занесением в личное дело.

– Да, Маргарита Юрьевна, я все поняла, спасибо, – с плохо скрываемым возмущением почти прошептала Вера. – Я свободна?

– Да, Вера Васильевна, можете идти.

Вера выскочила из кабинета и, полная негодования и злости, устремилась обратно в регистратуру. На застекленном переходе

ее начало отпускать, а когда она оказалась на своем этаже, то уже совсем успокоилась. Мысли опять заняли планы, задачи: у кого-то отменилась запись, кого-то надо перенести на другой день… Повседневная рутина накрыла ее с головой. За всем этим утренний разговор с мужем забылся.

После обеда Вера вновь вспомнила про мужа. Несколько раз набрала его номер, но он не взял трубку. Поскольку это было в порядке вещей, она не придала этому значения и решила все же разговор оставить до вечера. К тому же их дочь уехала в дом отдыха с друзьями и вернется только в следующий вторник. Они смогут в спокойной обстановке все обсудить и выработать план, что делать дальше, где и как обследоваться. Это если ей удастся его уговорить. Несмотря на то что на дворе двадцать первый век, представления ее мужа о медицине, а главное, желание что-то делать со своим здоровьем находятся на уровне человека каменного века. И как ей этот барьер преодолеть? Как внедрить ему в голову, что, если за собой не начать следить и не подать руку помощи самому себе, тело рано или поздно откажет? Вера не знала и не была уверена, что не будет отправлена в мягкой форме по известному адресу. Эти мысли покрутились, покрутились в ее голове, но дневные дела и задачи вытеснили их своей сиюминутной важностью.

Глава 4

17 апреля 2016 г.
Инсульт

С момента последнего эпизода на дороге прошло много времени. Клайв по-прежнему стоял на страже потока, Лола по-прежнему с ним не разговаривала, а машины, повозки и другой транспорт по-прежнему двигались по туннелю. Но теперь было нормой провозить кристаллы холестерина и на крыше, и даже в кабинах. Они теперь обвешивали транспорт со всех сторон. Да и повозок, наполненных ими, стало существенно больше.

Вся дорожная система постепенно изменилась. Если раньше дома были свободно расположены на основании[49], то сейчас просветы между ними в разы уменьшились, сами дома сделались шире и чуть выше[50], дорога сузилась.

Временами рабочие укрепляли туннель цементным[51] раствором. Стены домов постепенно теряли гибкость и эластичность.

Если долго не лечить артериальную гипертонию, со временем стенки сосудов утолщаются, теряют эластичность, становятся менее восприимчивыми к изменению давления.

Клайв видел все это и понимал, что рано или поздно такое положение вещей приведет к более глобальным изменениям. Он недоумевал: «Почему Хозяин бездействует? Почему не обращает внимания на то, что Вселенная в опасности и как много сил и ресурсов уходит на поддержание ее в рабочем состоянии? Кристаллов стало так много, что ни одна фабрика не может сразу справиться с таким масштабом[52]. Значит, есть склад, где они дожидаются переработки. И если механизм перераспределения засбоит от количества материала…[53] А ведь Хозяин вполне способен повлиять на свой внутренний мир, способен уменьшить поток кристаллов. От Него зависит, какой транспорт понесется и что попадет к нам во Вселенную.

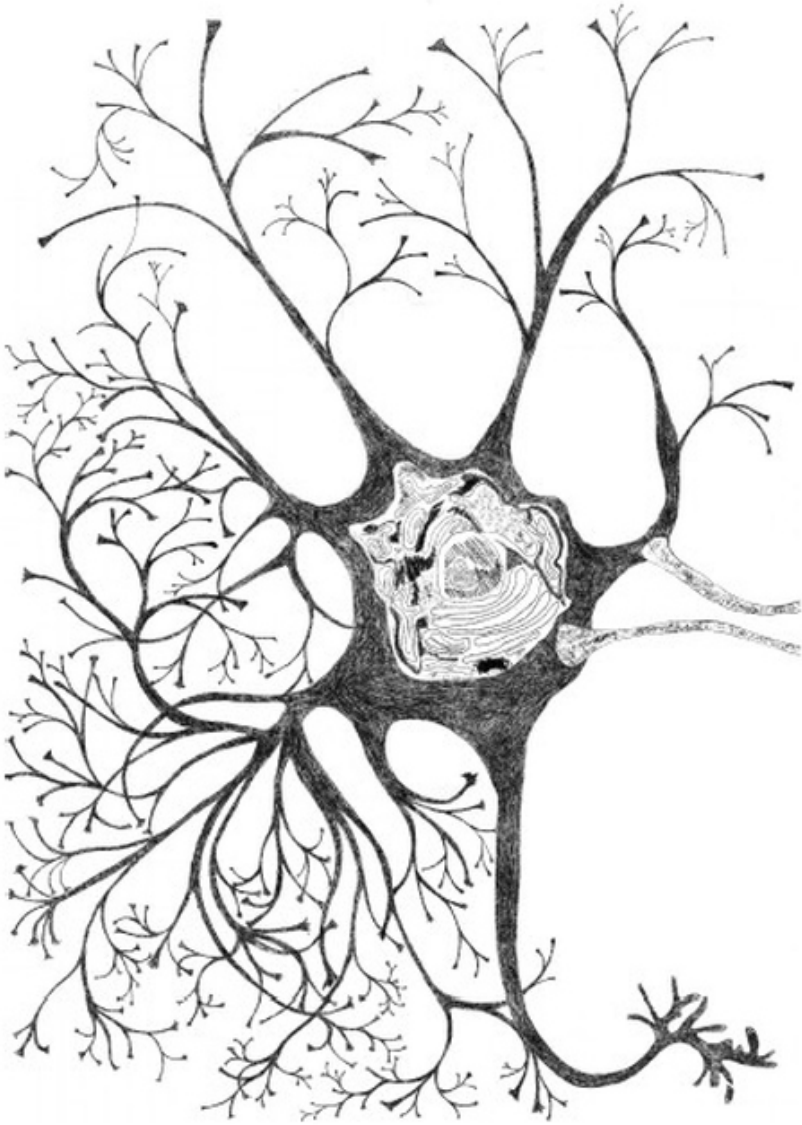
Почему Он не заботится о нас? Почему не любит нас? Ради Него мы работаем без перерывов на обед и сон. Ради Него все готовы не задумываясь пожертвовать собой. Может, Он не знает об этом? О нас? Или Его не волнуют наши трудности? А ведь нам порой так нужна Его помощь. Вот бы Он хотя бы иногда оказывал нам ее.

У каждого из нас своя роль. Моя – стоять здесь и смотреть, чтобы поток шел непрерывно. Она такая маленькая, но я знаю, что, если движение остановится, все погибнет. И те, кто сидит за поворотом, тоже[54]. А их мы должны охранять любой ценой.

За поворотом находится командный пункт нашего мира – Серые Кардиналы[55]. Они отделены от нас стеной[56]. Никто не был там и не видел их, но мы все появились на свет с четким осознанием, что все может погибнуть, но Серые Кардиналы должны остаться невредимыми. Говорят, они могут общаться с самим Хозяином – передавать ему послания и получать их от Него. Абсолютно весь транспорт, несущийся мимо меня, направлен на то, чтобы обеспечить их работу. Они потребляют большую часть топлива, и каждое мгновение им нужно еще и еще.

Серое вещество мозга состоит из нейронов.

Серые Кардиналы похожи на деревья, руки-ветви которых переплетаются с сотнями тысяч себе подобных, образуя сеть непостижимого размера, распространяющуюся и вверх, и вниз, и по сторонам. По ней туда-сюда снуют Механики. Они играют незаметную, но такую незаменимую роль[57] – без отдыха и остановок поддерживают постоянство среды: доставляют вещества для функционирования этого огромного механизма, убирают то, что уже не нужно, ремонтируют то, что вышло из строя.



ОТДЕЛ ЗАКУПОК – рецепторный аппарат в гипоталамической области. Обеспечивает контроль и поступление питательных веществ, отслеживает уровень сахара в крови, контролирует чувство голода, усиливает его при низком уровне глюкозы.

ОТДЕЛ МАРКЕТИНГА – зоны лимбической системы отвечают за настроение, эмоции, привычки, желание понравиться другим людям, особенно противоположного пола.

ОТДЕЛ ПО СВЯЗЯМ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ – зоны

Брока и Вернике отвечают за понимание и воспроизведение речи.

ДИРЕКЦИЯ – кора головного мозга, филогенетически наиболее поздний его отдел, обеспечивает все осознанные мыслительные процессы человека. Другими словами, мы ей думаем, именно в ней формируются воля, контроль над собой.

ТЕХНИЧЕСКИЕ СЛУЖБЫ – базальные ганглии (хвостатое ядро, скорлупа, бледный шар) обеспечивают инициацию и координацию движений, регулируют мышечный тонус. Входят в понятие „экстрапирамидная система“ (обеспечение передвижения тела в пространстве). Функционируют относительно автономно, не подчинены сознательному контролю (отчасти это сделано для того, чтобы освободить место в „оперативной памяти“ мозга).

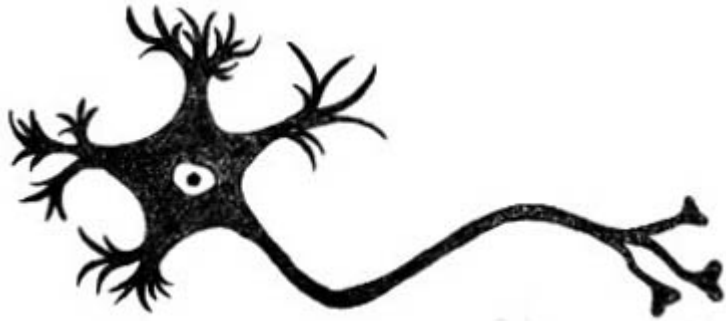
ТРАНСПОРТНЫЙ ОТДЕЛ – артериальная и венозная сосудистые сети. По ним доставляются и забираются вещества, необходимые для обеспечения жизнедеятельности нейронов, а значит, всего организма.

ФИНАНСОВЫЙ ОТДЕЛ – гипоталамо-гипофизарная область отвечает за производство, доставку и регуляцию различных гормональных веществ, которые регулируют все жизненно важные функции организма.

КООРДИНАЦИОННЫЙ ОТДЕЛ – мозжечок – отдел головного мозга, отвечающий за координацию движений, сохранение позы, мышечный тонус, равновесие, рефлекторные реакции в ответ на падение, защиту. Сюда поступает информация обо всех видах чувствительности, имеющих значение для ориентации тела в пространстве.

ОТДЕЛ ЛОГИСТИКИ – пирамидная система. Высший центр – клетки Беца (нейроны в коре головного мозга). По ним бегут сигналы к двигательным ядрам черепных нервов (мышцы лица) и мотонейронам передних рогов спинного мозга (мышцы тела).

ОТДЕЛ ОХРАНЫ – периферическая нервная система – множество разветвленных нервных волокон за пределами головного и спинного мозга. На конце каждого нерва есть рецептор, анализирующий свой участок (от температуры, давления, движения волос, осязания и болевого восприятия до степени растяжения мышц и суставов). Это позволяет контролировать происходящее внутри и снаружи организма и мгновенно реагировать на него.



Этот „лес“, как большая компания, поделен на отделы: есть отдел закупок, маркетинга, по связям с общественностью, дирекция, технические службы, транспортный, финансовый, координационный отделы, отдел логистики, охраны. Все они работают как часы, без сбоев и перерывов. Все подчинено вышестоящим отделам в соответствии со строгой иерархией.

В этой жесткой системе есть два противоборствующих участка. Временами они вступают в спор, и тогда во Вселенной бывают разрушения, поскольку они не всегда могут договориться[58].

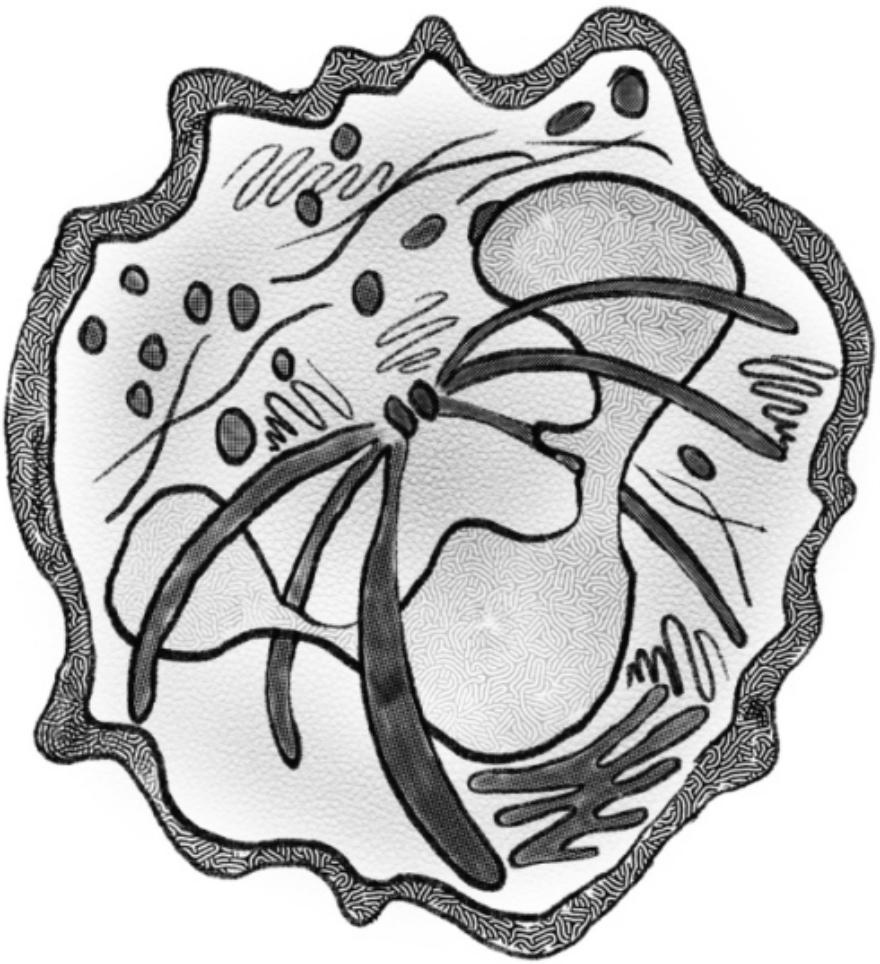
Серые Кардиналы руками-ветвями связаны не только друг с другом, но и с миром. Они управляют всем во Вселенной. Их гибель – это гибель всего».

Временами с повозок и машин падали кристаллы холестерина и, скатившись по дороге, прятались под покрышку. Клайв прекрасно осознавал, что под ней рано или поздно закончится место и наступит момент, когда она оторвется. И тогда все. Конец. Разлетятся куски и собьют все на своем пути. И Растворители не помогут, потому что этот цемент и полотнища нерастворимы. Именно поэтому покрышка способна выносить такое давление: с одной стороны, все увеличивающееся количество кристаллов, с другой – поток транспорта[59]. Сначала Клайв тут же вызывал Надсмотрщиков. Но они прибывали всегда с опозданием: когда все кристаллы давно уже скрылись под покрывалом и туннель был отремонтирован. Поняв, что они неэффективны, он перестал их беспокоить.

* * *

Однажды Клайв заметил, что край покрышки не очень плотно прилегает к дороге: то отстает, то вновь прилипает, то блеснет оттуда бок кристалла холестерина, то вновь исчезнет. Он написал

об этом Лоле. И та спустя столько времени молчания ответила ему. Да, она тоже видела это. Они оба вызвали Надсмотрщиков и с ужасом стали наблюдать, как здоровенные щупальца отдирают покрышку и забираются внутрь. Щель становилась все больше, а Надсмотрщики все активнее и глубже в нее просачивались. Получилось, что вместо помощи они сделали только хуже: покрышка постепенно стала отходить от дороги.



Наконец она не выдержала и с треском отсоединилась наполовину. Та ее часть, что оторвалась и висела на остатках волокон, была пропитана цементом[60] и то опускалась под своей тяжестью, то под воздействием несущегося мимо транспорта вновь поднималась. От движения покрышка отходила все больше и больше. И Надсмотрщики только усугубляли ситуацию: залезая все глубже и глубже, они сводили на нет все попытки приклеить оторвавшийся лист обратно. Клайв чувствовал, как со всей

яростью накатывает неизбежность: еще чуть-чуть – и покрышка отойдет. Без сомнений. И обратно больше ничего вернуть не удастся. «Хозяин… Что будет с ним?» Клайв застыл в оцепенении, видя, как полотно раскачивается все сильнее и сильнее, отрываясь все больше, обнажая месиво из кристаллов, Надсмотрщиков, рабочих. «Что будет с нами?» Не успел он додумать, раздался снова треск – покрышка полностью оторвалась. Она, переворачиваясь и ломаясь на две части, и все, что было под ней, повалились на дорогу.

Клайв принялся судорожно нажимать на все, что попадалось ему под руку, вызывая все бригады, любую помощь. Он сразу спустил бак с растворителем по полозьям прямиком на дорогу, тот разбился, и растворитель вылился. Но в туннеле уже было месиво: покрышка перекрыла просвет полностью, транспорт на огромной скорости сталкивался и врезался в стены, друг в друга. Во все стороны летели ошметки, кристаллы холестерина. Работники, уже прибывшие на место, отчаянно пытались растащить расколовшуюся покрышку. Когда же им удалось оттащить один из ее кусков, второй, меньший по размерам, но все равно огромный, был подхвачен возобновившимся на мгновение потоком и унесен за поворот. «О нет!» – Клайв не мог поверить, что это произошло. – «Там, впереди, дорога сужается, и этот кусок полностью ее перекроет…» От мыслей его отвлек постучавшийся к нему работник: он попросил вновь выбросить кислоту.

Движение было полностью перекрыто. До участка Клайва никто не знал о случившейся проблеме, и транспорт продолжал прибывать с такой же скоростью, как и обычно, и один за другим врезаться в образовавшийся затор, усложняя решение этой пробки, которая с каждым мгновением становилась все длиннее.

Лола и остальные коллеги Клайва пошли на крайние меры: все стали выбрасывать на дорогу кислоту. Хаос, творившийся вокруг, захлестнул все и всех в туннеле. Каждая секунда была на счету. Нет потока – нет жизни.

Фибринолиз – процесс растворения кровяных сгустков и тромбов.

В такие моменты все части системы объединяются ради спасения мира. Клайв видел, как сотни и тысячи работников вышли разгребать завалы. Это и страшное, и великое зрелище. Крохотные Чистильщики с огромной скоростью собирались

вместе, чтобы оттащить один большой кусок, и вновь расходились, чтобы заняться теми, что каждому под силу в одиночку. Клайв тоже хотел бы сорваться с места и бежать туда, где сейчас решается судьба мира. Но его задача – стоять на страже и вызывать бригады. Никто не способен взять на себя роль другого, кроме НИХ – Серых Кардиналов. Да и они далеко не всегда могут заменить погибших.

Как и в прошлый раз, появились белые нити[61] и начали оплетать все, что им попадалось на пути: и транспорт, и работников, и кристаллы холестерина. Абсолютно все покрывалось ими, как белой паутиной. «Если работники не успеют все растащить и кислоты не хватит, эти нити все здесь „забетонируют“, и тогда шансов на восстановление потока уже точно не будет», – подумал Клайв. Его и соседние дома стали постепенно сморщиваться. С одной стороны, благодаря этому просвет на дороге увеличивался, с другой – самому Клайву становилось теснее, и он не был уверен, что это не закончится его гибелью. Как бы то ни было, он ничего не мог больше сделать. Ему оставалось лишь стоять и смотреть, как все, что ему было так дорого, разрушалось. И винить Хозяина: «Ведь это Ты ничего не сделал! Не уберег нас, не позаботился о нас. Думал только о Себе, Тебе важен был только Ты! Так стоит ли тогда бороться за мир, если мы в действительности не нужны Тебе?..»

* * *

Из-за поворота показалась огромная глыба и с оглушающим грохотом понеслась прямо на развилку[62]. Боб[63] видел: еще мгновение – и этот кусок перекроет ее. И если это случится, транспорт для всей его сети остановится. Тогда все. Конец.

Боба не учили, как действовать в такой ситуации, и на практике она произошла с ним в первый раз. Поэтому он кинулся отправлять сообщения по всем отделам в надежде получить какое-то совместное решение: по рукам-ветвям побежали электрические импульсы во все стороны.

Нейронная сеть (нервная система

человека) обеспечивает взаимосвязанное поведение разных систем в организме.

Тем временем глыба перекрыла просвет развилки. Движущийся по дороге транспорт начал врезаться в нее[64] и откалывать куски, которые, отваливаясь, летели дальше по направлению потока. Но летели недолго: сталкиваясь друг с другом, они тормозили соседние повозки, а те, в свою очередь, – другие, скорость потока все больше снижалась, пока наконец движение полностью не прекратилось.

Боб начинал паниковать. Здесь, в командном пункте, никто не рассчитывал, что придется разбираться с остановкой потока. Тут решаются совсем другие задачи. И Боб не знал, что делать дальше. В отчаянии он принялся вызывать всевозможные бригады. Электрические импульсы неконтролируемо побежали в разные стороны. Боб пытался что-то упорядочить, взять под контроль, но на деле был вынужден только наблюдать… Как все плотнее набивается дорога, как прибывают Чистильщики, как кислота льется рекой. Как все постепенно покрывается белыми нитями, скрепляясь намертво, и как все меньше шансов остается для расчистки…

Пришел ответ от других отделов. Сначала Боб и его коллеги стали отправлять сигналы, чтобы подать Хозяину знак, что все плохо. А затем, несмотря на угрозу полной потери контроля, решили и вовсе отключить все системы[65], чтобы сохранить пока еще живых на минимальном уровне питания.

Боб стал задыхаться. Он отправлял и отправлял сообщения во все сети с запросом, чтобы на тех участках дороги, где есть движение, переформировали его и часть грузов доставили к нему в отдел, хоть и знал, что быстро это сделать почти невозможно.

Клетки Пуркинье – это нервные клетки коры мозжечка. Отличаются большими размерами и сложными функциями.

Уже будучи как в тумане, он оглянулся и увидел соседей, братьев. Сморщивающихся, почерневших, борющихся за свою

жизнь в агонии[66]. «Они столько времени выполняли свою великую роль: были связующим звеном между Хозяином и Вселенной, обеспечивали ее работу, контролировали все до мельчайших деталей, чтобы Хозяин не отвлекался на то, как все работает, и выполнял то, что ему предначертано, чтобы Он мог реализовать все свои цели.

Все это время они работали без отдыха и перерывов. И это была хорошая работа. Хозяин мог понять, что все плохо, только когда все было совсем-совсем плохо. Только тогда мы позволяли себе отправить Ему сигналы. Частенько мы получали ответ в виде веществ, которые сковывали наших братьев по рукам и ногам, не давая возможности вновь послать сигнал[67]. Ему не нужны были сложности. Только работа. И мы все стояли насмерть.

Иногда Он заставлял нас страдать от изменений в наших телах. Иногда транспорт приносил вещества, заставлявшие нас болеть. Кто брал на себя первый удар, еще долго потом восстанавливался, а были и те, кто погибал от отравления[68]. И все это мы выдерживали ради Него, Хозяина.

Но нам никто не говорил, что мы когда-нибудь будем работать на пределе, пытаясь сохранить в рабочем состоянии все отделы Вселенной, что все будет перестраиваться в попытке скомпенсировать плохой уход за частями системы.

Все рано или поздно выходит из строя, если эксплуатируется не по инструкции. Видимо, этот день наступил и для нашего мира…» – заключил Боб.

А затем все стало темно.

Глава 5

17–28 апреля 2016 г.
Роман

В палату бодро вскочил доктор и с порога начал задавать вопросы:

– Так, добрый день. Кто тут Мерцаев? Вы? Я доктор отделения реабилитации. Будем с вами работать. Что сейчас беспокоит?

– Рука и нога, что ж еще… – процедил Роман, вырвавшись из плена мыслей о будущем.

– Покажите, что можете делать рукой?

Роман постарался пошевелить ей, но безуспешно. Он оказался способен только на едва заметные движения в плече.

– Напрягаетесь изо всех сил?

– Конечно, но все бесполезно. Рука словно совершенно чужая.

– Хорошо, понятно. Так, теперь попробуйте поднять ногу.

– Не могу.

– Попробуйте согнуть в колене.

– Не могу.

– Попробуйте потянуть на себя стопу. Ну вот, смотрите, есть что-то.

Роман действительно вроде почувствовал минимальное движение.

– Давайте еще раз попробуем.

– Я пытаюсь, но ничего не выходит. Не чувствую ногу.

– Так, ладно. Теперь давайте я вас поколю немного.

Врач был лет тридцати пяти – сорока, вполне приятной наружности, в видавшем виды халате. И даже участливый. Но Роману как раз и было неприятно, что с ним обращаются как с ребенком. Доктор опустился над ним с иголкой и стал по очереди колоть то с одной стороны, то с другой.

– Вот тут я уколол вас. Чувствуете? – И он несколько раз уколол левую руку.

– Да, отлично чувствую.

– Сколько раз уколол?

– Ну, раза четыре.

– Правильно. Так, теперь вот здесь уколю. Чувствуете?

– Нет. Вижу, что колете правую руку, но совсем не чувствую.

– Хорошо.

– Что ж тут хорошего? – возмутился Роман и про себя подумал: «Неужели он не понимает, что, похоже, все серьезно, что я не чувствую и НЕ владею своим телом больше?!»

– Давайте перейдем к ногам. – Доктор стал покалывать левые бедро, голень и стопу.

– Все отлично чувствую.

– А справа? – Он стал колоть правую ногу.

– Ничего. Вообще ничего.

– Так, хорошо, все понятно. С завтрашнего дня начнем реабилитацию. Сначала будете вертикализироваться.

– Что это значит?

– Будем вас из положения лежа в положение стоя перемещать.

– А как? Я даже сесть на кровати не могу, не то что встать. Скажите, когда я смогу на работу вернуться?

Роман был в смятении: вроде хорошо, что начнется лечение, однако по-прежнему ничего не понятно.

– Роман Викторович. Вас так зовут? Я правильно запомнил? Дело в том, что вы перенесли инсульт. Вам сейчас надо заново научиться ходить и писать, а не думать о возвращении на работу. Есть несколько сценариев развития ситуации. Вы можете полностью восстановиться. Можете – с минимальными нарушениями в руке и ноге, но будете способны самостоятельно ходить, ездить за рулем, одеваться… А можете восстановиться, скажем так… в урезанном формате. То есть не встать с постели вообще. Никогда.

Романа прошиб холодный пот: «Да что он такое говорит? Я об этом даже думать не хочу. Пройдет пара дней, и я встану. Через пару недель вернусь на работу, и все будет как прежде. Я тут торчать не собираюсь, расписываясь в своей беспомощности. Я взрослый мужик и могу сам и о себе, и о своей семье позаботиться».

– Роман Викторович, такого, как прежде, не будет. Поэтому убедительно вас прошу, послушайте меня. От этого будет зависеть наш с вами результат.

«Он что, читает мои мысли?» – подумал про себя Роман. А врач продолжил давить:

– Поймите меня правильно. У вас был инсульт. Это как свернуть на дорогу с односторонним движением. Обратно вы вернуться уже не сможете, ни при каких условиях. Все. Только вперед можно ехать. И целиком зависит от вас, ну и немножечко от меня, – с этими словами доктор дежурно улыбнулся, – куда вы доберетесь по этой дороге. Будете ли вы ходить или нет. Судя по вашим снимкам, – он достал серо-черный лист, похожий на рентгеновский снимок, и посмотрел на него, – у вас неплохие шансы на восстановление. Но надо работать, работать как следует. Так что хватит отрицать произошедшее. Давайте

перейдем к следующей стадии – стадии принятия ситуации – и начнем работать. До завтра. Завтра в десять начнем. Сестры отвезут вас в отделение.

Он положил снимок к другим бумагам, зажатым кучей у него под мышкой, развернулся и вышел из палаты, оставив дверь открытой.

Роман вроде хотел что-то спросить, но спрашивать было особо нечего. «Как со всем этим примириться? Я ведь так долго мечтал о должности капитана, так долго шел к тому, чтобы стать начальником. И вот, когда наконец-то занял давно желаемый пост, когда, казалось бы, все начало налаживаться, когда впереди было столько планов и надежд, случилось это дерьмо. И все разом развалилось. Все. Нет больше ничего. Да и жизни больше нет такой, как прежде. Как ни прискорбно, прав доктор: дорога эта с движением только в одну сторону. Я, дурак, о такой ерунде думал, о таких мелочах. Если б только знать, что можно остаться без руки и ноги что бывает вот так. Внезапно. На пустом месте. И зачем я так бухал? Наверное, одно на другое наложилось. И курил, как паровоз. И не спал до этого двое суток. И переживал много. Но кто ж знал, что все так может обернуться? Хоть бы предупредил кто. Сказал бы: „Эй, Ромка, притормози, не дави на газ! Тут все не так просто. Не надо на пределе“. Но нет же! Чувствовал себя не очень последнее время, это да. Но кто сейчас полностью здоров?! Кто может похвастаться в пятьдесят лет богатырским здоровьем? Хотя в прошлом месяце я кросс пробежал, в нормативы даже уложился. Правда, чуть копыта потом не откинул. Отдышался только часа через два или три… Но в целом вполне ничего, не хуже других. А Вера? Бедная Вера! Как она сейчас? С ума, наверное, сходит от страха, неведения. Говорила она мне тогда, когда я на работе упал, что это был звонок, что такое нельзя оставлять без внимания, что это предвестник, что мой организм мне знак подает, сигнал бедствия…

Боже! Вот он! Это и был знак… Это и было „Ромка, притормози, не дави на газ!“. Мое собственное тело прокричало мне в самое ухо, а я и не услышал – а может, и не хотел слышать, – просто прошел мимо, как всегда. Потому что Петя, потому что надо было дело закрывать, в магазин за продуктами зайти, маме позвонить и еще миллион сиюминутных важнейших дел. Тогда у меня, кажется, тоже отказала рука и нога. Только все прошло минут через пятнадцать-двадцать, и я, как обычно, решил, что все обойдется, что у меня все под контролем.

А выходит, на самом деле ничего не под контролем. Ничего. Вообще. Если вот так, за один день, вся жизнь, как жесткий диск,

может быть разобрана на составные части и раскидана без возможности восстановления.

Нужно учиться слушать свой организм: он нередко посылает нам сигналы о своем состоянии.

Да, Вера была права. Это был сигнал. И у меня был выбор обратить на это внимание, пойти лечиться, изменить свою жизнь, заняться своим телом, бросить курить. Но я не хотел слушать. В тот вечер я накричал на нее, сказал, чтобы она не лезла с советами и дурацкими запугиваниями, а наутро забыл о нашем разговоре и старался не вспоминать о неприятном эпизоде на работе. А ведь она говорила, что мой организм пытается достучаться до меня, а я не обращаю на него внимания и что в конце концов он не простит мне такого отношения к себе. Что до поры до времени он будет работать на пределе, а потом все рухнет, потому что тело не умеет брать тайм-аут, у него нет перерывов на обед, нет выходных. Оно постоянно борется за мою жизнь, за поддержание полного функционирования всех отделов, борется с тем, что я вдыхаю, выпиваю, заедаю…

Да, все так и было. Как жестоко и как прозаично. Всего этого, вероятно, можно было бы избежать, послушай я тогда жену. Но кто же знал…»

– Ужинать! – Поток его мыслей прервал крик медсестры на все отделение.

А он и правда проголодался: «Да, пожалуй, поесть было бы неплохо».

Роман попробовал приподняться на кровати, но без толку. Увидев из коридора его тщетные попытки, пухленькая и смешливая медсестра подошла и помогла ему.

– Ну что, дружок, будем есть? – почти пропела она.

– Да, пожалуй, пора приходить в себя.

– Вот это правильно. Нечего хандрить. От хандры сил не прибавляется. И вообще я тебе вот что скажу: кто верит, что все получится, тот и выздоравливает, а кто заворачивается в белую простынку сразу, тот и съезжает отсюда на этаж ниже, прямо в морг. Так что давай, кушай!

Вера в выздоровление и оптимизм творят чудеса.

В палату вкатили тележку с огромными алюминиевыми кастрюлями, на которых было написано несмываемой краской «Н/О». «Неврология», – подумал Роман. В одной кастрюле было месиво из капусты, в другой – сосиски. Роману, как и всем остальным в палате, кто не мог дойти до столовой, раздали по тарелке и вилке, и они принялись за еду. Оказалось, это совсем непросто – справиться в его состоянии с таким обычным делом, как поесть. Роман взял вилку в левую руку. Чтобы он мог достать до тарелки, санитарка поставила ее ему на грудь. Роман не был особо привередлив в еде, но его посетило сомнение, стоит ли этот капустный комок, который она назвала солянкой, отправлять внутрь. Но голод все-таки пересилил легкий налет отвращения к виду еды. Он попробовал подцепить капусту, но она никак не захватывалась. Роман начал потихоньку выходить из себя, однако не оставил попыток. Наконец у него получилось доставить солянку в рот. На вкус она оказалась вполне съедобной. Через несколько минут он приноровился и подцеплять капусту, и насаживать сосиску.

Когда все было съедено, Роман поставил тарелку рядом с собой на кровати, чтобы она не упала, постарался сползти пониже и устроиться поудобнее. Только он принял комфортную позу, непреодолимая тяжесть навалилась на него: руки, ноги – все стало весить гораздо больше, веки сами собой закрывались. Его так потянуло спать, что бороться дальше с этим было бесполезно. Он закрыл глаза, и глубокий сон унес его подальше от сегодняшнего дня и страшной ночи.

* * *

Включенный медсестрой свет холодными иглами вернул Романа из сонного небытия обратно в реальность – к началу нового дня и борьбе, не давая ни малейшего шанса добровольно примириться с действительностью. Ни нога, ни рука по-прежнему не работали. Никаких подвижек. «А если так все и останется?» – страшная мысль вновь посетила Романа.

В семь утра начинался обход палат: кому-то нужно было

сделать уколы, кому-то – принять таблетки, кому-то – измерить давление.

– Поворачиваемся! – весело прошептала медсестра, когда подошла к Роману. Вчерашняя пышная хохотушка перед сдачей смены «радовала» пациентов утренними инъекциями.

– Я стараюсь.

Он попытался перевернуться, но ничего не вышло, даже на бок не смог повернуться. Половина тела как бетонная плита.

– Так, ладно, мой хороший, давай я тебе подсоблю немножко.

Она ловко подсунула левую руку под грудь Романа и повернула его на бок, схватила с оставленного на тумбочке подноса шприц и молниеносно и совершенно безболезненно сделала укол.

Роману немножко полегчало. С одной стороны, этот холодный свет ламп, эти стены, запахи… в больнице особенно остро чувствуется одиночество. С другой – это обращение «мой хороший». И уже не так страшно. И вроде ты не один.

Сестра бойко собрала остатки ампул, использованные шприцы на металлический поднос и выскочила из палаты, предварительно выключив свет.

Очутившись в темноте, Роман снова стал думать, что будет дальше, как могла его жизнь так рассыпаться и как теперь ее собрать, как прекратить ныть и стать собой. Пока он размышлял, сон вновь сморил его, и мысли растворились, уступив место грезам.

* * *

– Подъем! Завтрак!

Крик санитарки из столовой разбудил Романа. Он повернул голову и уставился в коридор, где сновали медсестры, врачи. «Там жизнь, там люди могут ходить…»

В палату зашла санитарка, раздающая завтрак, и Роман ощутил запах какао. Такой же как в детстве. На вкус оно, правда, оказалось чудовищным, но зато было горячим. Он держал чашку, переданную ему санитаркой, левой рукой и смотрел на кашу. Каша была манная, с комками и куском масла посередине. Как и положено в столовых. Но живот так предательски сжимался внутри, что Роман решил: лучше съесть, чем оставаться голодным. Санитарка поставила тарелку ему на грудь, а чашку с остатками какао вернула на тумбочку. Орудовать левой рукой сегодня получалось уже более уверенно. Доев последнюю ложку, Роман ощутил внутри живота движение… «Только не это, –

подумал он, – только не сейчас». Но против физиологии не попрешь: он хотел в туалет. И не пописать. Большей неловкости и более унизительного состояния он и представить себе не мог. Его переживания по поводу дурака начальника сейчас казались такой мелочью. Как сходить в туалет? Начинается новый день, впереди пересменка медсестер, соседи по палате уже проснулись и вяло собирались – кто на завтрак, кто умываться. Деваться некуда, хоть и хотелось десять тысяч раз провалиться сквозь землю. Роман позвал сестру с помощью кнопки вызова у изголовья. Через какое-то время в палату зашла высокая, темноволосая и совсем молодая девушка в зеленом хирургическом костюме и резиновых тапках.

– Что случилось? – холодно спросила она.

– Доброе утро. Мне нужно в туалет, – промямлил Роман, краснея. Его смущала молодость сестры и своя беспомощность.

– Так в чем проблема? Вот приемник. – Она подняла с пола мочеприемник и протянула Роману.

– Нет, мне нужно по-другому, – еще больше краснея, произнес он.

Сестра вскинула брови и с совершенно безучастным лицом ответила:

– Тогда это не ко мне.

Она развернулась и быстро вышла в коридор.

– Вера! Подойди сюда! – крикнула она коллеге, указывая на палату Романа. – Для тебя тут клиент.

Через несколько минут зашла санитарка – пожилая женщина в халате и резиновых тапках без задников, неся с собой судно.

– Ну, кому тут приспичило? – быстро произнесла она. – Вот судно. Сделаете дела, позовете меня!

Она положила судно на грудь Роману и вышла из палаты.

Он стал ворочаться под одеялом, пытаясь одной рукой снять белье. После было несколько неудачных попыток подсунуть холодный таз под себя. Наконец ему удалось, и он успешно справился с основной задачей. Борясь со смущением и пытаясь себя убедить, что сестры и санитарки сталкиваются с этим каждый день и что им все равно, Роман снова нажал кнопку вызова. Через минуту прибежала санитарка, откинула одеяло, быстрыми и ловкими движениями натянула трусы обратно на Романа, выхватила из-под него судно и, накрыв его картонкой, вышла из палаты. Роман лежал пунцовый. О таких неловких моментах не предупреждают в книжках или по телевизору. Он повернул голову к стене, чтобы не вступать в беседу соседей, которые выясняли, сколько времени до обеда и кто что успеет сделать из процедур.

Спустя какое-то время в палату вновь зашла молодая

темноволосая медсестра и внесла стойку с капельницей.

– Кто Мерцаев? – спросила она.

– Я! – бодро воскликнул Роман.

– Давайте сюда ваши вены, будем лечиться.

– Держите, конечно, – ответил с надеждой в голосе Роман, – я готов на все, лишь бы был эффект.

Сестра подошла к нему и стала поворачивать его правую руку из стороны в сторону, ища вену, наиболее подходящую для инъекции. Слегка постучала по внутренней поверхности локтевого сгиба и наконец нашла то, что искала. Она ловко вставила иглу в вену, но над местом инъекции стала вздуваться кожа. Роман ничего не чувствовал.

– Так, тут у вас надуло немного! Сорри, – буркнула она себе под нос и принялась перекалывать в другую вену.

Вторая попытка увенчалась успехом. Она завела систему и вышла из палаты, напоследок бросив ему, чтобы он следил за рукой, а то снова надует. «Лечение началось, и теперь я наверняка поправлюсь», – подумал Роман. Он смотрел, как капли одна за другой покидают бутылку с лекарством и скрываются в вене, и ждал, что вот-вот препарат подействует, к нему вернется чувствительность и нога и рука начнут работать. Но ничего не происходило.

В палату вошел молодой мужчина в хирургическом костюме.

– Мерцаев где?

– Я здесь!

– А, вы у нас под капельницей. Ну, когда закончите, поедем с вами вертикализироваться.

Молодой мужчина, видимо инструктор или врач, собрался уйти, но Роман задержал его.

– Верти… что? – спросил он, забыв, что уже слышал это слово и узнавал, что оно значит.

– Вертикализироваться! Будем вас поднимать из горизонтального положения в вертикальное. Я зайду позже.

С этими словами он вышел из палаты, не дожидаясь дополнительных вопросов.

Роман ненадолго воспрял духом: «Ну вот, пошла какая-то движуха. Может, все и обойдется еще». Он смотрел на капельницу и ждал, когда она закончится. Ему не терпелось перейти к следующей процедуре, продвинуться вперед. Удивительно, как бесконечно долго идет время, когда ты ничего не делаешь, просто лежишь и ждешь.

Последние капли опустились в приемник системы. Роман вызвал медсестру. Уже воздух стал продвигаться по пластиковой трубке, а так никто и не подошел. Он начал переживать, что

воздух попадет в организм. «Как же так? Что же сестра не идет?!» – беспокоился он и нажимал на кнопку вызова снова и снова. Сестра все не шла. Роман в ужасе смотрел, как воздух подбирается к вене. Он уже дошел до пластыря, скрывающего место введения иглы, когда в палату влетела сестра.

– Хватит жать на кнопку! Я с первого раза все слышу! – прокричала недовольно она. – Я все вижу, сейчас сниму.

– Но как же? Там же воздух… – промямлил Роман.

– Ничего страшного. Воздух не попадет в вену: ему давление внутри сосуда не позволит! Устроил тут… – Она всем своим видом выражала недовольство.

Быстрыми движениями она перекрыла капельницу, подвигав колесико, регулировавшее скорость подачи препарата, и вынула иглу из вены, оторвав от руки пластырь.

– Все, вы свободны! Можете идти куда хотите! – буркнула она и покинула палату вместе со стойкой для капельницы.

– Спасибо за сарказм и за понимание, – вдогонку ей сказал Роман.

Все его соседи по палате разошлись по процедурам, а он остался лежать. Лежать и ждать. «Странно, что, по сути, в больнице ты все время чего-то ждешь».

В палату вновь зашел мужчина в хирургическом костюме, а вместе с ним медсестра и две санитарки, которые везли с собой каталку.

– Ну что? Теперь готовы? – бодро спросил он.

Роман кивнул.

Сестра и две санитарки скинули с него одеяло, ловкими движениями подоткнули рабочую руку под тело и, подкатив каталку вплотную к его койке, переместили на нее Романа. Затем они опять накрыли его, положили ему на грудь историю болезни и вывезли из палаты.

– Ну что, дружочек, давай прокатимся? – улыбнулась ему медсестра, и мимо него поплыли лампы, двери. «Неприятное и странное ощущение, когда ты в руках, по сути, совершенно чужих тебе людей. Сегодня должна приехать Вера. Ее, наверное, пустят только вечером. Не хочу, чтобы она видела меня таким…»

Тем временем каталку ввезли в лифт, куда набилось еще человек шесть. Роман понимал, что это все врачи и им абсолютно без разницы, кто лежит перед ними, но ему все равно было не по себе.

Они доехали до нужного этажа, и снова мимо него замелькали лампы на потолке, коридоры, двери. Спустя несколько поворотов его ввезли в огромный кабинет, наполненный различными механическими устройствами. Справа

от двери находился агрегат, похожий на беговую дорожку. Аппарат рядом с ним напоминал больше инструмент для пыток: имел очертания человека и кучу ремней. Слева от двери, рядом с окном стоял экзоскелет на беговой дорожке. Роман такие в кино видел. Тело человека полностью оплетают ремнями и металлическими стержнями, и в такой конструкции он может быстрее пробежать, выше прыгнуть, нести гораздо больший вес, чем позволяет наш физиологический предел. Еще в комнате было несколько приборов, похожих на школьную парту со стулом. Только на парте были размещены какие-то механические устройства. «Чувствую себя как на кружке робототехники», – подумал Роман. Его подкатили к механической кровати, стоявшей у правого окна, переложили на нее и стали ему застегивать ремни на ногах, руках и туловище. У Романа было ощущение, будто он попал в Средневековье и сейчас будут пытки. Отличие было только в том, что кровать и ремни выглядели вполне современно и были нежно-голубого цвета, как и стены в этом огромном зале-кабинете. Через несколько минут он намертво был пристегнут к кровати.

– Роман Викторович, ну что, готовы? – обратился к нему все тот же доктор в хирургическом костюме.

– Готов. Не знаю, правда, к чему, но готов! – бодро отрапортовал Роман.

– Ну, тогда поехали!

Доктор нажал на какие-то кнопки на пульте управления кроватью. Послышалось жужжание, и она стала довольно быстро подниматься до вертикального положения. Медсестра измерила давление и пульс Романа, а врач сделал пометки у себя в бумагах и отнес их на стол. Вернувшись, он обратился к Роману:

– Как вы себя чувствуете? Сердцебиение? Головная боль? Как руки? Ноги? Приятно снова смотреть на мир в вертикальном положении?

– Да, это правда здорово! – Роман так привык за последние двое суток смотреть на мир снизу вверх, что такая смена положения оказалась для него почти откровением. – Это потрясающе – иметь такую банальную возможность, как видеть мир не только из положения сидя или лежа. У меня ничего не болит, и сердце не беспокоит. Я хочу лежать, нет, стоять на этой кровати все время! – воскликнул он воодушевленно.

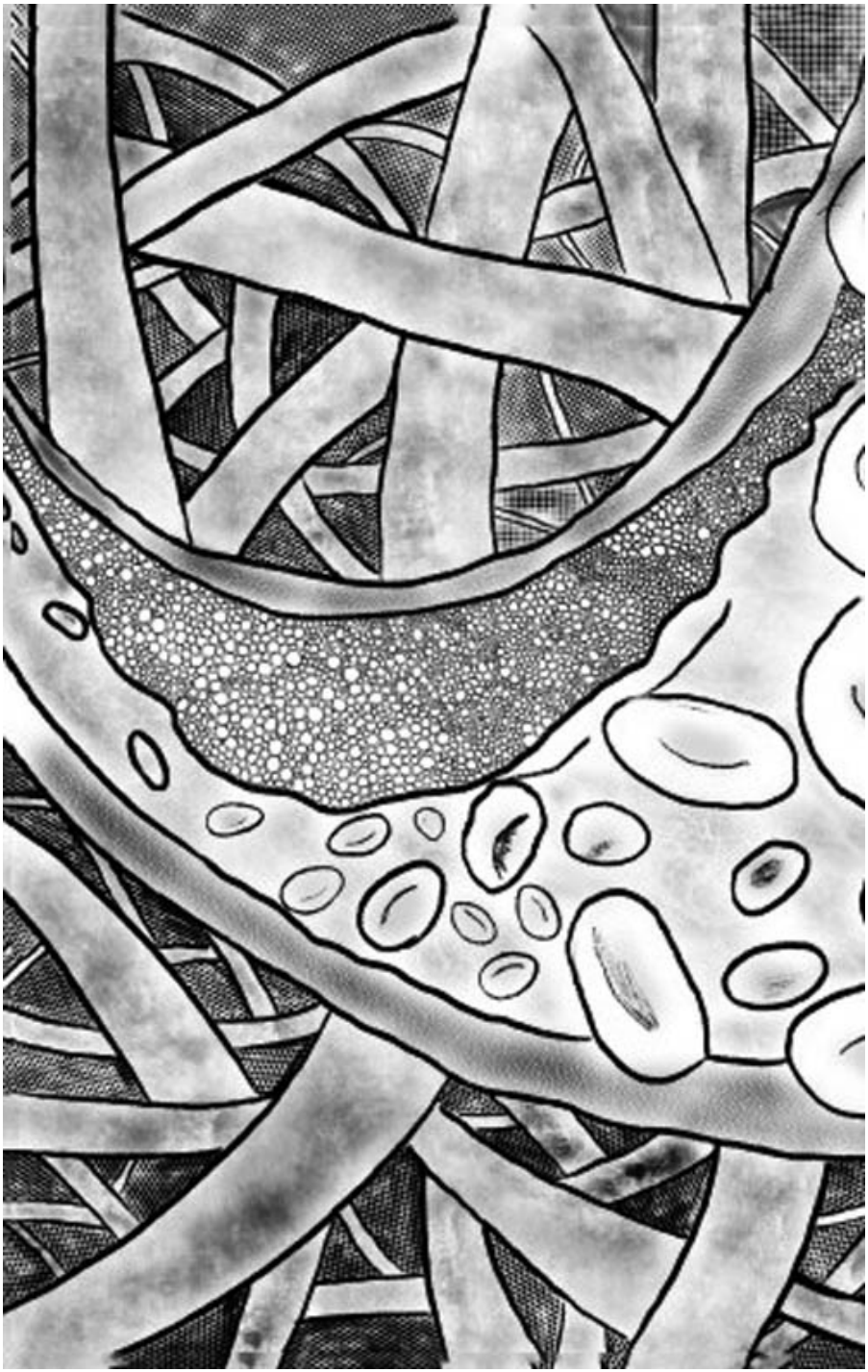
– Ну и прекрасно.

Доктор кивнул медсестре, чтобы она еще раз измерила давление. После того как она закончила, все датчики были сняты, доктор снова воспользовался пультом управления, и кровать стала с тем же жужжанием, что и раньше, опускаться в

горизонтальное положение.

– А почему так мало? Давайте еще, – почти взмолился Роман, – я хочу и дальше видеть все не снизу!

– Для первого раза вполне достаточно, Роман Викторович. Ваши сердце и сосуды должны привыкнуть и адаптироваться. Все будем делать по правилам. Не волнуйтесь. Мы будем с вами встречаться здесь каждый день и каждый день будем по чуть-чуть увеличивать время нахождения в вертикальном положении. Потом будем учиться шагать и работать руками. Все по порядку. Не бегите впереди паровоза.



– Хорошо. Вам виднее, конечно, – буркнул себе под нос Роман, пока его перекладывали обратно на кровать-каталку. – А сейчас что по плану? «Домой»?

– Нет, мы с вами еще не все закончили, – улыбнулась ему медсестра. – Вас ждут магниты!

– А это что?

– Приедем – увидите, – сказала она и вместе с санитаркой выкатила кровать в коридор.

– Да у меня сегодня, похоже, насыщенный день.

– Похоже, – ответила медсестра, – но ехать нам недолго. Это через два кабинета.

Большая часть другого кабинета была разделена на маленькие пространства желтыми занавесками, свисающими с потолка до пола. И только справа от двери стоял обычный письменный стол с двумя стульями. За ним сидели две женщины в белых халатах, которые записывали, кто и какие процедуры проходит и кого надо вызывать следующим. Несмотря на табличку на двери «Сохраняйте тишину», в комнате стоял шум: со всех концов слышались переговоры, кто-то всхлипывал.

Романа вкатили в отгороженный уголок в дальнем конце кабинета.

– Ну, все! Вот и приехали! Зайдем за вами примерно через полчаса.

Через пару минут к Роману подошла женщина в хирургическом костюме. Молча зашторив занавеску, она стала накладывать ему на неработающие руку и ногу какие-то пластины, затем включила тумблер на приборе, к которому тянулись от них провода, и таймер.

– Так. Это магниты. Будут улучшать кровообращение в вашей руке и ноге – лежите смирно. Когда закончится время, я приду и все сниму.

Она нажала еще на какие-то кнопки и быстро вышла, скрипя резиновыми тапками. «Новые, наверное, – подумал Роман и посмотрел на пластины: – Вдруг это мне поможет». Он попробовал пошевелить ногой. Не смог. Попробовал – рукой. Так же. Все без изменений. «А вдруг все это бесполезно? Вдруг я навсегда останусь вот таким калекой: полтела просто не работает?» Роман попытался отогнать от себя эти мысли и сосредоточиться на происходящем вокруг. В кабинете по-прежнему было шумно: слышались разговоры, временами смех. На мгновение он почувствовал себя частью этого, как будто он тоже говорил со всеми этими людьми, а не лежал здесь всеми забытый, и за этим не заметил, как задремал под мерный гомон.

– Подъем! Время вышло!

Слова женщины в хирургическом костюме вырвали его из сна. Она стала быстро собирать пластины, переключать на аппарате какие-то рычаги.

Из-за занавески показалась голова медсестры, вернувшейся за ним:

– Все, поехали. Нам еще четырех надо развести.

Она вместе с санитаркой прикрыли ноги Романа одеялом и покатили его из кабинета. Снова мимо Романа замелькали потолочные лампы, коридоры, но на этот раз дорога показалась ему не такой длинной. Через несколько минут он уже был в своей койке. Улыбчивая медсестра, выходя из палаты, подмигнула ему:

– Ну что, до завтра?

– До завтра. А больше ничего не будут сегодня делать? – с надеждой спросил Роман.

– Это вы у своей медсестры спрашивайте!

– А вы тогда кто? Вы не из этого отделения?

– Я из отделения реабилитации. Мы возим пациентов со всей больницы к определенному времени согласно расписанию, – весело ответила она, уже стоя в дверном проеме. – Ну все, пока! – произнесла она и скрылась в коридоре.

– Эй, друг, похоже, тут кое-кто кокетничает! – к Роману обратился старичок. – Это Маша. Она всегда приветливая. Редкий случай медсестры с человеческим отношением. Ну как ты? Как первый день?

– Ничего, пытаюсь освоиться, – промямлил Роман.

– Скоро втянешься. Каждый день будут процедуры. Не заметишь, как время пролетит и домой поедешь!

– Да уж, не хотелось бы инвалидом домой поехать, – ответил Роман.

– Так никому не хочется. Меня вот тоже сюда привезли на каталке, но, как видишь, уже хожу сам и на обед, и на процедуры! – Старик тихонько прошелся по палате, демонстрируя, что он и правда в состоянии сам ходить. – И ты будешь ходить. Тут помогут! Феде только вот не помогли, а ведь ему всего тридцать. Говорят, он так и останется… – Он замолчал и опустил глаза вниз.

В палату, хромая и опираясь на трость, вошел их молодой сосед. Видя, что беседа с его появлением прервалась, он высказал старику:

– Опять меня обсуждаешь, дед? Хватит! Я как-нибудь разберусь со своей жизнью.

Он сел на койку, всем видом показывая безразличие к происходящему. Закинул сначала одну ногу на кровать, подтянул хромую – здоровой рукой, ловко взял другой плеер с тумбочки и, вставив наушники, включил музыку так громко, что Роману было даже слегка слышно, о чем поют в песне.

– Да, жалко парня. Ни детей, ни жены. Как он теперь жизнь

устроит?.. – все сокрушался старик.

«Вера. Она ж сегодня приедет, – вспомнил про жену Роман. – Как бы ей сказать, чтобы она не приезжала? Сотовый я не взял. Да тогда и не до того было… – Раздался голос санитарки. Она звала всех на обед. – Ого, как время пролетело! Уже обед».

В палату вкатили тележку с алюминиевыми кастрюлями, из которых валил пар.

– Что сегодня на обед? – поинтересовался старик.

– Борщ и гречка с котлетой.

Его соседи по палате поковыляли в столовую, а санитарка принялась накладывать ему еду. Поставив обе тарелки на прикроватную тумбочку и налив компот, она спросила:

– А как же ты есть-то будешь, милок? Справишься? У меня нет времени тебе помогать.

– Как-нибудь справлюсь.

Тумбочка с тарелками стояла справа от кровати. Роман взял ложку в левую руку, потянулся ей к борщу, почерпнул его немного, но не смог донести до рта – пролил. После двух неудачных попыток он оставил затею с супом и перешел к гречке. Поставил тарелку с ней на грудь, взял вилку и набросился на еду: есть хотелось страшно. Расправившись с гречкой, Роман ощутил приятную сытость, кровь притекла к желудку, и он провалился в сон.

Только он заснул, в палату зашла санитарка забрать тарелки, а за ней еще один доктор.

– Роман Викторович. Есть такой?

– Я здесь, – неохотно пробурчал Роман. – Я бы поспал немного.

– Спать будете потом, а сейчас надо работать. Время не на вашей стороне. Чем быстрее начнете активно реабилитироваться, тем быстрее сможете восстановиться, тем меньше останется дефицита – снижения какой-то функции. Так что давайте не будем терять драгоценные дни. Я массажист, буду возвращать в строй ваши неработающие части тела.

– Отлично, я готов! – сказал Роман, а про себя подумал: «Как-то странно. Как массаж может помочь? Лучше бы дали отдохнуть нормально…»

– Ну, супер, тогда приступим.

Здоровый мужик лет сорока в синем хирургическом костюме, с короткой стрижкой и хипстерской бородкой откинул с силой одеяло, выдавил на руки немного крема и начал «отрывать» ему ногу. По крайней мере, такое впечатление возникло у Романа при виде того, как тот поднимает ее, поворачивает из стороны в сторону, мнет так, что под пальцами остаются розовые, а местами

и красные следы. Роман ничего не чувствовал, но то, что видел, производило впечатление: в руках здоровяка его нога летала как пушинка. Закончив с ногой, массажист с таким же рвением взялся за руку. Начал с пальцев: каждый по отдельности сгибал, разгибал, отводил, поджимал. После имитировал какие-то действия в кисти, как будто держит чашку или ручку, пишет, машет. Роман даже и не знал, что его кисть может полностью согнуться и разогнуться и столько всего можно произвести с ней. Дальше доктор перешел к локтевому суставу, а потом к плечевому и частично к шее, где Роман уже вполне мог ощущать давление. Массажист мял, давил, поднимал, опускал руку до тех пор, пока она не покраснела.

– Хорошо, что не оторвали! – сказал Роман в конце процедуры.

– Зато работать начнет. Без усилий никакого результата не будет. Только жесткая работа! До завтра. Я приду в это же время. Постарайтесь не объедаться!

– Да тут довольно сложно переесть. До завтра.

Доктор ушел, а Роман остался лежать и отходить от процедуры. «Мощно, ничего не скажешь, – думал он. – Может, и правда есть все-таки шанс…» Его мысли прервал знакомый голос, в котором слышалось дрожание:

– Рома, привет. Как ты?

– Вера, ну зачем ты приехала? Я ничего, один вполне справлюсь, не надо приезжать. И не вздумай Катьке разрешить. Не хочу, чтобы вы меня таким видели. Я живой. Все. Со мной тут занимаются.

– Как же так, Ромочка?!

Она приставила стул к кровати, села на него, поставила на колени сумку и разревелась в голос. Как маленькая девочка. Так горько и так безутешно, что и Роман было прослезился. То ли от жалости к ней, то ли к себе.

– Ну чего ты? Хватит. Все не так плохо, я поправлюсь.

– Подними руку! – попросила она сквозь слезы. – Подними руку!

– Вот, смотри!

Он поднял левую руку.

– Нет, правую. Подними правую! – всхлипывая, почти прокричала она. – Не играй со мной в эти игры!

– Ты знаешь, что правую я поднять не могу. Пока не получается. Но тут отличная больница, все сделают. Я верю, что все получится. – Он не верил, но очень хотел, чтобы жена поверила.

– Я звонила ночью в реанимацию. Они сказали, что ты

перенес инсульт, что у тебя не работает половина тела, что надо начинать восстанавливаться. Что от времени начала зависит, насколько полно ты восстановишься! Ты не волнуйся, мы найдем профессиональных реабилитологов. Я постараюсь узнать, где сейчас самое хорошее место. Ты будешь заниматься с лучшими специалистами, потом в санаторий поедешь и продолжишь лечение. Только не унывай и не переставай бороться. Мы с этим справимся. Маме твоей я пока не сказала. Для нее это будет ударом.

– Да, маме ни в коем случае не говори! Я потом сам скажу, когда выпишусь. Но если что, я на обследовании и ко мне нельзя.

– Хорошо. А Катя? Она в слезах со вчерашнего дня, места себе не находит. Хотела сегодня со мной поехать, но я сказала, что на разведку сама съезжу, а потом уже мы вместе приедем.

– Катьку не пускай под любым предлогом. Не хочу, чтобы она своего отца таким видела.

Вера совсем успокоилась.

– Ну а как вообще тут? Что делают тебе? Какие процедуры? Я еще к твоему лечащему врачу зайду. Внизу у меня такая битва состоялась с охранником. Он не хотел меня пускать. Говорил, что посещения только с четырех, а сейчас два часа всего. Но я его уговорила, сказав, что с лечащим врачом поговорить хочу, – защебетала Вера, как будто они сидели за столом на своей кухне.

И Роман подумал, как было бы здорово сейчас оказаться на кухне вдвоем за чаем и смочь держать чашку самому, своими руками, и сидеть самому, и ходить. «Как быстро случается переоценка ценностей, как только лишаешься самых обычных, базовых навыков. Какое они великое благо, оказывается. Почему я не замечал и почему никто не замечает, как важно радоваться тому, что ходишь, и вообще возможности радоваться?»

Вера тем временем продолжала:

– Что тебе привезти из еды? Как ты вообще здесь питаешься? Тебе привезти книжку?

– Еда здесь есть, хоть и немного, – попробовал пошутить Роман. – Книжек не надо, и так полно всего: и на процедуры меня возят, и массаж делают, и капельницы. Всего достаточно. Просто дай мне время. Каждый день ездить не надо.

– Ну как же я не буду ездить? Какой еды тебе хочется?

– Вера, никакой. Шоколадок привези – и хватит.

– Я привезу апельсинов, они полезные. В них витамин С!

– Вера, какие апельсины? Как я их чистить буду?

– Точно! Какая я дура… – Она снова расплакалась. – Как ты вообще теперь будешь? Как теперь мы все будем? – Ее плечи вздрагивали от рыданий.

– Все, успокойся! Езжай домой.

– Хорошо. Я завтра приеду, ладно?

– Нет, завтра не надо. Давай в субботу.

– Я привезла тебе твой мобильный. Возьми, он заряжен, так будем на связи.

– Отлично. Тогда, когда соберешься, набери мне, ладно?

Роман уже с нетерпением ждал, когда она уедет. Себя-то сложно собрать в кучу и смириться с действительностью, а тут еще приходится жену собирать по кускам.

– Хорошо, давай, я поеду. Вечером тебе позвоню!

Она немного успокоилась, поцеловала Романа в щеку, вышла в коридор и направилась в сторону выхода из отделения.

«Забыла, наверное, что хотела с врачом поговорить, – подумал Роман. – Ну и хорошо: чем меньше знает, тем меньше будет разговоров в семье». Он повернул голову к стене и попробовал заснуть, но сон не шел, как это всегда бывает. По указке наш организм не работает. Его соседи по палате вернулись с обеда. Каждый устроился на своей койке. Молодой парень, как всегда, надел наушники и уткнулся в планшет, старик лег и захрапел. Роман как будто остался один.

– Роман Викторович, добрый день. – Голос вырвал его из одиночества. – Как вы сегодня провели день? Мы с вами начали активную работу.

Его лечащий доктор, улыбаясь, подошла к нему и с отсутствующим взглядом стала измерять давление на руке.

– Тут у нас все хорошо. Ногу поднимите, пожалуйста, правую? Ничего. А руку? Так, пока ничего. Не страшно, будем работать. Сегодня сделаем УЗИ. И к вам еще зайдет психолог из группы нейрореабилитологов. Но, скорее всего, завтра. Покажет вам игру настольную. Не пугайтесь и не смейтесь. Пока будете правила изучать, а потом, когда рука немного заработает, надо будет подключать и этот тип работы. Договорились?

– Конечно. Я готов в любые игры играть, лишь бы толк был, хоть в песочнице, – ответил Роман.

– Что вы смеетесь? Строить куличи в песочнице – это тоже, можно сказать, реабилитация. С одной стороны, новые тактильные ощущения в песке, с другой – работа с совочком – это мелкая моторика. Считайте, вы, как в детстве, отстраиваете новые связи в мозгу для нормальной работы тела. Так что не унывайте.

– Да я не унываю. Я просто хочу хоть какого-то результата! – с плохо скрываемым раздражением ответил он.

– Откуда ж вам результат на второй день после инсульта? Дайте время, здесь чуда не бывает. – Она собрала тонометр. – Давление хорошее. Это тоже плюс, так что работаем. – И вышла

из палаты, закрыв за собой дверь.

В палату заглянула сестра:

– Мерцаев, вас на дуплекс вызывают.

– Дуплекс? Это что?

– Это дуплексное сканирование магистральных артерий головы, или УЗИ сосудов шеи, если по-простому. Сейчас придем с каталкой.

– Хорошо, я всегда готов к новому, – бодро ответил Роман.

Он откинул одеяло и попробовал сесть, чтобы им было легче его переложить на каталку. К нему подошли сестра и санитарки. С третьей попытки им удалось переместить его, здорового мужика, на каталку, и они повезли Романа по коридору. Вновь мимо него замелькали лампы, стены, двери. Преодолев последний рубеж в виде лифта, Романа вкатили в кабинет ультразвуковой диагностики. Он находился на первом этаже, как во всех обычных городских больницах. Здесь было темно. Как потом узнал Роман, кабинет УЗИ специально плохо освещали, чтобы было лучше видно на мониторе изменение цвета.

– Добрый день. С чем больной?

За аппаратом сидела молодая доктор в белоснежном медицинском костюме и маленькой шапочке, из-под которой кокетливо выбивалась прядь светлых волос.

– С инсультом, – ответила санитарка.

– Ясно.

В кабинете были только койка, собственно аппарат УЗИ и слева у стены письменный стол с бумагами и компьютером. Напротив двери было плотно зашторенное окно. Доктор сидела на катающемся офисном стуле, что позволяло ей передвигаться к столу с бумагами и обратно к датчикам УЗИ, не вставая. Романа положили справа от аппарата. Врач подкатилась к нему и быстрыми, ловкими движениями стала водить датчиком по его шее сначала с одной стороны, затем с другой, попутно расспрашивая:

– Когда-нибудь делали такое обследование?

– Нет. А надо было?

– Конечно! У вас в левой сонной артерии стеноз до восьмидесяти процентов. Это значит, что для прохода крови осталось всего двадцать процентов, двадцать из ста необходимых! Если бы вы знали, что у вас такая беда в сосудах, могли бы начать принимать нужные таблетки, изменить образ жизни, что-то предпринять, чтобы не развился инсульт. С вероятностью почти сто процентов он случился у вас из-за того, что ваш сосуд забит атеросклеротическими бляшками. Ваша левая сонная артерия – одна из главных, магистральных артерий головы, по ней к мозгу

доставляются кровь и кислород. Она постепенно сужалась все больше и больше. Несложно представить, сколько требовалось тратить сил и ресурсов из резервов вашего организма, чтобы обеспечивать вашему мозгу и всему телу привычный уровень работоспособности. Все работало на износ. А вы даже не знали, что такая борьба давно идет внутри вас. Вот почему всем, кто старше пятидесяти лет, важно раз в год проходить такое обследование. Это позволяет выявить тех, кому срочно надо что-то менять.

Профилактическими осмотрами не стоит пренебрегать. Они позволяют предупредить внезапное развитие болезни.

– Если честно, то, что вы сейчас сказали, меня пугает и обескураживает. А почему никто не говорил мне пройти такое обследование?

Роман был удивлен и несколько смущен тем, что, оказывается, у него внутри все совсем не так уж благополучно. Значит, не на пустом месте инсульт, не стечение роковых обстоятельств, а долгий процесс, о котором ему просто ничего не было известно. Его организм до последнего поддерживал все функции так, чтобы он не замечал снаружи никаких проблем.

– Как же так, у меня атеросклероз, а я и знать не знал? Разве так бывает?

– Именно так чаще всего и бывает! – ответила доктор. – Человек живет себе спокойно – и вдруг случается инсульт, хотя, казалось бы, ничего не предвещало беды.

– Как теперь их оттуда убрать, эти атеросклеротические бляшки? – робко спросил Роман.

– Теперь никак, к сожалению. Можно только приостановить их дальнейший рост, но ничего нельзя сделать с тем, что уже есть. На сосудах делают две операции. Первый вариант – когда атеросклеротические бляшки вычищают, как грязь из труб ершиком, второй – когда вставляют в сосуд стент[69] – пружинку, которая придавливает атеросклеротические бляшки к стенкам и не дает тромбам на них садиться. Но у этих операций есть строгие показания и масса разных побочных эффектов и

осложнений. Так что обследоваться надо. Надо знать, что у нас внутри сосудов. На этом лекция для вас завершена. У меня пациенты. А с вами мы закончили.

Она вытерла датчик и шею Романа сухим полотенцем и откатилась к столу печатать заключение. Всем своим видом она показывала, что разговор закончен.

Дверь в кабинет приоткрылась, и из-за нее выглянула голова санитарки:

– Вы закончили? Забираем?

– Забирайте, – строго ответила доктор. – До свидания, не болейте.

– Да уж, спасибо, есть теперь над чем поразмыслить, – кинул вслед Роман, уже выезжая из кабинета.

По дороге обратно он был занят мыслью, поразившей его до глубины души. До самой палаты он никак не мог перестать думать о том, что внутри него давно уже шла борьба, а он так был занят делами, что не услышал самого главного – себя. Оказавшись в кровати после такого насыщенного дня, он заснул сном младенца.

* * *

Утро опять началось с яркого света, внезапно включенного медсестрой. Романа как будто с пляжного отдыха на острове из рекламы «Баунти» резко вырвали в зону боевых действий. Снова уколы. И снова медсестра подошла к нему в последнюю очередь.

– Доброе утро, поворачиваемся. А, да, я забыла, вы не можете. Тогда штанину с трусами подержите.

Она приспустила трусы и штаны, чтобы оголить кусочек ягодицы. Роман взял их правой рукой.

– Держу, – сонно пробормотал он. – Так нормально?

Вдруг его осенило, что он держит их правой рукой! Правой! До этого нерабочей.

– Ну все, я закончила, – сказала медсестра, выключила свет в палате и вышла, прикрыв за собой дверь.

Оказавшись в темноте, Роман принялся проверять руку. Он смог ее поднять, согнуть в локтевом суставе, немного в кисти. Большой палец двигался на сантиметр в обе стороны, а также вверх и вниз. Да, все верно: работает. Хоть и не полностью, но работает! Это было чудо. После всех неловких попыток заставить двигаться правую половину тела, после полного отсутствия ощущения правой руки и ноги такой подарок! Роман был счастлив! Значит, есть надежда. Он попробовал пошевелить

ногой. Ничего. Но это только пока. Теперь Роман не сомневался, что он поправится, раз такой прогресс наметился.

Он неустанно поднимал и опускал руку, пытался сжать ее в кулак, сгибал и разгибал в локте, боясь, что это все ему снится, что этот лучик надежды с пробуждением исчезнет и его правая половина вновь окажется «мертва». Но с каждым движением рукой его уверенность в реальности происходящего росла. Он чувствовал, что рука его, что она подчиняется его воле, чувствовал ее положение в пространстве – влево он ее ведет или вправо. Роман лежал и радовался как ребенок. Он хотел скорее увидеть врача и рассказать ему об этом, скорее поговорить с Верой. «Хотя нет, с Верой надо подождать, а то дам ей надежду, а все оборвется». Пока он раздумывал, говорить или нет хорошие новости жене, не заметил, как заснул.

* * *

– Завтракать!

Дверь в палату открыла санитарка, завозя тележку с дымящейся кашей и чашками с какао.

– Поднимаемся! Завтракать! Вставайте, время – девять утра! Новый день на дворе.

Соседи по палате нехотя стали ворочаться на своих койках. Молодой парень в конце концов поднялся и побрел в пижаме к умывальнику чистить зубы, старик же решил отправиться в столовую без утренних процедур, натянув только портки и рубаху. Такая роскошь, как доставка еды к постели, была доступна единственному теперь лежачему больному – Роману, хоть он и отдал бы все, только бы смочь самому дойти до столовой, на своих двоих. Да хоть на одной, но самому, без посторонней помощи. Страшно ощущать, что ты полностью зависим от кого-то, особенно если этих людей ты видишь в первый раз в жизни. Санитарка привычно поставила тарелку на грудь Роману и протянула ему ложку.

– Смотрите, я могу и правой держать!

Роман гордо поднял правую руку, демонстрируя новые способности.

– Отлично, дружок. На тебе ложку, ешь какой хочешь рукой. Когда вернусь, чтобы все было съедено: не хочу туда-обратно ходить по десять раз!

Она сунула ложку в его правую руку и вышла из палаты.

«Как можно быть такой бесчувственной? – подумал Роман. – У меня рука заработала, а она про тарелки». Он попытался взять

ложку двумя пальцами, чтобы крепче ее ухватить, но не тут-то было. Пальцы предательски не сжимались, и ему удалось лишь слегка обнять ее за ручку. Как только он пробовал приподнять ложку, она сразу выпадала из руки. Спустя десяток попыток он понял, что есть правой рукой невозможно. Он не ощущал массу деталей, которые в норме обеспечивают четкость, выверенность движений, не чувствовал степень усилия в мышцах. Роман взял ложку в левую руку и быстро расправился с кашей. Попробовал ухватить правой рукой колечко чашки с какао, но не смог, и чашка полетела на пол вместе со всем ароматным содержимым, которое он так хотел выпить. Вначале его ослепила вспышка надежды, теперь же пришло осознание, что все не так просто. Столько деталей упускается в обычной жизни, столько мельчайших элементов движений он не замечал. Простившись с мыслью выпить какао, Роман потянулся нажать кнопку вызова сестры, но передумал: санитарка все равно придет забирать тарелку, зачем попусту дергать медперсонал.

После завтрака вернулась санитарка. Ворча себе под нос про низкие зарплаты, кучу работы и нежелание подтирать за всеми, она за три профессиональных взмаха половой тряпкой натерла до блеска пол, забрала пустую посуду и скрылась за дверью.

Через пару минут в палату вошли вчерашние медсестра и санитарка, которые возили его в отделение реабилитации.

– Доброе утро. Готовы? Опять поедем вниз на вертикализатор.

Поездка по этажу, на лифте, снова по коридорам показалась Роману уже не такой мучительно долгой, как вчера.

В кабинете, начиненном всякой техникой, его встретил тот же доктор:

– Доброе утро. Ну что, как ваши дела? Что изменилось? Показывайте, что можете.

– Вот посмотрите!

Роман радостно поднял руку, как школьник, хорошо выучивший урок, и слегка согнул кисть.

– Отлично, процесс пошел!

Доктор согнул и разогнул правую руку Романа, пробурчал под нос, что тонуса нет, и отдал указания коллегам. Рому переложили на вчерашний агрегат, закрепили ремнями и вновь начали переводить в вертикальное положение. Пока кровать постепенно поднималась, подошел доктор:

– Роман Викторович, вы неплохо пошли на поправку. Больше мы не будем вас просто поднимать, пора начинать включаться в работу – активно двигаться. Теперь вам надо будет по меньшей мере час, а лучше два, сидеть на постели свесив ноги. Как будто

вы уже здоровы и утром после долгой пьянки сидите и не знаете, лечь обратно или встать. Просите медсестер или родственников помочь вам подняться.

Кровать полностью перевела Романа в вертикальное положение, и он вновь оказался высоко над полом, снова смотрел на все не снизу вверх, а наоборот.

– Хорошо, вы только направляйте меня. Я готов весь день сегодня сидеть на постели.

– Нет, это другая крайность. Не надо сидеть весь день. Два часа сегодня, не больше.

– Есть, товарищ начальник! – бодро ответил Роман. – Два часа так два часа. – Его сердце снова наполнилось надеждой.

После вертикализатора его повезли в отделение физиотерапии с желтыми занавесками. Там его снова положили в дальний угол, где он терпеливо провел положенные тридцать минут. Когда процедура, которую медсестры называли магнитотерапией, закончилась, Романа переместили на каталку и бойко отвезли назад в палату. Оказалось, время уже подошло к двенадцати. За всеми этими процедурами он и не заметил, как пролетели три часа.

Его уложили на койку и попрощались:

– Пока! Завтра на том же месте в тот же час!

Роман подхватил:

– Я, пожалуй, вас здесь подожду! – и улыбнулся своей, как ему показалось, искрометной шутке.

Когда он остался лежать один в палате – его соседи были еще на процедурах, – время снова потекло, как сгущенка из банки. В коридоре было шумно: ходили какие-то люди, бегали медсестры, кто-то кому-то кричал, иногда проезжали каталки с людьми. Но рядом с Романом ничего не происходило. Он ощущал себя покинутым. Как будто боясь, что эта способность вот-вот может исчезнуть, он все поднимал и опускал правую руку. Пробовал сжать ее в кулак.

Его монотонную работу прервала доктор:

– Добрый день, Роман Викторович. Как ваше самочувствие сегодня?

Она обернула вокруг его руки манжетку тонометра, сняла с шеи фонендоскоп и стала измерять давление.

– С давлением у вас все хорошо. Теперь давайте посмотрим руку и ногу. Поднимите, пожалуйста, правую руку!

– Да, посмотрите, что я сегодня умею! – радостно воскликнул Роман, а затем гордо вытянул, согнул и разогнул руку. – Это ведь здорово, да? Все восстановится? Я смогу вернуться на работу?

– Об этом, я считаю, нам еще рано говорить, – ответила Анна

Сергеевна. – Но положительная динамика налицо, это хороший прогностический признак! Покажите, что можете делать ногой. Для начала попробуйте ее поднять.

– С ногой все не так оптимистично, – уже невесело сказал Роман. – Пока ноль, ничего.

Он попробовал пошевелить ступней или согнуть ногу в колене, но никаких движений не было. Страшно неприятное чувство.

– Совсем ничего, Анна Сергеевна, совсем ничего.

Он смотрел ей в глаза и очень ждал, что она даст ему хоть какую-то надежду.

И она дала:

– Конечно, пока ничего. А чего вы хотели? Подождать надо, заниматься каждый день, не лежать все время. Чем раньше вы встанете, тем быстрее пойдет восстановление. Сегодня вам уже надо будет какое-то время посидеть на постели. Просите медсестер помочь вам подняться. Массажист приходил к вам?

– Да. Орудовал так, что было ощущение, что он руку и ногу мне отрывает.

– Отлично, все так и должно быть. За поглаживаниями будете в салон красоты ходить. Завтра вместо вертикализатора будете передвигаться в аппарате.

Она собрала тонометр в синий чехол на молнии, надела фонендоскоп и направилась к выходу, но внезапно вернулась и добавила:

– Да, забыла спросить. С психологом вы уже пообщались? Раз в руке появились движения, пора начинать играть в игру.

– Нет. А что за игра? Шашки, что ли? – спросил Роман.

– Нет, никакие не шашки. Это специальная игра для пациентов после инсульта. Помогает быстрее восстанавливать различные функции мозга. Я скажу, чтобы психолог зашел к вам сегодня. Он объяснит правила, а дальше вы с соседями будете каждый день играть. Они все знают эту игру. Поверьте, это помогает.

– Буду делать все, что скажете.

– Ну и отлично, – улыбнулась в ответ Анна Сергеевна. – Не лежите весь день, пытайтесь больше сидеть! До встречи.

Пока Роман говорил с врачом, подошло время обеда. Из коридора потянуло аппетитным запахом щей… Или борща. Или кислой капусты. В общем, совершенно неважно. Он так страшно проголодался, что ему уже было все равно, что есть, лишь бы побольше.

Соседи вернулись с процедур и сразу же ушли в столовую. Он понял, что очень завидует их свободе.

В обычной жизни мы не задумываемся о том, как самостоятельно передвигаться в пространстве. За нас действует тело, совершенно не включая осознание всей колоссальной работы, осуществляемой им ежесекундно.

В палату вкатила тележку с едой утренняя санитарка.

– Давайте на этот раз поаккуратней!

– А что на обед? – поинтересовался Роман.

– Щи из капусты и капустная солянка с мясом, – буркнула она.

– Снова капуста, – вздохнул Роман и попытался сесть в кровати. – Не могли бы вы мне помочь? – обратился он к санитарке.

Она поставила тарелку, которую держала в руках, чтобы налить суп, и подошла к Роману. Помогла ему приподняться, переложила подушку к стене так, чтобы он смог на нее облокотиться, и свесила его ноги с койки.

– Большое вам человеческое спасибо! Так гораздо приятнее есть, – поблагодарил Роман санитарку и взял левой рукой протянутую тарелку с дымящимися щами.

– На здоровье, сынок. – От утренней холодности и жесткости не осталось и следа, сейчас она казалась ему крайне дружелюбной.

Тарелку с супом он поставил на вторую подушку, которую санитарка предусмотрительно положила на его колени. Роман попробовал взять правой рукой ложку и поднести ее ко рту. Не удалось. Разлив горячие щи на футболку и обжегшись, он переложил ложку в левую руку и доел суп, правой рукой лишь слегка придерживая тарелку, чтобы не опрокинуть ее с колен. «Да, пока все-таки удобнее левой», – подумал Роман. За эти дни он наловчился управлять ей.

Когда с щами было покончено, он принялся за солянку. Роман с удовольствием отметил про себя, что жизнь не кажется такой серой на сытый желудок.

В палату вернулись его соседи. За ними следом вошла процедурная сестра, неся в руке стойку с системой для капельницы.

– Это для вас! – сказала она, ставя ее у изголовья его койки. – Когда доедите, будем капаться.

Она поочередно принесла стойки и для других. Сначала им наладила систему, а затем подошла к Роману. Он к тому времени уже разобрался с обедом и был готов.

– Нам с вами надо лечь! – весело сказала процедурная сестра Роману.

– Да я и не против, ложитесь! – отпарировал он.

– Нет, я не это имела в виду, – ответила она и зарделась.

– Ложитесь, не стесняйтесь! – заулыбался Роман во все зубы, всем своим видом показывая, что он готов продолжить этот ни к чему не обязывающий флирт.

– Ложитесь давайте, хватит тут шутить.

Медсестра постаралась скрыть улыбку, но все равно было видно, что ей приятно внимание. «А я еще ничего», – решил Роман. Она поставила посуду на тумбочку, переложила подушки в изголовье и помогла ему перевернуться и лечь на спину. Затем быстрыми и ловкими движениями затянула жгут, нашла вену, вколола иглу и наладила систему.

– Все, теперь лежите смирно!

Она еще раз улыбнулась и вышла из палаты.

Теперь они все лежали привязанные к системам. Кто-то слушал музыку, кто-то дремал. «Все-таки повезло мне с соседями, – подумал Роман. – Ни болтовни, ни дурацких вопросов. Лишь сон и тихое дребезжание музыки. Идеальный вариант». Его самого потянуло ко сну, и, устроившись поудобнее, он отдался Морфею.

Проснулся он от резкой боли в правой руке. Открыв глаза, Роман посмотрел на руку и увидел, что в месте, где вколота игла, надулся огромный пузырь синего цвета, страшно болезненный. Он быстро нащупал кнопку вызова медсестры и судорожно нажал на нее несколько раз. Затем бросил пульт и левой рукой вырвал иглу. Вниз потекла струйка крови и окрасила простыню и часть одеяла. Боль была жгучая и острая. Он нажал на место ввода иглы, чтобы как-то уменьшить ее, но она только усилилась от давления.

В палату вбежала сестра. Увидев, что произошло, воскликнула:

– Как же так?! Как же вы сразу не заметили, что надувает? У вас игла из вены выскочила, и все лекарство стало уходить под кожу. Конечно, это очень неприятно. Что же вы сразу не вызвали меня?

– Да я заснул, а проснулся от боли!

– Я же вам говорила, что спать под капельницей нельзя. А если дремлете, то в любом случае нельзя шевелить рукой, где игла вставлена!

Она явно была недовольна ситуацией. Наложив плотную повязку на локтевой сгиб, добавила:

– Ну, теперь синячище ждите! Препарата осталось миллилитров двадцать, я перекалывать не буду, на сегодня с вас хватит.

Медсестра намотала трубочки от системы на пластиковую

бутылку из-под препарата, взяла стойку и ушла.

За всей этой суматохой Роман не сразу осознал, что почувствовал боль в ПРАВОЙ руке! А это означало только одно: к ней возвращаются не только движения, но и ощущения. Он стал ощупывать правую руку. Да, он определенно чувствовал давление. Это даже можно было расценить как прикосновение, просто несколько видоизмененное.

Его прервал вошедший в палату массажист:

– Добрый день. Приступим? Как ваши дела продвигаются?

– Вот посмотрите! Она сгибается! – Роман с гордостью продемонстрировал активные движения в правой руке: согнул и разогнул ее несколько раз. – И я, кажется, начал чувствовать!

– Отлично! Значит, процесс пошел. А почему лежите, а не сидите? Вам теперь надо больше сидеть!

– Да я сидел, просто на время капельницы нужно было лечь!

– Тогда молодцом. Ну что, поехали? Начнем с ног.

Массажист смазал детским кремом руки и принялся разминать правую ногу Романа: опять подкидывать ее, растирать, поворачивать, сгибать и разгибать, растягивать и скручивать. Через десять минут она вся покраснела, и он безжалостно перешел к руке. Теперь все манипуляции врача остро чувствовались. Роман кряхтел, стонал, задерживал дыхание, но не говорил ни слова. Массажист же, не обращая никакого внимания на его реакцию, с каменным лицом продолжал выполнять работу. Когда процедура была закончена, Роман вздохнул с облегчением.

– Спасибо большое! Но можно в следующий раз не так жестко?

– Пожалуйста! Нет, нельзя. Или мы с вами работаем, или нет эффекта.

Массажист вымыл руки в палатной раковине, вытер их своим полотенцем и, бросив Роману «до завтра», вышел в коридор.

– До завтра, – уже пустому проему ответил Роман.

Он был измучен, но очень рад тому, что теперь способен чувствовать. Он сел в постели, попросил соседа дать ему какой-нибудь журнал из стопки, лежащей на общем столе, и, получив его, стал листать, представляя, что он сидит дома у себя на кухне, пьет чай, а все, что произошло, было неприятным сном.

В палату вошел врач. Его Роман еще не видел. Среднего роста, худой, с острыми чертами лица, лет сорока – сорока пяти. В руках стопка бумаг, большой картонный тубус и пакет с чем-то внутри.

– Мерцаев?

– Есть такой! – ответил Роман.

– Меня зовут Константин Викторович. Я работаю психологом

в отделении реабилитации.

– Не надо копаться у меня в голове, я в порядке, депрессией не страдаю. Можете не тратить ни свое, ни мое время.

– Роман Викторович, конкретно в данный момент меня мало интересуют ваши мозги. Я здесь совершенно по другому поводу. Моя задача на сегодня – показать вам игру, в которую вы будете играть с соседями и которая позволит вам существенно сократить срок пребывания в больнице. Настольная игра «Глия» дает запустить глубинные процессы нейропластичности в головном мозге. Сейчас внутри вашего мозга, грубо говоря, оцепенение. Ваши нейроны пытаются оправиться от потери, пережитого стресса, очистить пространство от погибших и включиться в работу. И им надо помочь. Игра, которую я вам предлагаю освоить, создана специально для восстановления мозга после инсульта или травм.

– Тогда другое дело. – Роман даже выпрямился и наклонился вперед, всем своим видом выражая заинтересованность. – Я готов.

– Вот и отлично! Приступим.

Психолог убрал с тумбочки Романа чашку и журнал и положил на нее тубус и бумаги.

– Давайте с вами начнем вот с чего: я попрошу вас закрыть глаза, взять в руку предмет из пакета и постараться определить его на ощупь. В медицине способность узнавать вещи таким образом называется «стереогноз»[70]. Итак, закройте глаза. Теперь возьмите вот это.

Роман с трудом ощутил вложенный ему в правую руку предмет.

– Постарайтесь определить, что это.

При нарушении мозгового кровообращения нередко развивается астереогноз – утрата способности узнавать предметы путем их ощупывания.

На деле это оказалось не так просто, как на словах. Он и вертел, и подбрасывал предмет, пытаясь ощутить его вес, фактуру, размер, чтобы понять, что в его руке, но найти ответ не получалось, пальцы до конца не сжимались, да и сам предмет был ему, по-видимому, незнаком. Роман несколько расстроенно ответил:

– Увы, что-то я совсем не понимаю, что это. Не могу даже вес

определить.

– Не переживайте, все в порядке. Вначале так и будет. Ваш мозг еще не адаптировался к этой нагрузке, он не привык решать такие задачи. Надо просто немного практики. Теперь откройте глаза и посмотрите, что вы пытались определить.

Роман посмотрел на правую руку и удивился: он не смог узнать на ощупь детский деревянный кубик, на котором были нарисованы буквы алфавита. Такую элементарную вещь. Он еще повертел кубик, как мог, в руке и, возвращая его доктору, произнес:

– Я буду заниматься. Вначале я был не совсем уверен, стоит ли играть в эту игру, но сейчас мне кажется, что в ней действительно есть смысл. Я не смог определить такую простую вещь… Должен вам сказать, что ощущения в мою руку вернулись совсем недавно.

– Тогда мы начинаем как раз вовремя, потому что чем раньше приступим, тем лучше: для восстановления функций есть только определенный промежуток времени. Главное – не позволять отдыхать вашему мозгу. Иначе он установит связи, с которыми вы сможете оставаться живым и только. То есть ваши нейроны не будут развивать то, что потеряно, а сосредоточатся лишь на поддержании состояния! Наш мозг так устроен: он все упрощает. Все, что в последующем будет требовать много энергетических затрат, будет избегаться. Будут выстраиваться пути наименьшего сопротивления. Поэтому надо торопиться. Очень сильно торопиться. Сейчас я в двух словах объясню вам правила игры, после чего вы с соседями будете играть не менее двух партий в день. Это займет немного времени – около пятнадцати – двадцати минут, но даст полноценный реабилитационный эффект. Как будто вы походили на массаж, лечебную физкультуру. Итак. Игровое поле выполнено в виде головного мозга человека. На нем есть ячейки-нейроны в форме квадрата, круга или треугольника. Они связаны друг с другом отростками, которые образуют замкнутый игровой путь, а все вместе – нейронную сеть. Внутри каждого замкнутого игрового пути расположена часть нейрона-гиганта. Также есть мешок с фигурами трех видов: пирамида, куб, полусфера – и двух цветов: розовые – шероховатые, зеленые – гладкие. Вначале каждый игрок выбирает себе цвет. Затем за ход он достает из мешка от одной до трех нужных фигур своего цвета, определяя их на ощупь, и выкладывает на поле в соответствующую ячейку. Когда вокруг части нейрона-гиганта все ячейки оказываются заполнены, ее забирает игрок, чьих фигур среди них больше. Выигрывает тот, кто первым соберет четыре такие части[71]. Вот и все. Все просто, – улыбнулся доктор.

– Если честно, ничего не понятно, – сказал Роман.

– Это нормально, все так вначале говорят. Надо просто сыграть одну партию, и вы все поймете. Я пока оставлю вам игру. Позже, как и все остальные пациенты, будете сами ее брать в нашей маленькой отделенческой библиотеке, когда будете свободны и захотите поиграть.

– Большое спасибо.

Роман повернулся к соседям:

– Никто не хочет сыграть со мной партию-другую?

Старик с радостью согласился:

– Конечно, давай поиграем. Я тут со всеми уже играл. Тебя как звать-то?

– Рома.

– А меня дядя Митя.

Старик подсел к Роману и бойко высыпал на его кровать содержимое тубуса. Затем развернул поле – очень красиво нарисованный человеческий мозг – и расставил части нейрона-гиганта. Они распределили цвета и начали играть. Роман сперва попробовал левой рукой нащупать нужные фигуры. Но это оказалось непросто сделать даже здоровой рукой. Когда старик обратил его внимание, что он вытащил фигуру не своего цвета и что цвет он тоже должен определять на ощупь, Роман совсем приуныл:

– Нет, ну это совершенно невозможно, совершенно.

– Да ты погоди воду мутить. Видишь, как у меня ловко получается? И у тебя тоже будет все отлично со временем, просто надо потренироваться, – заверил его дядя Митя.

– Ладно.

– Давай уже правой рукой пробуй. Тут смысл твою нерабочую руку обратно в строй вернуть, – буркнул старик.

Роман послушно поменял руку и принялся нащупывать в мешке нужные фигуры. Однако, как ни старался, он ощущал их как просто кучу каких-то объектов. Он не мог сказать, ни какой они формы, ни какая у них поверхность, ни какого они размера. Ничего. Лишь подтвердить их наличие. Как будто из всех возможных характеристик ощущений ему доступна была только одна: «там определенно что-то есть». После нескольких безуспешных попыток вынуть нужные фигуры Роман стал вытаскивать их наугад. Через десять минут игра была закончена – дядя Митя победил.

– Ну все, дорогой, я с тобой поиграл. Это была тяжелая партия, – посмеялся старик. – Оставляю тебе мешочек с фигурами – тренируйся. – Игровое поле он убрал в тубус и поставил на тумбочку. – Да, забыл сказать. Ты пока вытаскивай по одной

фигурке, разглядывай ее со всех сторон, потом клади обратно и пробуй вынуть уже с закрытыми глазами. Мне доктор говорил так делать, и это очень помогло. Это как бы… как это называется… – Он стал чесать затылок, морщиться, явно пытаясь вспомнить. – Ну, короче, ты своим мозгам так помогаешь. Синхронизируешь данные. Типа того.

– Понял, дядь Мить, понял, буду синхронизировать.

Старик ушел к себе на кровать, а Роман принялся тренироваться согласно совету. Через какое-то время он понял, что определять лучше не стал, зато начал более уверенно брать эти фигурки и отличать, одну он взял, две или горсть. Это сильно воодушевило его. «Похоже, эта игра и вправду работает. Еще час назад я не мог определить вообще ничего. А сейчас способен понять, одна или две фигуры у меня в руке. Невероятно. Все-таки не зря врачи свой хлеб едят, не зря», – заключил Роман.

Пока он упражнялся, в палату принесли горячий ужин. Рома быстро с ним расправился и заснул сном младенца, хотя времени было всего девять вечера. Уж слишком много переживаний и открытий было за сегодня.

Следующий день с точностью повторил предыдущий: снова острый свет в палате, снова медсестры, завтрак, процедуры, массаж, обед, пятиминутный разговор с врачом, игра, ужин, сон. И опять по кругу. Дни потекли один за другим, как в известном фильме. Движений в ноге все не было.

Глава 6

17–28 апреля 2016 г.
Нейропластичность

Многоугольник. Шишка. Шар. Квадрат. Клякса. Серые Кардиналы могут быть любых формы и размера. Их руки-ветви, тоже разнообразные: тонкие и толстые, щербатые и гладкие, короткие и длинные, светлые и темные, – переплетаются одна с другой или телом Серого Кардинала, образуя гигантских размеров сеть. Каждый в ней по отдельности, и в то же время все они вместе. Каждый знает, что делает сам, и чувствует, что делают остальные.

В командном пункте все четко организовано. Здесь нет времени для сомнений, только мгновенные решения во имя сохранения жизни и здоровья Хозяина.

Боб был из семейства гигантов. Таких, как он, очень много, и они все связаны единой сетью, как и все здесь. Их тела больше, чем у других Серых Кардиналов, и представляют собой волосатый треугольник со сглаженными краями. Они имеют одну длинную-предлинную руку, с помощью которой руководят другими частями мира, и множество маленьких рук-ветвей[72], по которым получают информацию от братьев.

Боб был очень умным: он знал, когда и как управлять. Но, что скрывать, иногда обманывал Хозяина. Прятал от Него неприятные ощущения, боль. Боб не хотел зря расстраивать Его. Для него было в приоритете, чтобы Хозяин был жив и весел. Поэтому он и прибегал к разным уловкам. Например, иногда пробирался в отделы, которые хранят жизненные факты Хозяина, и подтирал там без спроса. При этом Бобу не нужно было двигаться, чтобы попасть за одно мгновение в любую точку. Через свои руки-ветви он посылал сигнал соседу, тот отправлял его дальше, и так пока сигнал не доходил до нужного брата.

В командном пункте время определяют сами Серые Кардиналы, потому и ответы приходят мгновенно. Все работают без остановок и передышек. Вернее, работали…

* * *

Боб очнулся, стряхнул с себя пыль и мысленно обратился к себе. Как он? Живой? Все ли работает? Нет ли повреждений, несовместимых с жизнью? Ответив самому себе утвердительно и поняв, что все функционирует в прежнем объеме, он огляделся

вокруг[73].

Справа и слева от него на руках друг друга висели безжизненные волосатые серые треугольные тела: будучи частью сети и связанными между собой, они не могли упасть вниз. Это было самое страшное и грустное зрелище, которое когда-либо видел Боб. Он был шокирован: все его собратья, с кем он рос, развивался, радовался, находил решения, погибли в результате остановки потока. И Механики тоже. Да и остаться одному – все равно что умереть.

Боб и его команда обеспечивали движение Хозяина в пространстве. Они начали формироваться еще до того, как Вселенная увидела свет, и долго учились правильно подбирать скорость, интенсивность и направление потока сигналов к Исполнителям, чтобы добиться слаженной работы всех механизмов снаружи. Они проделали великий, невероятный труд. И вот в один момент все уничтожено.

Он попробовал дать сигнал, но тот остановился на соседнем же теле. Нет жизни – нет сигнала. Однако, возможно, в соседних отделах кто-то, как и Боб, остался жив, и тогда есть надежда, можно работать, восстановиться. Серые Кардиналы и Механики еще не начали разлагаться, и Боб подумал, что, если кто-то жив, сюда непременно придут работники из других отделов. Ведь этот завал надо разобрать и заменить на строительный материал, на что-то, что будет поддерживать структуру мира, хоть и не функционировать[74]. Полностью заменить погибших, как правило, нельзя, и они уносят с собой в могилу все, что умели.

Тем не менее Боб ощущал, что и на нем, как на выжившем, лежит колоссальная ответственность, и он должен постараться наладить связь с другими отделами и понять, насколько поражение масштабное. Он снова послал импульсы по всем рукам. Вновь безуспешно. Никакой жизни. Только тишина.

Чтобы передать сигнал собрату, Бобу нужно задействовать вещества, хранящиеся в специальных капсулах на кончиках рук[75]. Они позволяют рукам других Серых Кардиналов почувствовать и тут же подхватить импульс и отправить его дальше по цепочке. Боб понимал, что эти вещества у него рано или поздно закончатся, и тогда ему крышка.

Вокруг очага инсульта формируется пенумбра – скопление нейронов, которые еще способны выжить и полностью восстановиться благодаря работе глиальных клеток, внутренним резервам и коллатеральному кровообращению.

Внезапно он почувствовал удар и вздрогнул от неожиданности: он уже почти и не надеялся, что кто-то откликнется. А это несомненно был чей-то сигнал! Значит, он не один!

Боб собрался с силами и вновь отправил по всем направлениям импульсы, чтобы понять, кто выжил. Остаться одному среди этого кладбища было невыносимо страшно. Ответ пришел незамедлительно! Это прямо рядом с ним! За телом собрата он увидел тончайшую свою руку, на которую никогда не обращал внимания, так как она редко использовалась[76], а к ней был прикреплен Механик. Ослабленный, местами потертый, но живой! Какое счастье! Боб отправил сигнал непосредственно ему. Он хотел узнать, как тот смог выжить и почему он сам, Боб, выжил. Они начали общаться. Механик рассказал Бобу, что ему удалось избежать общей участи благодаря тому, что он был связан с одной крохотной, едва заметной тропинкой, по которой поток не останавливался[77]. Когда на главной дороге случилось то, что случилось, он продолжил по этому маленькому ответвлению получать продукты. Часть из них он передавал Бобу, поскольку был связан с ним[78]. Вот почему Боб выжил.

Переключив все внимание на руку, ведущую к Механику, Боб не сразу заметил, что к нему посыпались сигналы с совершенно неожиданной стороны, как будто кто-то в кромешной темноте включил маяк. Импульсы поступали от группы сотрудников, которые занимались сбором информации для Хозяина[79]. Они никак не взаимодействовали с внешним миром в отличие от таких, как Боб, только оценивали его и его опасность для жизни и здоровья Хозяина.

Теперь Боб знал, что точно не один и те другие тоже пытаются оценить потери и наладить связи между его отделом и другими. Он собрался с силами и ответил, чтобы они тоже поняли, что здесь есть кто-то живой.

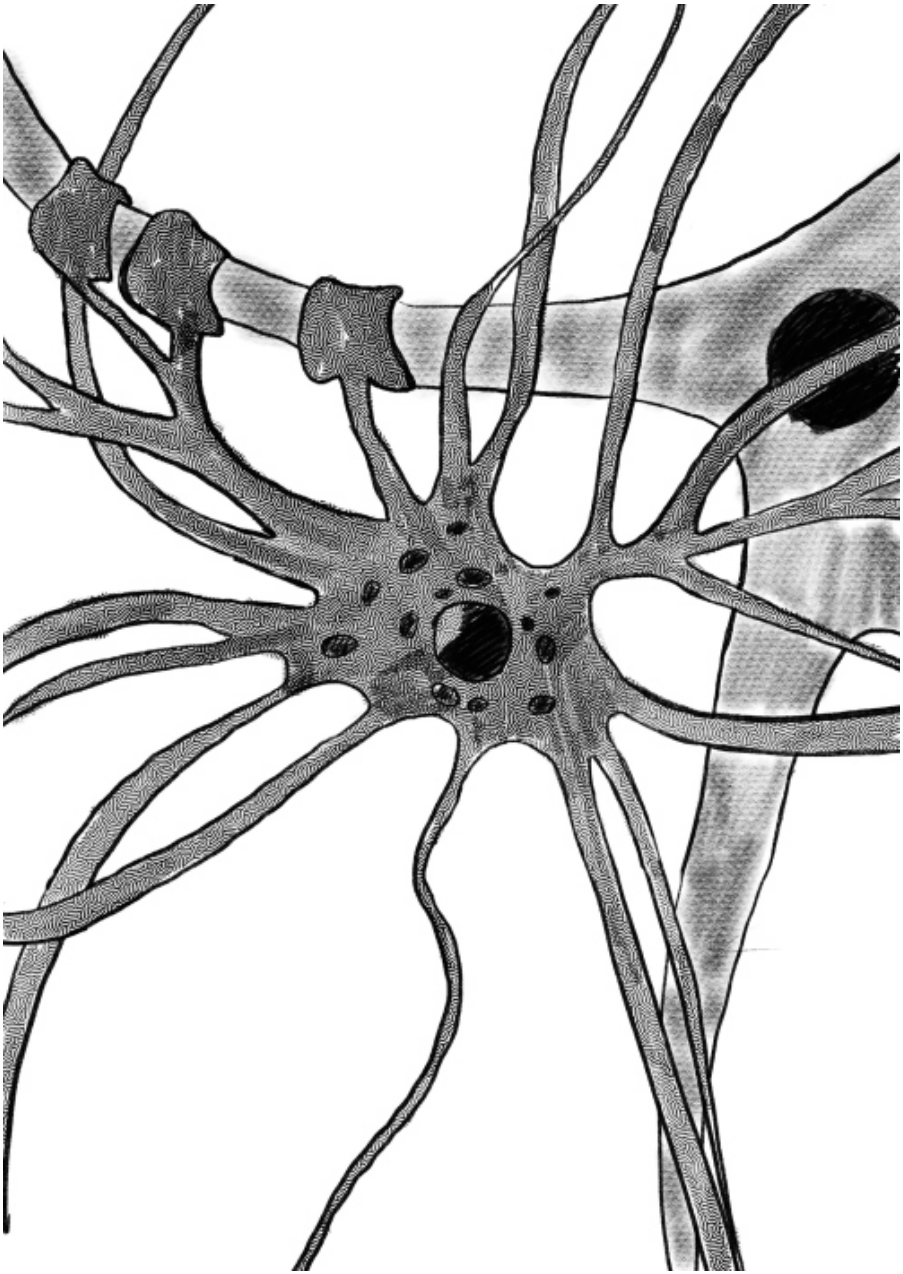
Мы чувствуем, оцениваем, распознаем теменной областью.

Боб также отправил сообщение Механику, чтобы тот передал его дальше, кому сможет. Так он определит, какое расстояние они смогут преодолеть по цепочке, и, может, дойдут до здоровых. Всё, они пережили удар, пора вставать на ноги.

Боб решил, что теперь все быстро пойдет на лад, но оказалось, что его собратья, отвечающие за поток внешней информации, совершенно не способны повлиять на окружающий мир. Они не понимают, как это – взаимодействовать с пространством снаружи, сидя здесь, внутри.

У каждого во Вселенной своя роль с рождения. И каждый ограничен ею: умеет делать только то, что ему положено.

Лишь Серые Кардиналы деформировались с течением времени, чтобы подчинить свои формы выполняемой функции.



Боб вспомнил, как много-много времени назад, когда только зарождалась Вселенная, он и его собратья были внутри другой, материнской Вселенной. Как они пережили колоссальное изменение среды. Как те, кто отвечает за поток входящей информации, оценивает безопасность окружения и следит за покоем Хозяина, были шокированы, раздавлены, когда их безжалостно вырвали из теплого темного мира. «Внезапно все

изменилось. Нас вытащили из комфортной среды и вынудили бороться за жизнь и существование Хозяина. Мы тогда быстро осознали, что, если не открыть заводы, не запустить собственный транспортный узел в максимальную силу, по дороге не поедет поток, а без него все мы умрем. Помню, как мои братья захлебывались от сотен и тысяч импульсов снаружи, которых до этого не было. Они даже и не знали, что такой поток возможен, что их снесет и раздавит холодом, голодом, светом, звуком, жесткостью, страхом, болью, жаждой. И что они все это впопыхах будут отправлять по всем отделам, пытаясь структурировать, организовать, научиться справляться с этим[80]».

Боб помнил, как первое время было сложно объединиться даже просто с соседом. Они вдвоем пытались протянуть друг к другу руки-ветви, чтобы связаться, потому что поодиночке не могли ничего сделать, никак повлиять на внешний мир. Один в поле не воин. И они тренировались. И их руки становились все ближе друг к другу. Это был тяжелый труд – выполнять действия по многу раз, пытаясь воздействовать на пространство вокруг Хозяина. Было нелегко, и долго ничего не получалось. Но в итоге они объединили свои отростки, образовали сеть из нескольких братьев и создали обратную связь с теми, кто получал информацию извне. Тогда они смогли взять в руку Хозяина погремушку и потрясти ее, и принести Ему радость. «Он был так счастлив! Мы получили огромный положительный заряд, нас хвалили, и мы хотели работать дальше и работали. Каждый день создавали все новые и новые связи между собой, каждый день пытались заставить пространство подчиняться. С течением времени мы определили направление движения и без остановок и отдыха стали организовывать самые короткие маршруты друг к другу, так как чем короче путь между нами, тем лучше, тем меньше энергии расходуется».

Мозг все упрощает, поэтому нам так сложно учиться и вырабатывать новые навыки. Ведь для этого нужны новые связи, а значит, множество усилий и масса работы.

Образовавшаяся сеть была подобна карте, испещренной множеством дорог, больших и маленьких. Самые широкие дороги означали рядовые движения, от которых зависела жизнь Хозяина: ходьбу, прием пищи, одевание – раздевание. Это были самые

крепкие и многочисленные связи между Серыми Кардиналами. Самые узкие и витиеватые дороги представляли собой высокоспециализированные движения, что-то совсем нехарактерное, необязательное для выживания: резьбу по дереву, раскрашивание, игру на музыкальных инструментах, квиллинг, катание на коньках, сноуборде, вышивание крестиком, покраску моделей.

Сейчас Боб столкнулся с новым вызовом. Ему надо превратить тех, кто специализировался на совсем других задачах, в братьев, умеющих влиять на пространство[81], надо заставить их изменить своим правилам[82]. Потому что необходимо во что бы то ни стало восстановить способность Хозяина взаимодействовать с окружающим миром. От нее зависит Его жизнь. Не только потому, что Он должен обеспечивать постоянный подвоз веществ на заводы, но и из-за их перераспределения внутри Вселенной. «У нас есть масса механизмов, чтобы повлиять на эмоциональное и физическое состояние Хозяина, но мы не можем напрямую контактировать с внешним миром[83]. И когда Он теряет эту способность, здесь все меняется. Все покрывается пеленой[84]. В результате движения замедляются, сигналы не бегут, а ползут по рукам-ветвям, Хозяин впадает в апатию. Постепенно перекрываются все возможности для восстановления. И своими силами с этим справиться не получится».

Боб снова и снова отправлял сигналы тем, кто анализирует окружающий мир. Через какое-то время он начал получать от них ответы о том, в каком положении они находятся, грозит ли опасность сейчас, что необходимо сделать, чтобы поддержать поставки веществ в нужном объеме, а может, и запасти.

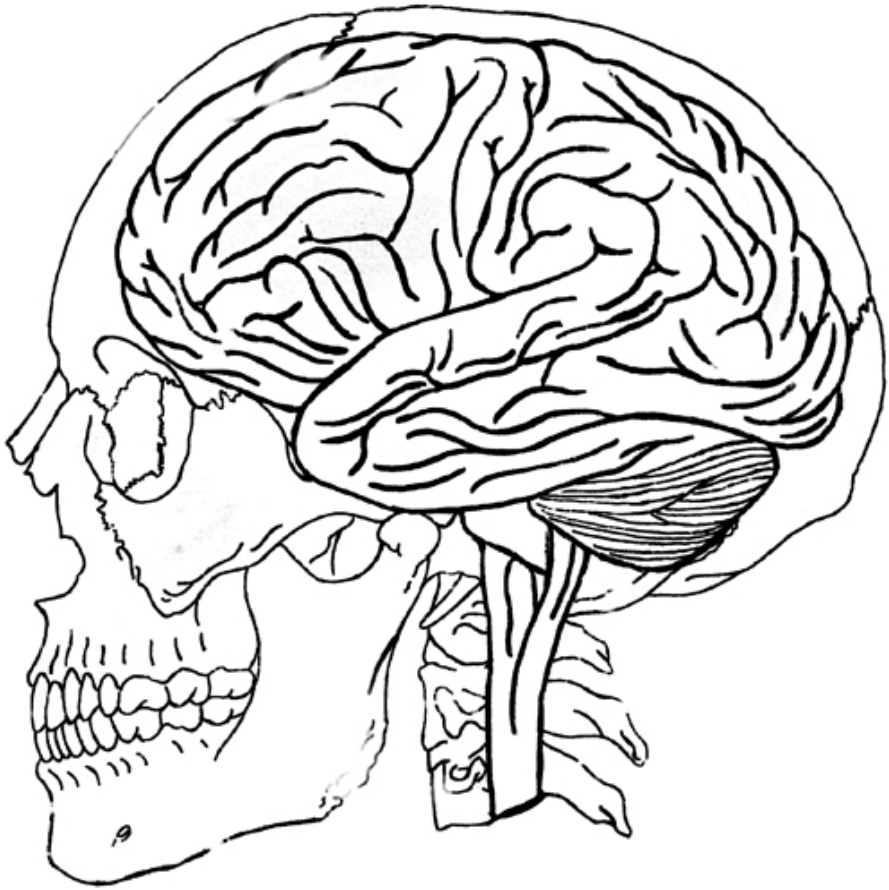
«Всегда хорошо иметь вещества впрок. В других концах Вселенной есть склады, где они хранятся на все случаи жизни, но главное – на случай отсутствия поставок[85]. Опыт научил нас все прятать в закрома и не расходовать напрасно. Однако в командном пункте Серых Кардиналов нет складов. Поэтому нам жизненно необходим постоянный поток транспорта с веществами».

Клетки глии в некоторых случаях способны брать на себя функции нейронов. Это еще одно

проявление нейропластичности нашего мозга.

Боб также продолжал пробовать достучаться до других отделов и найти еще выживших к себе в помощь. Его попытки привели к тому, что со временем ближайший Механик протянул к нему еще несколько своих рук. Они образовали более крепкую связь.

С другой стороны тела Механика тоже были руки, которые, в свою очередь, тянулись к другим Механикам и далее. Используя мелких и крупных Механиков как посредников, Боб в итоге смог добраться до живых Серых Кардиналов, правда, они были совсем далеко и отвечали за совсем другие отделы. Несмотря на это, всех, с кем смог связаться, Боб призвал объединиться с ним в сеть в обход пораженного участка, чтобы помочь ему восстановить функции.



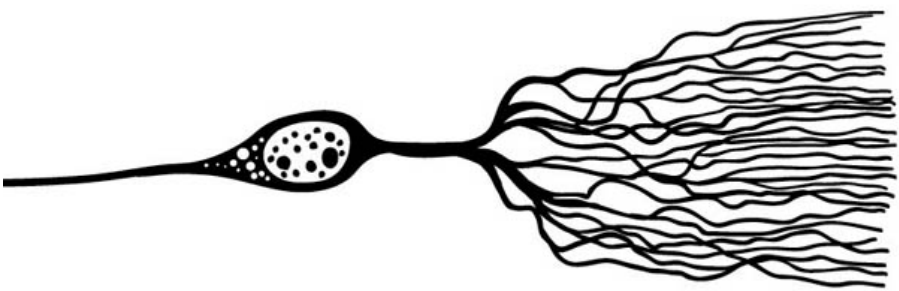
Началась работа. Тяжелая, тончайшая работа, требующая колоссального объема усилий и средств. Старое дорожное

полотно больше не действовало, и теперь все было направлено на построение и организацию новой системы.

Механики перераспределяли связи, потоки, формировали новые подъездные пути. Собратья Боба из других отделов тянули руки-ветви к нему, чтобы обмениваться сигналами. Сам же Боб каждое мгновение пытался провзаимодействовать с внешним миром. Пока вокруг него были одни безжизненные тела, это было невозможно. Также он организовал новую дорогу к себе, по которой бесперебойно подвозили продукты[86].

Вначале было слишком мало связей, слишком тонкие дороги, чтобы сеть заработала. Но Боб продолжал без сна и отдыха растить руки и подключать все больше и больше собратьев к процессу – и наконец все было готово.

Сегодня Хозяин должен проснуться и встать, начать передвигаться в своем мире. Боб стал ждать, когда Хозяин откроет глаза.



Глава 7

29 апреля 2016 г.
Роман

Резкий свет и звук холодных ламп, как обычно, прервали его сон. Еще один день, еще одна череда процедур и дел, за которыми он не позволял себе признаться в страхе никогда больше не встать на ноги. Каждый вечер, закрывая глаза, он представлял, что утром чувствительность и подвижность вернутся и он забудет эти дни как страшный сон. Что все закончится. Но, просыпаясь и по-прежнему не чувствуя правую ногу, понимал, что борьба продолжается. В том числе борьба с собой, со своими страхами. Со страхом противостоять пожирающему все изнутри монстру, с которым может повстречаться каждый. Со страхом никогда не вернуться к себе прежнему. Со страхом не принять себя таким, какой теперь ты есть.

Каждый раз, когда он спрашивал про восстановление и прогноз, ему говорили про нейропластичность, индивидуальные особенности и разные возможности. Его отчасти успокаивали эти слова, но глубоко внутри Роман понимал, что, по идее, нога должна была восстановиться вслед за рукой или раньше и, если это не произошло, шансы с каждым днем прогрессивно уменьшаются. Надежда постепенно угасала.

Что бы он ни делал, две мысли не покидали его. Первая: какое это счастье – способность передвигаться самостоятельно. Не зависеть от родных, социальных работников, коммунальных служб, городских властей, пандусов в метро, магазинах, музеях и кино. «Я раньше не замечал, как много всего можно сделать, насколько я свободен, если передвигаюсь сам, и как на самом деле ограничен, если нет».

Серьезно заболев, начинаешь ценить всякие мелочи и благодарить Вселенную за каждый прожитый миг.

Вторая мысль – про второй шанс. Роман просил Вселенную,

Бога дать ему еще один шанс. Дать возможность все исправить и начать жить в полную силу, каждый день благодаря за прожитое мгновение. Он мысленно обещал себе, что не станет тратить время впустую.

Он открыл глаза. Свет иглами забрался под веки. Чтобы скрыться от ламп и в то же время поудобнее устроиться, Роман перевернулся на бок и подогнул под себя ноги, как делал это всю жизнь, кроме последних двенадцати дней. Вдруг он осознал, что согнул правую ногу. Волна адреналина захлестнула Романа, его бросило в пот. Он вытянул ноги и снова согнул в коленях. Правая отставала по скорости, но объем движений был достаточный. Он сел в кровати, свесил обе ноги и осторожно поставил на пол. В первый раз за все это время он ощутил холод больничного пола правой ступней и был рад этому, как младенец. Готов был кричать и хлопать в ладоши от счастья!

Роман оперся обеими руками на ребро кровати и попробовал встать. Ощутил легкое головокружение, его качнуло в сторону, и он быстро присел обратно. Через несколько минут он повторил попытку. Сердце бешено колотилось, стучало в висках, ладони вспотели. Роман оттолкнулся от койки и перенес центр тяжести на ноги. И они не подкачали. Обе держали его тело. Он попробовал перенести вес с одной ноги на другую. Ощутил, что может вполне уверенно переминаться, и сделал шаг. Затем еще один. Правая нога вела себя необычно: надо было с усилием ее передвигать и все время смотреть на стопу, чтобы она не подгибалась, – но это была его нога, он мог ею управлять! Наконец он мог ходить САМ!

Прогноз восстановления напрямую зависит от состояния внутреннего мира человека.

* * *

GLIABOARDGAME

Игра «Глия» может стать дополнительным методом реабилитации двигательных навыков – в легкой и удобной форме. За счет повторения определенных движений игрок бессознательно тренирует работу обоих полушарий мозга.

Игра основана на принципах работы нервной системы и является мощным стимулом, который запускает механизмы нейропластичности – возможность мозга меняться и восстанавливать утраченные связи после повреждения.

ЛУЧШИЕ КНИГИ О БИЗНЕСЕ С ЛОГОТИПОМ ВАШЕЙ КОМПАНИИ? ЛЕГКО!

Удивить своих клиентов, бизнес-партнеров, сделать памятный подарок сотрудникам и рассказать о своей компании читателям бизнес-литературы? Приглашаем стать партнерами выпуска актуальных и популярных книг. О вашей компании узнает наиболее активная аудитория.

ПАРТНЕРСКИЕ ОПЦИИ:

- Специальный тираж уже существующих книг с логотипом вашей компании.
- Размещение логотипа на супер-обложке для малых тиражей (от 30 штук).
- Поддержка выхода новинки, которая ранее не была доступна читателям (50 книг в подарок).

ПАРТНЕРСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ:

- Рекламная полоса о вашей компании внутри книги.
- Вступительное слово в книге от первых лиц компании-партнера.
- Обращение первых лиц на суперобложке.
- Отзыв на обороте обложки вложение информационных материалов о вашей компании (закладки, листовки, мини-буклеты).

У вас есть возможность обсудить свои пожелания с менеджерами корпоративных продаж. Как?

Звоните:
+7 495 411 68 59, доб. 2261

Заходите на сайт:
eksmo.ru/b2b

notes

Примечания

1

Каждый день в сосудах сталкиваются друг с другом форменные элементы крови. Некоторые из них активируют тромбоциты, запуская тромбообразование. В теле постоянно образуются маленькие тромбы, но их мгновенно растворяет противосвертывающая система.

2

Эндотелий – клетки, выстилающие стенки сосудов. Имеют колоссальное количество функций, в частности могут выделять вещества, которые способствуют расщеплению тромбов, ускорению потока крови, обеспечивают его непрерывность.

3

Нейтрофилы – клетки, способные поглотить любой чужеродный (а иногда и собственный) объект и полностью растворить его внутри себя с помощью протеолитических ферментов.

4

У каждой клетки есть встроенный код, по которому организм распознает, кто свой, кто чужой, – главный комплекс гистосовместимости (большое семейство генов, играющее важную роль в иммунной системе и развитии иммунитета).

5

Из-за изменившихся условий жизни, пищи, воды в организме постоянно образуются раковые клетки: каждый день, без перерывов на обед и выходных. И каждый день иммунная система находит эти клетки по «сломавшимся чипам» и уничтожает их.

6

При развитии раковая опухоль выделяет факторы, заставляющие прорастать рядом сосуды, чтобы как можно больше и быстрее получать кислород для своего роста и еду для размножения опухолевых клеток. Поэтому больной раком человек худеет: опухоль забирает еду у организма.

7

В конце концов без лечения рак всегда побеждает – и организм погибает.

8

Иммуноглобулины (*антитела*) – используются иммунной системой для идентификации и нейтрализации чужеродных объектов.

9

Нездоровый образ жизни, прием лекарств, возраст, экология, некачественная пища – все это влияет на стенки сосудов. Со временем они перестают выполнять свою функцию в полном объеме, и тогда на них начинает откладываться холестерин. В разных частях тела это приводит к разным последствиям. Самое жизнеугрожающее состояние – образование бляшек в сосудах, кровоснабжающих головной мозг.

10

Жирные кислоты с пищей попадают в желудок, где начинают перерабатываться для последующего усвоения.

11

В желудке содержатся соляная кислота и ферменты, способные расщеплять большие пищевые структуры на молекулы.

12

Из желудка пища попадает в тонкий кишечник, где продолжается пищеварение.

13

Стенка кишечника представляет собой миллионы выростов или складок. Каждый выступ плотно оплетен кровеносными сосудами, чтобы молекулы пищи смогли пройти сквозь стенку кишечника, попасть в просвет сосуда и использоваться на нужды организма.

14

Не все молекулы могут передвигаться в потоке крови до места назначения. Часть из них требует специальных перевозчиков.

15

Жирные кислоты нужны для строительства мембран клеток, создания гормонов, белковые молекулы (аминокислоты) – для строительства клеток, глюкоза – для обеспечения энергией, витамины и минеральные вещества участвуют во множестве ферментных процессов и являются необходимым вспомогательным материалом для постройки разных компонентов организма.

16

Формирование атеросклеротической бляшки начинается с попадания холестерина в стенку сосуда.

17

В организме постоянно работают свертывающая (останавливает кровь при повреждениях) и противосвертывающая системы. Последняя вовремя растворяет тромбы благодаря содержащимся в ней антикоагулянтам (антитромбин, гепарин, протеин С и т. д.) и восстанавливает кровоток.

18

Клетки, из которых состоят стенки сосудов, лежат в один слой на эластичной мембране.

Если гладкость внутренней выстилки сосуда нарушается, поток становится не идеально ровным, а с завихрениями. Это создает предпосылки для столкновения клеток друг с другом. Когда тромбоциты, например, ударяются друг о друга, они начинают выделять вещества и прикрепляться друг к другу, создавая маленькие сгустки – тромбы.

20

Макрофаг – клетка крови, способная к активному захвату и перевариванию болезнетворных бактерий, чужеродных частиц и погибших клеток. Макрофаги, попавшие в ткани, живут примерно четыре-пять дней.

21

Внутри макрофагов есть протеазы – ферменты, способные расщепить чужеродный белок.

22

Часть веществ, выделяемых клетками, способна изменять толщину и проницаемость сосудистой стенки.

23

Из-за физиологических реакций холестерин, оставаясь в стенке сосуда, изменяет ее вокруг себя.

24

Адвентиция – оболочка вокруг сосуда. Внутри ее – эндотелий, снаружи – ткань, окружающая сосуд.

25

Ткани, окружающие сосуды, наполнены множеством нервных окончаний, иммунными, жировыми клетками и специфическими клетками, характерными для определенных органов (печеночными, селезеночными, почечными и т. д.).

26

Красный цвет тканям придает кровь, точнее, гем, содержащийся в эритроцитах.

27

Большинство биохимических реакций организма – это последовательности соединений различных веществ, среди которых большое значение имеют коферменты.

28

Фибробласты – клетки соединительной ткани. Способны вырабатывать белки соединительной ткани, выполняющие различные функциональные роли.

29

Атеросклеротическая бляшка отграничивается от окружающих тканей соединительной тканью. Это один из самых распространенных вариантов реакции организма на неполадки.

30

Острое нарушение мозгового кровообращения по ишемическому типу (в результате тромбоза, а не кровоизлияния), сопровождающееся неврологическими симптомами, проходящими в течение нескольких минут – часов (до суток), и не оставляющее последствий в тканях головного мозга. Обычно транзиторная ишемическая атака – предвестник масштабного инсульта.

31

Макрофаги с остатками холестерина. Они не могут его переварить и остаются на том же месте, где «проглотили» холестерин, – в стенке сосуда, становясь со временем бляшкой атеросклероза, которую мы видим при ультразвуковом исследовании магистральных артерий головы.

32

Нити фибрина.

33

Покрышка атеросклеротической бляшки.

Иногда под покрышку атеросклеротической бляшки (при ее неполном прилегании) попадает кровь, и она начинает отрываться. Ее поверхность становится неровной. Это приводит к столкновению форменных элементов крови, что, в свою очередь, создает условия для тромбообразования. Если противосвертывающая система вовремя не срабатывает, тромб летит дальше по направлению к мозгу. Развивается инсульт.

35

Клетки эндотелия следят за тем, чтобы поток крови был в норме, и не позволяют крови свернуться. Поэтому так важно не допускать системного повреждения эндотелия.

36

Клетки эндотелия постоянно обновляются.

37

Фагоциты уничтожают и съедают чужеродные объекты или погибшие клетки.

38

Ионные каналы обеспечивают транспортировку ионов в клетку и из клетки.

39

Атеросклеротическая бляшка никогда не сможет воссоздать ровную поверхность, которую поддерживают эндотелиоциты.

Когда клетки начинают сталкиваться друг с другом, переносчики различных белковых молекул усложняют продвижение по сосуду, сзади напирают новые клетки. Тромбоциты, сталкиваясь друг с другом, активируются, начинают выделять вещества, которые склеивают все друг с другом. Это защитный механизм для остановки кровотечения, но он же работает и против человека при отсутствии повреждения сосуда. По сути, они создают тромб, чтобы остановить кровотечение, но раны нет, и тромб растет внутри сосуда.

41

Простациклины ингибируют адгезию (прилипание) эритроцитов и тромбоцитов к сосудистой стенке.

42

Антитромбин III – естественный антикоагулянт, основной компонент противосвертывающей системы крови. Ответственен за поддержание крови в жидком состоянии. Более активен в присутствии гепарина.

Профибринолизин (плазминоген) переходит в фибринолизин (плазмин) и растворяет непосредственно тромб до пептидов.

44

Гепарин (сульфатированный мукополисахарид – компонент сосудистой стенки) – антикоагулянт. Препятствует образованию тромбина, адгезии клеточных элементов между собой, усиливает действие антитромбина III.

Так работает противосвертывающая система крови.

Тромбин – основной белок, ответственный за формирование тромба (кровяного сгустка, препятствующего развитию кровотечений).

47

Работа свертывающей системы.

Плазмин.

49

Соединительнотканная оболочка сосуда.

50

Стенки сосудов, утолщенные в результате действия артериальной гипертонии.

51

Рост соединительной ткани.

Частое употребление жареного, жирного, высокопереработанных продуктов, трансжиров (колбасы, сосисок, консервов и т. п.) приводит к тому, что организм тратит все резервы на переработку пищевых ядов, а не на поддержание и улучшение своего состояния.

Жир, откладывающийся в брюшной полости, вокруг органов, ухудшает полноценное кровоснабжение, а значит, питание органов.

54

Развилка общей сонной артерии и уход во внутреннюю сонную артерию – одну из четырех магистральных артерий головы, кровоснабжающих головной мозг.

55

Нейронная сеть.

Гематоэнцефалический барьер – структура, которая не дает бактериям, вирусам и крупным молекулам, циркулирующим в крови, попасть в мозг и тем самым защищает его от инфекций.

57

Глиальные клетки – небольшого размера клетки в головном мозге. Выполняют различные функции. В частности, обеспечивают поддержку и работу всей центральной нервной системы.

Сознание и бессознательное.

59

Есть понятия «красный тромб» и «белый тромб». Красный состоит из клеток крови. Его проще растворить, он менее твердый, хорошо лечится тромболизисом – введением в сосудистое русло препарата, который растворяет тромб при условии попадания в терапевтическое окно (когда тромб не закрепился окончательно). Белый тромб состоит из кусков оторвавшейся покрышки бляшки и самих атеросклеротических фрагментов. Его растворить невозможно. Это уже плотная, иногда содержащая кальцинированные участки ткань. Такие фрагменты, улетев в сторону мозга, забивают намертво просвет сосуда.

60

Отрыв кальцинированной покрышки: атеросклеротическая бляшка распадается на части и с потоком несется по системе артерий, кровоснабжающих головной мозг.

61

Нити фибрина – высокомолекулярного белка, образующегося из фибриногена, синтезируемого в печени и плазме крови под действием фермента тромбина.

62

Средняя мозговая артерия из-за резкого поворота имеет слабое место, где часто формируются тромботические массы.

63

Клетка Беца.

64

Формирование тромба из кусков атеросклеротической бляшки.

65

Потеря сознания.

Гибель нейронов из-за остановки кровоснабжения.

Прием анальгетиков обычно не решает проблему, а лишь прерывает болевой сигнал.

68

Регулярный прием алкоголя губительно воздействует на нервную систему. Особенно чувствительны к нему клетки Пуркинье – клетки мозжечка. Отсюда головокружение и неустойчивость при ходьбе.

Стентирование применяется почти во всех артериальных сосудах – от почечных и бедренных артерий до внутренних сонных и коронарных, чтобы расширить просвет сосуда и увеличить кровоснабжение органа. Стентирование сонных артерий, кровоснабжающих головной мозг, не только увеличивает приток крови к мозгу, но и осуществляет профилактику нарушения мозгового кровообращения (инсульта).

Стереогноз – способность узнавать предметы на ощупь. При нарушении мозгового кровообращения она нередко утрачивается. С помощью попыток узнавания предмета на ощупь мы стимулируем синтетическую функцию коры головного мозга и вынуждаем включиться в определение исследуемого предмета зоны мозга, объединяющие в себе оба полушария и анализирующие такие параметры, как вес, фактура, размер, материал, форма.

Игра «Глия» предназначена не только для пациентов с неврологическим дефицитом, но и для детей и взрослых, кто хочет развить умственные способности и сохранить молодость мозга.

72

Дендриты – разветвленные отростки нейрона, которые получают информацию через химические синапсы от аксонов других нейронов и передают ее через электрический сигнал телу нейрона, из которого вырастают.

73

Область прецентральной извилины, корковое представительство двигательных функций человека.

Организм замещает соединительной тканью погибшие нейроны, но эта ткань не несет никакой функциональной нагрузки. Полностью заменить погибшие нейроны можно только соседними.

Дендриты и аксоны (отростки) нейронов проводят электрические импульсы благодаря потенциалу действия – разнице ионного заряда внутри и снаружи отростка.

Чем чаще повторяется действие, тем больше связей между нейронами в том отделе мозга, который отвечает за него, тем эти связи крепче и тем толще отросток, по которому бежит импульс.

Огромное значение имеет коллатеральное кровообращение: многие зоны в головном мозге получают кровь из нескольких источников, часть сосудов друг друга перекрывает. Все создано так, чтобы сохранить максимум жизнеспособных тканей в случае тромбоза.

Глиальные клетки способны также выполнять трофическую функцию, обеспечивая нейроны глюкозой. Вокруг очага инсульта формируется пенумбра – скопление нейронов, которые еще способны выжить и полностью восстановиться благодаря работе глиальных клеток, внутренним резервам и коллатеральному (дополнительному) кровообращению.

79

Область постцентральной извилины, представительство коркового анализатора чувствительности.

80

Корковый анализатор чувствительности.

81

Двигательные нейроны.

Нейропластичность – способность человеческого мозга перестраивать функциональные зоны под текущие нужды. Чем разностороннее человек, чем больше у него навыков, тем выше шансы на перестройку нейронной сети и восстановление утерянных функций.

83

Сложная химическая нейромедиаторная организация в структурах мозга способна дать человеку ощущение счастья и, напротив, погрузить его в тяжелейшую депрессию, даже если что для одного, что для другого нет объективных причин.

Доказано, что при депрессии у пациентов наряду с фоном настроения и мотивацией снижается и интеллект. У перенесшего инсульт человека депрессия часто возникает не только из-за утраты части функций, но и из-за сложной реорганизации медиаторных систем. Важно вовремя это распознать и начать с этим работать. Прогноз восстановления напрямую зависит от состояния внутреннего мира.

85

Печень, мышцы запасают энергию в виде гликогена. Адипоциты (жировые клетки) – в виде жира. Мозг ничего не запасает, поэтому большая часть потребляемой энергии расходуется им.

Выделяемые сигнальные белки VEGF (vascular endothelial growth factor) стимулируют образование сосудов, и, если какому-то участку необходимо больше кислорода, больше энергии, в этом месте растут новые сосуды для обеспечения его всевозрастающих потребностей. Это удивительная, невероятная способность нашего организма к восстановлению, к созданию новых и перестройке существующих функций, к безграничному изменению и адаптации к нуждам человека.